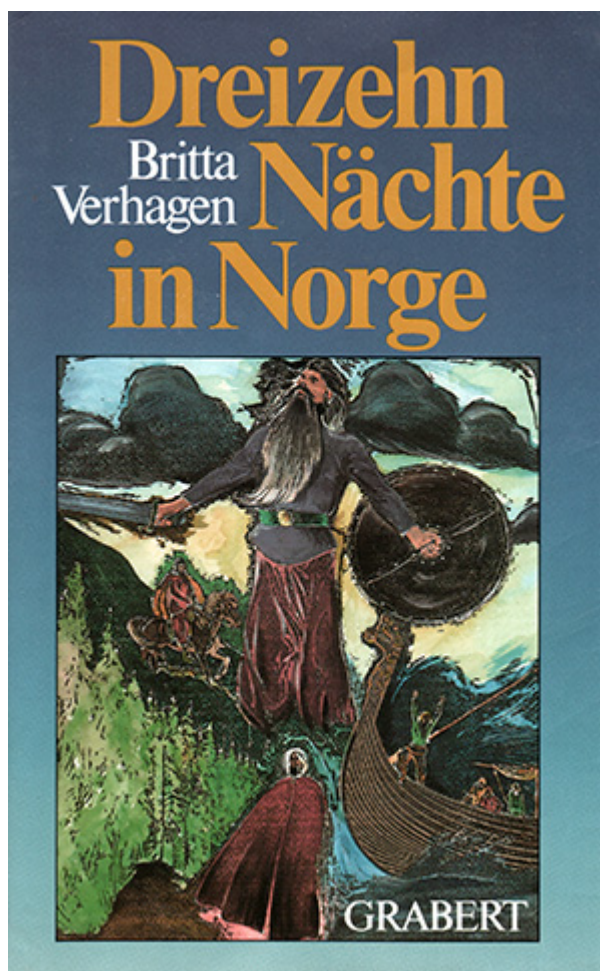

Бритта Ферхаген

ТРИНАДЦАТЬ НОЧЕЙ В НОРВЕГИИ

Исторический роман

Издательство «Граберт-Ферлаг», Тюбинген, 1991.

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2017 г.

Оригинал: Britta Verhagen, Dreizehn Nächte in Norge. Grabert-Verlag, Tübingen, 1991.

О книге: В романе, основанном на материале древних скандинавских саг, описывается одно чрезвычайно драматичное событие, которое произошло в только что принявшей христианство Норвегии начала XI века. Во время посещения королем Олавом II Харальдссоном одного из крупных крестьянских хозяйств на востоке страны все главные герои книги на протяжении тринадцати святых ночей во время Юла, зимнего солнцестояния, ставшего у христиан праздником Рождества, сталкиваются с призраком бога Одина. Уже одним своим таинственным присутствием призрак Одина вызывает как у убежденных христиан, так и у упрямых сторонников старой веры, сомнения и искушения, но также дает им чувство самой глубокой внутренней самореализации. Роман живописно описывает эмоциональный опыт отдельных людей в их борьбе за истину и знания, и показывает трагическое положение тех, кому довелось жить в эту эпоху огромного духовного перелома. Сущность различных конфликтующих идей прослеживается автором с большим пониманием. На примере судеб отдельных людей автор показывает борьбу между старыми и новыми идеями и изображает трагичность процессов христианизации Северной Европы.

Об авторе: Бритта Ферхаген – псевдоним известной немецкой писательницы Альберты Роммель (05.05.1912 – 22.12.2001), автора – под своим именем и под псевдонимом «Бритта Ферхаген» – многочисленных книг для детей и исторических романов, а также трех популярных исторических исследований о древней истории Европы: «Боги на утреннем небе. Религия североевропейского бронзового века» (1983), «Пришел ли Один-Водан с Востока? О религии германской праистории» (1994) и «Древнейшие боги Европы и продолжение их жизни до сегодняшнего дня» (1999).

От переводчика: Использованные автором в книге отрывки из «Круга Земного» Снорри Стурлусона и «Старшей Эдды» не переводились на русский язык заново, а были приведены в ставших уже классическими русских переводах профессора М.И. Стеблина-Каминского («Круг Земной»), Ю.К. Кузьменко («Сага об Олаве Святом») и А.И. Корсуна («Старшая Эдда»).

Хотелось бы также отметить, что автор романа – немка и писала она для немецких читателей. Поэтому в нем использовались, в частности, такие немецкие слова как König («король») и Bauer («крестьянин»). Я их переводил именно как «король» и «крестьянин», не меняя на более привычные в русских переводах древней скандинавской литературы слова «конунг» и «бонд», чтобы не добавлять скандинавский колорит там, где его не было у самого автора. Но слово «крестьянин» не должно вызывать недоразумений. Скандинавский бонд ничуть

не был похож на смерда или на крепостного крестьянина. Это был лично свободный, независимый и часто весьма зажиточный землевладелец, который – как вы увидите из этой книги – мог давать советы даже королю. Его можно было бы намного точнее назвать по-русски кулаком, если бы это слово, благодаря коммунистической пропаганде, не приобрело в русском языке все еще не до конца изжитый негативный оттенок.

Слово Jul (Юл или Йойль) означает как древнегерманский языческий праздник зимнего солнцестояния, так и христианское Рождество (и в таком значении оно и сегодня применяется в скандинавских языках). В описываемое автором время переход от языческого понимания праздника к христианскому еще не завершился. Кроме того, многие даже дошедшие до наших дней рождественские обычаи народов Северной Европы являются по своему происхождению языческими, появившимися еще в дохристианскую эпоху. Поэтому можно сказать, что, по сути, для героев книги Юл и Рождество были синонимами.

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Одноглазый
- II. Король
- III. На дворе Рауда
- IV. Крестьянин и крестьянка
- V. Сон короля
- VI. Даг Светлоокий
- VII. Голоса во мраке
- VIII. Йон
- IX. Восьмой день Рождества
- X. Сигват
- XI. Обручье
- XII. Двенадцатая ночь
- XIII. Золотая сеть
- XIV. Судьба короля Олава
- Послесловие

Посвящается памяти моего учителя Якоба Вильгельма Хауэра

I. Одноглазый

Немного распогодилось, когда Даг и его спутники покинули свой крестьянский двор, чтобы поспешить навстречу королю. Но когда они поднялись на вершину горы, то сразу же увидели, что снег будет мести еще сильнее, как это уже, впрочем, и предсказывал Сигурд, брат Дага. С Оркдалена ветер быстро гнал над вершинами гор серые, густые гроззовые облака. Ветер был сильным. Пурга уже скоро должна была замести своими снежными вихрями все то пространство, которое все еще ясно лежало перед их глазами. Тогда Даг отослал своих работников назад во двор.

Он не решился сразу последовать за своими людьми, которые, болтая и смеясь, скользили на своих снегоступах вниз по горному лесу. Он повернул взгляд на юг, где еще стояла на небе белесая светлая полоса. Оттуда должен был приехать король. Не заблудился ли он? При таком сильном снегопаде нетрудно было бы сбиться с пути. Хотя можно было предположить, что короля сопровождали знающие эти места люди. Наместник Бьёрн знал все дороги здесь наверху. Сигурд рассказывал, что управитель Бьёрн отговаривал короля от поездки в Эстердален.

(В «Круге Земном» для этой местности используется старое название Эйстридалир («Восточные долины») – прим. перев.)

Бьёрн якобы говорил, что зимой поездка в эту такую слабозаселенную лесную страну, где отдельные дворы часто находятся на расстоянии многих часов пути друг от друга, опасна и очень трудна. Но король, тем не менее, принял приглашение на празднование Рождества, которое Сигурд передал ему от имени своего отца.

Голоса слуг стихли в глубине. Теперь здесь наверху нельзя было услышать никакого шума, кроме свиста ветра в горном лесу и треска замерзших на морозе ветвей, которые ветер бил друг о друга. С широко расставленными ногами Даг стоял в своих снегоступах и всматривался вдаль. У него была светлая нежная кожа, а еще твердый подбородок и высокий лоб всех мужчин из его отцовского рода. Даг был похож на своего отца, тогда как Сигурд больше пошел в мать, внешне он был немного смуглее, а по характеру казался более сдержанным, чем его младший брат. Даг прожил на свете уже двадцать одну зиму. Он был сильным мужчиной и хорош собой. А еще он считался лучшим бегуном на снегоступах во всем Эстердалене. И поэтому было понятно, что он думал, что сможет побыть здесь наверху еще немного.

Эстердален зимой, современная фотография

Там наверху через перевал вилась дорога. Ее более светлая лента отчетливо выделялась на сером фоне заснеженного леса. Не появится ли прямо сейчас на этой светлой ленте движущаяся темная масса людей и коней? Даг спрашивал себя, не может ли случиться так, что король, в конце концов, вообще не приедет. Возможно, он просто отказался от этой поездки на север. Но нет, Даг ощущал тем чувством, свойственным только ему одному, благодаря которому он мог как бы видеть происходящее вдалеке, то, что не могли воспринимать другие его чувства, что король приедет и что он увидит его еще сегодня. И он чувствовал также – теперь в это тихое мгновение на горе еще более отчетливо, чем раньше – с каким сильным нетерпением он сам ожидал его прибытия. Он удивился этому. Не было ли бы для него более естественным желать, чтобы король, сбившись с пути, лежал погребенным где-то под большим снежным сугробом? Нет! Даг откинул голову назад и улыбнулся. Не в духе мужчин его рода избегать трудностей или хотеть их предотвращения.

Ветер становился сильнее. Он свистел у ушей Дага. Светлая полоса на горизонте темнела. Было немного за полдень, короткий зимний день уже клонился к

закату. Всего через час уже должно было стемнеть. Дагу пора было подумать о возвращении домой.

Как только он обернулся, он заметил, что пурга уже началась там. Одинокие снежинки уже плясали вокруг него. Он быстро начал скользить с горы. Когда он спустился в лес, снежная буря набрала полную силу. Мгновенно вокруг него стало почти темно; он ничего больше не мог видеть кроме матово-серого вихря снежинок, с ледяным холодом круживших вокруг него. Ветер ревел между стволами деревьев. Но Даг прекрасно знал эти леса, он мог без труда найти в них дорогу даже при самой плохой погоде. Осторожно он скользил дальше, беспокоясь только о том, чтобы не сбиться с горной тропы, не оказаться среди непроходимых зарослей между деревьями.

Когда он бежал через поляну, буря налетела на него так сильно, что он почти не мог дышать. Дагу пришлось напрягать все свои силы, чтобы не проиграть в борьбе со стихией. Но все же эта борьба доставляла ему и радость, ему нравилось мериться силами с таким могущественным противником.

Оказалось удивительно трудно снова найти вход в лес. Наконец, он подумал, что обнаружил путь, и, вздохнув, понесся вниз под гору по узкой тропке между стволов деревьев. Но похоже, что он все-таки ошибся, так как спустя некоторое время ему внезапно пришлось остановиться. Прямо перед ним земля внезапно круто спускалась в бездонную пропасть. Он остановился, сбитый с толку. Стволы деревьев кряхтели, и их кроны стучали и скрипели, как будто бы над их вершинами мчалась вереница колесниц, запряженных быстрыми лошадьми.

С трудом, шаг за шагом, он пробирался вдоль края склона. Куда это его занесло? Все же, не к отвесному склону Оддесфель? Но эта горная стена должна была находиться далеко слева от него. Однако ему не повредит, если он теперь будет все время идти направо.

Склон был крутым, и деревья здесь росли плотно друг к другу. Когда же закончится этот буран! Может, уже настала ночь? Знал ли он хотя бы, где находится? Ему никогда и в голову не пришло бы, что он сможет заблудиться здесь в этом так хорошо знакомом ему лесу! – Такой глупый простофиля как я может ухитриться сделать даже невозможное, – сердито сказал он сам себе под нос.

Но затем вдруг стволы деревьев, похожие на привидения в колышущейся мгле, раздвинулись далеко в сторону от него. Он добрался до широкой просеки. Даг собрался с силами и с новой отвагой бросился в серую пустоту, которая открывалась перед ним. Он скользил быстрее и быстрее, прыгал, спешил, летел и затем вдруг с сильным грохотом упал, повалившись кувырком в мокрый и мягкий

снег. Наполовину оглушенный, он откопал себя из сугроба, стер снег с глаз и ушей. Его руки и ноги не пострадали от падения, он это чувствовал.

Но когда он встал на ноги, то заметил, что носки обоих его снегоступов сломались. И, кроме того, один из них раздробился посередине по всей длине. Вот только этого не хватало! – сказал Даг себе под нос, пока он привязывал жалкие остатки дерева к ногам. Только сейчас его охватил ужас. Он знал, что теперь должна начаться борьба действительно не на жизнь, а на смерть. Он пожалел о том, что так долго медлил там на вершине горы. Но сейчас мысли об этом уже никак не могли ему помочь. С трудом он пытался прокладывать себе дорогу через мягкий снег, в который он с каждым шагом проваливался почти по пояс. Разные ползучие растения, кажется, полностью покрывали землю и еще больше мешали движению. По лбу Дага струился пот. Он с большими усилиями пробирался вперед шаг за шагом. Это было невыразимо тяжело. Но он все время снова и снова заставлял себя идти. Когда-то крутой спуск должен был облегчить движение, когда-то также этот буран должен был закончиться. Как долго он уже мучается здесь? Ему казалось, что прошли уже целые часы.

Сердце стучало неравными ударами. Он пыхтел, задыхаясь, во рту у него пересохло, лицо горело, потому что буря хлестала его снегом как плетью. Снег забивал ему глаза, но у Дага больше не было даже сил, чтобы стереть его. В первый раз в жизни он столкнулся с силой, которая была сильнее его самого. Это было странно. Теперь он чувствовал больше удивление, чем ужас. – Возможно ли такое? – спрашивал он себя. Могло ли быть так, что он, Даг, сын большого Раудульва, которого прозвали королем Эстердалена, здесь, на удалении всего нескольких миль от его отцовского двора, должен будет так бесславно и смешно погибнуть? Неужели нет никакой помощи для него? Неужели его больше не смогут спасти ни его сила, ни его ум? И нет никого, кто мог бы помочь ему?

- Помогите! – с трудом крикнул он, запыхавшись, в бушующий мрак и в то же самое мгновение с насмешкой спросил себя, кто бы это мог быть, тот, к кому он взывал. Бог? Это было что-то неопределенное, очень далекое и недоступное пониманию. Белый Христос? Он был еще гораздо дальше. В такой час от них обоих ничего не стоило ждать. Нельзя было ожидать чего-то ни от кого и ни от чего на небе или на земле, если собственной силы недостаточно. – Слабак! – сказал Даг самому себе.

Он еще раз попытался двинуться вперед. Но скоро он заметил, что все старания были напрасны. Его конечности уже не могли ему служить. Он зашатался, скользнул вниз и опустился глубоко в мягкую массу снега.

И вот он лежал глубоко в снегу и чувствовал, как на него падали снежинки и покрывали его. И он также чувствовал, как его члены отмирали, и жизнь уходила из них. В полусонном состоянии между сном и бодрствованием он думал об отце, о матери, о Сигурде и обо всех, кто были на дворе, также о лошадях, коровах и других животных. Он видел перед собой двор с его красивыми домами, которые в своем цветном разнообразии приветливо сверкали на фоне белого снега. И он видел, как огонь с золотым и красным мерцанием горит в зале, и слышал смех людей, которые сидели на скамьях и передавали друг другу рог с пивом. Но отец откинулся на спинку престола, его высокого кресла, стоящего на возвышении, подперев голову руками, смотрел на него светящимися, мечтательными глазами и улыбался. Он спрашивал себя, неужели это правда, что он никогда больше не увидит все это своими глазами, так как это все было так ощутимо близко перед его внутренним взором.

Он прислушался к себе, как он обычно поступал, если хотел узнать что-то отдаленное. Но все голоса в нем молчали. На его вопрос не пришло ни одного ответа. Вместо этого ему вдруг показалось, что в темноте к нему как будто скользнуло какое-то лицо, которое показалось ему странно чужим и в то же время знакомым, и которое строго и требовательно рассматривало его только одним глазом. Это лицо все время увеличивалось, росло и росло... – Кто это? – спросил он себя. Но ответа не последовало. Странная тишина вдруг наступила в мире. Не было больше ничего, кроме этого одного глаза, от которого исходил свет, который, кажется, проникал во всю внутреннюю часть Дага и наполнял ее подобно огромному ледяному светлomu лучу. Было такое ощущение, как будто бы этот свет с силой вырывал его, поднимал вверх из его слабости.

Он с трудом поднял голову. Куда исчезли шипение и вой бури? Он попытался открыть залепленные снегом глаза, и ему удалось заставить веки открыться. Сначала он не замечал ничего, кроме одного лишь бледного тумана. Затем, однако, вид перед его глазами прояснился, и он увидел, что пурга закончилась. Он отчетливо мог разглядеть деревья и заглянуть далеко в тихий лес, который в синевато-снежных сумерках открывался перед ним вплоть до его самой дальней, темной глубины. И из этой глубины маленький красно-золотой свет медленно приближался к нему.

Теперь Даг больше не удивлялся. Все голоса в нем внезапно пробудились и говорили ему, что он спасен и уже не умрет. Он собрался с силами, глубоко вздохнул и смог, наконец, медленно и с большим трудом выкопаться из снега и с негнущимися конечностями поплестись навстречу приближающемуся свету. Теперь он увидел, что свет горел в фонаре, который нес высокий мужчина, опирающийся на посох. Мужчина остановился перед Дагом, затем наклонился и безмолвно, мягко и непрерывно стал проводить руками сначала по ступням Да-

га, а затем по его ногам снизу вверх. Потом он так же поступил с его ладонями и руками. И при этом Даг чувствовал, как жизнь с ощущением легкого покалывания постепенно возвращалась в его конечности. После этого человек поднял свой фонарь, махнул Дагу, чтобы тот следовал за ним, и пошел перед ним тяжелыми шагами по лесу.

Даг видел, как большая фигура, закутанная в широкий плащ, медленно шла сквозь синеватые сумерки. Вскоре они вышли на поляну. Там стояла хижина. Небольшая и темная, она выделялась на фоне светлого снега. Она прислонилась к склону, который поднимался высоко над ней. Над белой вершиной горы небо было теперь ясным и усеянным звездами. Дагу показалось, что он все это уже видел: это заснеженное место, темную хижину на склоне горы, тихие ели вокруг и звездное небо над всем этим. Но в том оцепенелом состоянии, которое все еще не оставило его, он не мог вспомнить, где это могло быть.

Мужчина в плаще открыл дверь хижины и вошел, Даг последовал за ним и закрыл дверь за собой. Он стоял и смотрел на незнакомца, который хлопотал в середине помещения. Внезапно там вспыхнуло пламя. И затем послышался приятный шум весело трещащего огня. Незнакомый человек обернулся.

- Подойди, – сказал он. Это было первое слово, которое он сказал Дагу.

Даг уселся рядом с огнем. Тепло благотворно подействовало на него. Он поднял взгляд на мужчину, стоявшего в тени. На незнакомце была большая шляпа, поля которой спускались над лицом, так что Даг не мог разглядеть его черты. – Я благодарю тебя, – сказал Даг. – Кто ты? – спросил он затем и попытался рассмотреть лицо незнакомца.

- Тебе лучше не спрашивать об этом, – ответил тот, отвернувшись. Он склонился над огнем и подбросил в него дрова. – В эти времена не хорошо много спрашивать и много знать. Было бы умнее, если бы ты помолчал и растирал свои руки и ноги, чтобы холод ушел из них.

Даг внимательно вслушивался в голос мужчины. Голос был низким, и в нем слышался какой-то сердитый оттенок.

И все же он еще долго мог бы слушать его. Но так как незнакомец молчал, то Даг занялся тем, что тот ему посоветовал. Он растирал свои конечности и больше ни о чем не спрашивал.

Человек повесил над огнем котел, из которого теперь начал подниматься пар. Он помешал в нем кусочком дерева, затем он вынул кубок, который он, навер-

ное, носил у себя на поясе, и наполнил его испускающей пар жидкостью. Пряный аромат распространился в помещении. Мужчина поднял кубок и повернулся к Дагу. – Хочешь выпить со мной? – спросил он.

Даг поднял голову. Большая и темная фигура в плаще поднималась на фоне света огня. Он мог разглядеть только ее контуры. Все же, по тону вопроса Даг догадался, что за этими простыми словами должен был находиться какой-то скрытый смысл, который он не мог понять. Он медлил.

- Хорошенько подумай и не торопись с ответом, – продолжал незнакомец.

Даг вдруг вспомнил, что эта ночь, когда они сидели, была ведь сочельником, Святой ночью Рождества, когда обычно пьют в память о своих близких. Вероятно, они дома уже собрались в зале и опустошали рождественские кубки. Не следовало ли бы ему тоже соблюсти этот обычай?

- Святая ночь, – тихо сказал он, так, как будто бы он вместе с тем ответил на вопрос незнакомца.

Тот, кажется, тоже воспринял его слова таким же образом. – Тогда давай выпьем в память о мертвых, – пробормотал он. Он приложил кубок к губам. После этого он передал кубок Дагу.

Одно мгновение Даг держал кубок в руке и почувствовал почти одурманивающий аромат, который исходил из него. – Я пью в память об умерших, – торжественно произнес он, и ему при этом показалось, что он слышит теплый голос своего отца, который в каждую рождественскую ночь его жизни произносил эти слова. Он пил и чувствовал, как праздничное чувство того далекого торжества, которое с самого раннего его детства было неотъемлемой частью этого мгновения Святой ночи, охватило его. Затем он вернул кубок незнакомцу.

Мужчина наполнил его снова и подал Дагу. – Второй кубок? Это был вопрос.

Даг держал теплый металл в руке. – Я пью в память о короле, – сказал он. И пока он пил, все его мысли были об этом человеке, которого он еще не знал, но который должен был прийти, и он уже не был далеко от него, он это чувствовал сильно и отчетливо. Глаза Дага светились, когда он возвращал кубок.

Незнакомец наполнил кубок в третий раз. Тогда, однако, он оставил его у себя в руке. – А теперь? – спросил он. Его голос звучал еще более низко, чем раньше.

- Память Иисуса Христа? Тон Дага был вопросительным и неуверенным. Что-то подсказывало ему, что было не хорошо произносить эти слова здесь и сейчас.

Мужчина стоял неподвижно. Казалось, что он медленно рос все выше над Дагом. – Мы уже выпили в память о мертвых, – ответил он, наконец, жестким тоном.

Даг вопросительно посмотрел на него.

- Выпей за меня! – произнес мужчина. Эти слова прозвучали как приказ.

Даг пристально поглядел на него. – Но не принято пить за память присутствующих, – едва прошептал он, ему было трудно дышать.

- А разве ты знаешь, присутствую ли я больше или меньше, чем покойники или король? Мужчина медленно сдвинул шляпу вверх со своего лица, так что Даг мог разглядеть его черты. Теперь он увидел, что этот человек был стар, его лицо было полно глубоких морщин. Борода его обледенела, и у него был только один глаз, смотревший на Дага с такой пронизывающей силой, которая заставила его содрогнуться. Дагу показалось, что это лицо уже было ему знакомо, и он спросил себя, где бы он мог его видеть. И тогда – вдруг – он осознал, что именно это лицо он видел, когда лежал в глубоком снегу, обреченный на смерть. И все же он никак не мог избавиться от ощущения, что видел это лицо еще раньше, задолго до этого, что он знал его уже давно; как из самых ранних детских снов, оно, кажется, проявлялось из каких-то неясных и дальних воспоминаний.

- Если ты захочешь выпить мою любовь, то я дам тебе также новое имя и произнесу к тому же еще и хорошее изречение для тебя, – убеждал низкий голос. – Так ты хочешь выпить?

- Да, – ответил Даг. Теперь вся неуверенность в нем исчезла. Он протянул руку.

Однако старик поднес кубок только к своим губам. Затем он три раза подул над напитком. – Будь тем, кто ты есть, Даг Светлоокий! – произнес он медленно и сильно. Его голос продолжал звучать, как будто в этом маленьком помещении было эхо. Его единственный глаз пристально смотрел на Дага, когда старик передавал кубок Дагу в руку. Когда Даг поднял сверкающий сосуд, он увидел, что на металле были выцарапаны знаки, которые он не мог объяснить. Он почувствовал, что его сердце бьется как молот. Но в то же время он заметил и то, что он не чувствовал совсем никакого страха. Сам не зная этого, он улыбался. Он поднялся, светлая улыбка его рода была на его молодом лице. – Я посвящаю

себя тебе! – произнес он звучным голосом. Он сам не знал, откуда в его устах возникли эти слова. Он только знал, что невыразимое счастье распространялось в нем подобно свету. Он как будто со всем своим «я» погружался в прозрачную глубину этого светящегося глаза.

Он выпил. Напиток разлился по его телу словно огонь. Внезапно в нем как бы открылись сто дверей, и через них в него ворвался большой и яркий свет. Эта свет стекался наверху в высокий свод, который выгибался над ним как бескрайнее, белое небо. И под этим небом он шагал, выброшенный из всего настоящего, по бурой земле лугов к холму, который возвышался посреди широкой равнины. На вершине холма стоял древний камень, и когда Даг подошел к этому камню и дотронулся до него, он соскользнул вместе с ним внутрь холма, он опускался, опускался все глубже, опускался и опускался, и тонул посреди беспредельной глубины мира. Он ничего больше не знал ни о том, что кубок выпал у него из рук, ни о том, что он сам, шатаясь, повалился на сено, которое покрывало пол хижины. И он также не заметил, как старик, плотнее запахнув свой плащ, остался сидеть рядом с ним, как будто охраняя его, в то время как пламя в очаге медленно догорало, а снаружи Святая ночь в величественной тишине, полная звезд на высоком небе, окутывала хижину.

II. Король

Только когда поток холодного воздуха пронесся над ним, Даг наполовину очнулся от своего дурмана. Он попытался поднять голову, но он чувствовал такую большую тяжесть в своем теле, что это ему не удалось. В странном состоянии между сном и бодрствованием он лежал и видел, что дверь хижины была открыта, и что несколько мужчин, громко разговаривая, вошли через нее. – Слава богу! – воскликнул один из них. – Огонь! Тепло! Небо смилостивилось над нами.

- Нам воистину подобает воздать ему благодарность, так как без его спасения мы этой ночью точно бы пропали, – ответил другой, который уже стоял посреди хижины и осматривался в ней. – Я уже больше не считал это возможным.

Он снял меховую шапку, перекрестился и на мгновение опустил голову. Затем он снова поднял ее, и его водянисто-светлые, живые глаза уставились на Дага, который лежал на сене. – Я думаю, что эти люди не будут возражать, если мы тоже погреемся у их огня.

Он подошел на шаг к Дагу. – Паренек спит, – сказал он. Даг лежал на спине и подглядывал через полузакрытые веки. Он мог видеть и слышать все, что про-

исходило, но он не мог двигаться. Он был как будто заколдован. Он хотел показать, что он не спал, но не мог это сделать, он лежал неподвижно как бревно.

- Старик тоже спит, – заметил один из других мужчин, которые, вытряхивая снег из меховых шуб, вошли через дверь.

- Не беспокойте их! – сказал широкоплечий с меховой шапкой, который стоял ближе всего к Дагу.

Тот, к кому он обратился, склонился к котлу, который раньше висел над огнем и теперь лежал на земле. – Жаль, что котел пуст. Он стукнул по нему ногой.

- Давайте сядем, – приказал широкоплечий, – и будем говорить тихо. Не забывайте, что мы здесь незваные гости.

- Я думаю, господин, у тебя есть право входить всюду, где бы это ни было, – произнес молодой худой человек, который как раз сбросил свой плащ, так что можно было увидеть одежду священника, которая была у него под плащом.

- Дом любого человека – это его замок, в котором он господин, а любой другой – только гость, кем бы он ни был, – ответил широкоплечий человек наставительным тоном и уселся на скамейку у стены.

Изящно одетый человек с серовато-белокурыми растрепанными волосами стряхнул свою дорогую меховую шубу, так, что капли разлетелись по сторонам.

- Хотел бы я, чтобы мы всегда и повсюду придерживались этого прекрасного правила, – проворчал он про себя, но настолько тихо, что широкоплечий, наверное, не мог услышать этих слов. Он спокойно сидел и смотрел на огонь, который темноволосый, только что сожалевший из-за пустого котла, теперь снова разжигал до яркого пламени. Даг видел, как мерцающий свет огня играл на лице сидящего мужчины. Он отбросил плащ далеко назад. На его шее сверкала тяжелая золотая цепь. Лицо его было еще молодым, достаточно красивым и наполненным силой воли, темно-русые волосы, которые мягко спадали вниз, блестели, глаза, когда в них отражался огонь, выглядели так, будто бы они были из прозрачного стекла. Даг никогда не видел короля, но он, тем не менее, немедленно узнал его. Итак, он теперь был здесь, Олав Харальдссон, сын Харальда, которого они, наполовину шутя, прозвали Толстым, вероятно, из-за его коренастой и широкой фигуры. Он был здесь, спасшийся от ночи и бурана, как и сам Даг, он, король, которого Даг ждал, действительно сидел совсем рядом с Дагом, и Дагу так хотелось бы встать и поприветствовать короля, как подобало. Но он не мог этого сделать. Он лежал, скованный тяжестью, еще наполовину

погруженный в свой сон, огромная ширина и глубина которого все еще жила в нем и наполняла его, так что все, что происходило вокруг него, оставалось бледным, лишь игрой, за которой он наблюдал, внимательно, но почти без участия, как будто из другого мира.

Мужчины уселись кругом на скамьи у стен или повалились в сено на полу. Их было восемь. Затем вошел девятый, очень большой, сильный человек, который громко захлопнул дверь за собой.

– Хорошо, когда можно согреться, – сказал он, потирая руки.

Король поднял голову. – Кони? – спросил он.

- Накормлены, – ответил здоровяк. – Здесь рядом есть сарай. Я вскрыл дверь. Вот там внутри они теперь и стоят, сена им хватает.

- Тогда все хорошо. Король выпрямился. – Бог был очень милостив к нам. Мы хотели бы провести для него благодарственную мессу, епископ, когда мы снова прибудем в какое-нибудь место, где есть церковь.

Человек, сидевший ближе всего к королю, кивнул. – Бог наш сделал для нас великое дело. Хвала его имени, – пробормотал он. Его лицо было красное и круглое, с маленькими, живыми глазами. – Как легко мы все могли бы теперь лежать там снаружи, погребенные в снегу! Он дрожал.

- Святой ночью... – сказал себе под нос худой молодой человек в одежде священника.

- Мы должны будем просить Бога и его Сына о прощении за то, что мы проводим Святую ночь без мессы, алтаря и молитвы, – продолжал епископ.

- И без рождественского пива и кубка, выпитого в память об умерших, что, похоже, почти кажется мне даже еще хуже, – дополнил черноволосый, улыбаясь тонкими насмешливыми губами.

- Нам не хотелось бы отправляться в путь, пока не настанет день, – прервал его король, – тогда нам нетрудно будет вновь вернуться на дорогу и добраться до двора Рауда еще засветло. Что ты думаешь, Бьёрн?

Он махнул мужчине, который стоял позади. Теперь тот с показным усердием подошел и по знаку короля присел рядом с ним. – Мы не можем быть далеко от нашей цели, господин. Одна миля, не больше, – ответил он. Даг узнал в нем управителя Эстердалена. У него было широкое лицо с высокими скулами и уз-

ким разрезом глаз. Видно, что он чужой крови, пусть даже сам он утверждает, что он швед, подумал Даг. Значит, вот так он ведет себя, когда он рядом с королем. Даг знал управителя Бьёрна только сидевшим верхом на коне, как властного королевского наместника, который чувствовал себя стоящим выше всех крестьян. Но тот, кто сидел здесь на корточках с согнутой спиной и покорно косился на короля со стороны, был, кажется, совсем другим человеком.

- Помните, господин, что я предостерегал вас о буре. Погоде в этих местах никогда нельзя доверять, погоде можно доверять так же мало, как..., – он остановился – как людям, – дополнил он важным тоном.

- Мы спаслись от бури, Бьёрн, – произнес король, не пошевелившись. – Я думаю, мы также справимся и с людьми. Я со своей стороны должен сказать, что мне пурга представляется более опасной, чем какой-то упрямый крестьянин, и пусть его даже сто раз называют королем Эстердалена. Я начинаю учиться справляться с такими маленькими королями. Он замолчал. – Посмотрим, – сказал он затем. Он осмотрелся по кругу. – Почему вы все выглядите такими унылыми? – спросил он. – Чего вам не хватает?

- Праздничного пива, король, не более того, – ответил великан, который пришел самым последним.

Король улыбнулся. – Так как я не волшебник, я не смогу достать его вам. Но если у нас уже нет пива, то нам, по крайней мере, должно хватить того, что можно устроить и без колдовства. Разве не относятся к Святой ночи также развлечения и хорошая беседа? Кто из вас захочет стать нашим сказителем, рассказчиком саг, и поведать нам о героях давних времен и о славных подвигах? Ну, давайте! Иначе время будет тянуться для нас слишком долго. Как насчет тебя, Сигват? Он ободряюще взглянул на черноволосого, который сидел напротив него.

Но тот скривил тонкое, рассудительное лицо. Его темные глаза вспыхнули, как будто бы он быстро задумался, в то время как на его лбу появились морщины. Затем выражение его лица расслабилось, и он плавно заговорил:

«Правильней было бы, Олав,
Если бы ты, передвигающий горы,
Всеведающий, сперва колдовству научился, в самом начале.
Тогда я тоже готов был бы,
Рассеять в сей час
Твою скуку, но все же не хочет брюхо мое
Согласиться на это,

Ибо пусто оно, и звонко звучит пустота в нем».

Мужчины от удовольствия хлопали себя по ляжкам. Король тоже рассмеялся. – Вот негодяй, какой же ты плут! Ну, погоди только, я уж с тобой разберусь! – отвечал он, подражая интонации черноволосого. Но затем его взгляд продолжил искать дальше по кругу. Он зацепился за великолепно одетого человека, который небрежно прислонился к стене. – Кальв?

Но тот отказался. – Я не рассказчик саг, – ответил он коротко.

Король все еще смотрел вверх на него. – Недавно один человек говорил мне, что ты мог бы немало рассказать, Кальв сын Арни, если бы только захотел открыть рот, – тихо сказал он.

- Тот, кто говорил так, ошибался, или же он не желал добра тебе и мне, – холодно ответил его собеседник, не двигаясь с места.

Король медленно опустил голову, и глубокая, неприятная тишина наполнила помещение.

Тут за огнем возникло какое-то движение, кто-то там с трудом и долго поднимался, и затем вошел, прихрамывая, в круг мужчин, которые удивленно подняли на него взгляд. Так же удивленно, почти испуганно, Даг посмотрел на старика, которого он едва узнал. Тот, кто привел его к этой хижине, был большим, сильным и стоящим прямо человеком, внушающий уважение вид которого почти вызывал у Дага страх. Теперь же он видел сгорбленного старика, который, как казалось, едва ли мог держаться на ногах, поля шляпы которого слабо свисали вниз над замазанным сажей лицом, и плащ его был похож лишь на дырявую накидку нищего. Как могло произойти это превращение?

- Если вам нужен сказитель, то я мог бы вам услужить, – сказал он ломким и хриплым голосом, который показался Дагу совсем незнакомым.

- Сказитель? Теперь мы спасены, – воскликнул со смехом один из мужчин.

- Ты хозяин этой хижины? – спросил король.

- О, нет, господин, я забрался сюда, спасаясь от снега и бури, как и ты. У меня нет владений, я только один из тех, кто бесприютно бродит по земле.

Он устало покашливал. – Ни дома, ни жилища, изгнанный и лишенный наследства.

- Как тебя зовут?

- Гестом зовут меня, и во всех местах, как мое имя говорит, я всего лишь гость.

- Но разве мы все здесь на земле не гости? – спросил вполголоса король. Он указал на чурбан возле очага. – Присаживайся к нам, Гест. Ты видел лучшие дни?

- Лучшие, чем ты мог бы теперь подумать, господин. Я когда-то своими владениями был богаче любого из господ в этом кругу, я мог бы биться об заклад, – пробормотал старик.

- Я не советовал бы тебе спорить на слишком высокие ставки, – крикнул высокомерно один из мужчин, красивый светловолосый человек аристократического и приятного вида, – пока ты сам не знаешь, с кем ты здесь имеешь дело.

- Никогда нельзя знать, с кем имеешь дело, если встречаешься с кем-то ночью и зимой, – ответил старик ровным голосом, – и никто из людей также не может знать того, что принесет завтрашний день, и как скоро он сам, как бесприютный беглец, будет бесцельно бродить по лесам. Это та судьба, которая сегодня не далека ни от кого.

Он запахнул поплотнее свой разорванный плащ, как будто замерз. – Я могу рассказать вам о дальних странах или о давних временах, что вы хотите услышать. Вам не мешает моя плохая одежда? – сказал он, повернувшись к королю.

- Мне нет, – ответил тот серьезно. – И никто также не должен насмехаться над твоей судьбой. Ведь ты говоришь верно: Кто из нас знает, кем и где он будет завтра? И, кроме того, мы должны принимать Христа, нашего Господа, в каждом нищем. Не так ли, епископ?

Круглолицый господин с достоинством закутывался в свою дорогую шубу. – Это так, король. Господь говорил: «То, что вы сделали одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

- Что же ты расскажешь нам? – спросил король старика.

- Просите!

- Сагу о королях древнейших времен! – потребовал один из мужчин.

Но другой со смехом возразил: – Древнейшие времена! Да это же все ложь и небылицы, все, что скальды рассказывают об этом. Пусть он лучше расскажет о том, что он действительно может знать. О временах, которые он сам пережил...

Старик снова откашлялся: – Но знаешь ли ты, сколько времен я пережил?

- Ну, о временах короля Олава Трюггвасона ты еще, пожалуй, помнишь.

Лицо короля просияло. – Олав Трюггвасон, да. Расскажи нам о нем! – потребовал он.

- Но разве ты сам уже не знаешь о нем достаточно? – пробормотал старик, не поднимая взгляд.

- Не беспокойся об этом, старик, – вмешался черноволосый. – Тебе следует знать: человек, рядом с которым ты сидишь, носит то же имя, что и тот король, и он никогда не может слышать достаточно о нем и о его деяниях.

- Никогда не достаточно о его деяниях, чтобы подражать ему в них; достаточно о его судьбе, чтобы самому нести ее, – тихо сказал себе под нос старик. Это было только как слегка заметное дыхание, и Даг так и не узнал, разобрал ли кто-то из сидящих людей эти его слова. Но затем он услышал, как старик вздохнул. Его голос звучал ворчливо, когда он продолжал: – Что я должен рассказать об Олаве Трюггвасоне? Разве мужам Севера доставило бы удовольствие слышать о том, как он вырывал языки их отцам и вырезал глаза, и заталкивал им в рот змей, чтобы те прогрызли им внутренности? Разве может быть приятно слышать о том, как он, Олав сын Трюггви, поработал мужчин и бил женщин, и сжигал благородных людей в их домах?

На лице короля, когда он услышал эти слова, появилось жесткое выражение. – А не расскажешь ли ты также и о том, из-за чего он делал все это? – строго спросил король, жестко перебив рассказчика.

- Он делал это, потому что он хотел заставить людей в Норвегии поклоняться Белому Христу, – ответил старик спокойно.

Король положил сжатый кулак себе на колено. – Он делал это, чтобы принести людям в Норвегии спасение, которое им требовалось. И так как они продолжали упорствовать в этой своей злой косности, то ему пришлось принудить их к этому спасению, как это часто должно происходить в этом мире, в котором зло обладает такой большой силой, – дополнил он.

Прибытие короля Олава I Трюггвасона в Норвегию (с картины норвежского художника XIX века Петера Николая Арбо)

Старик кивнул. Шляпа при этом полностью опустилась на его лицо. – О, да. Все, что он делал, происходило ради спасения и во благо людей в Норвегии. Это происходило во благо самых благородных мужей в землях Трандхейма и Ставангера и Хардангера, и во всех местностях королевства, что он мучил их и убивал, и искоренял их роды. Это происходило ради их же блага, что он коварно пригласил людей, которые знали древнюю мудрость и ведали тайны богов, на пир, приказал подмешать им в пиво сонное зелье, и когда они уснули, он сжег их всех вместе в зале.

(Трандхейм – использованное также в «Круге Земном» старинное название норвежского города Тронхейма, он же Нидарос. – прим. перев.)

- Это были колдуны и злые чародеи, с которыми он так поступил, – прервал епископ.

- И также ведь не все были тогда сожжены, – вмешался теперь другой голос. Мужчина со светлыми, растрепанными волосами, которого король называл Кальвом, приблизился на один шаг. – Разве не рассказывают, что двоюродный брат короля, Эйвинд Болото, который, подобно самому королю, был потомком Харальда Прекрасноволосого, ускользнул через дымовое оконце?

Старик поднял голову. – Эйвинд Болото стоял высоко на крыше, которую пробивало пламя, – бормотал он напевным тоном сказителя. – Там он говорил: «Слишком долго, слишком долго, губитель всего, уже длится твоя жизнь...»

Внезапно он умолк, как будто бы потерял мысль.

Черноволосый нагнулся вперед. – Говорят, что король Олав Трюггвасон снова приказал своим людям поймать Эйвинда, а затем приказал своим слугам ослепить его. Но Эйвинд, после того, как те вырезали ему один глаз, тем не менее, смог ускользнуть из их рук с помощью своего колдовства и сбежал в Швецию, где он продолжал тайно жить, и вместе с королевой Сигрид старался ускорить смерть короля Олава... Черноволосый по-прежнему нагибался вперед и пытался, глядя на старика снизу вверх, рассмотреть его лицо.

Старик сидел неподвижно, зарево очага было за ним, так что он выглядел только как темная и бесформенная масса.

Тогда с задней части комнаты большой человек, который пришел самым последним, заговорил страстным голосом: – Также говорят, что ночью после тех событий, о которых только что рассказал Сигват, старый бог Один пришел к Олаву Трюггвасону и беседовал с ним.

Король вскочил. – Это языческая болтовня! – закричал он говорящему.

Но тот не смутился. – О, нет, определенно нет. Об этом рассказывают многие люди, которые являются добрыми христианами. Один якобы хотел его искусить. Говорят, что он хорошо говорил и называл важные причины. Но король сопротивлялся ему. И Олав Трюггвасон приказал бросить конский кострец, который чужак дал его повару, в огонь и сказал: «Одину никаким способом не удастся перехитрить меня». После этого призрак исчез, и с тех пор его больше не видели... Однако он якобы предсказал королю его смерть, которую он назвал наказанием за все то горе, которое король причинил ему.

- Хрейдар, – очень строго произнес король, – я не хочу, чтобы мои друзья пересказывали эту ложь. Я не знаю, понимаешь ли ты, из каких мутных источников все это происходит. Из источников, которые я еще выслежу – с божьей помощью – и заставлю их иссякнуть.

Но большой мужчина в углу не дал себя запугать. Он поднял свое лицо с четкими чертами, красивое, но простодушное лицо в круг света, исходящего от огня.

- Это правда, господин, раз уж я говорю тебе, что только добрые христиане рассказывали мне эту историю. Они также говорили, что вовсе не Эйвинд Болото избежал огня и королевских слуг и убежал в Швецию, а сам Один, который только на время принял вид Эйвинда, колдуна. И в это можно поверить, так как известно, что идолы язычников способны принимать самый различный облик.

Король сжал губы и перевел гневный и недоверчивый взгляд от Хрейдара на старика, который сидел неподвижно и склонил голову низко на грудь. – Говорят, языческие боги умеют бродить по земле в самом разном виде, – повторил старик напевным голосом.

Король сморщил лоб. – Здесь же нет язычников, как я надеюсь? – быстро спросил он.

- Люди не могли решиться быть язычниками. И если кто-то и был таким, то он не стал бы говорить об этом, – ответил старик, не пошелохнувшись.

- Когда же это норвежец не решился бы открыть рот? – злобно спросил король в ответ.

- А кто захотел бы, чтобы с него содрали шкуру, покалечили или зажарили? – спросил старик спокойным голосом. – В этой стране снова есть король, которого зовут Олавом.

Короткий смех, который резко раздался в помещении, заставил короля очнуться от своих мыслей. Он посмотрел вверх на Кальва сына Арни, который, скривив губы, смотрел куда-то в сторону поверх него. Но прежде чем он смог заговорить, молодой священник своим свежим, теплым голосом, в котором слышался чужеземный призыв, принялся рассказывать быстро и с живостью: – Прошлым вечером на дворе управителя я разговорился с одним старым слугой. Знаешь ли ты, господин, что он сказал мне? «Наш король Олав состоит с Одним в союзе». Я посмеялся над ним, и тогда он сказал: «Это точно правда, так как его руки обладают даром лекаря, и он может своей силой помогать больным, как рассказывают. Однако это такой дар, который передает только Один». И затем он добавил, что его бабушка рассказывала ему об этом, и что он хороший христианин. «Господин священник не должен бояться за мою душу», сказал он мне и перекрестился для подтверждения.

Молодой священник тихо засмеялся. – Что можно сказать об этом?

Король сидел, нагнувшись, со сжатыми кулаками. – Что можно сказать? Что можно сделать? Это похоже на то, как если человек пытается плыть по болоту,

и при каждом движении водоросли обвивают ему конечности. Если бы они все же знали, каким светлым стал бы мир вокруг них, если бы только они отказались от своих жалких суеверий!

Он со вздохом пожал плечами. – Ты не можешь рассказать ничего получше, сказитель?

- Расскажи о смерти Олава Трюггвасонса, – приказал Кальв сын Арни, быстро вступив в разговор.

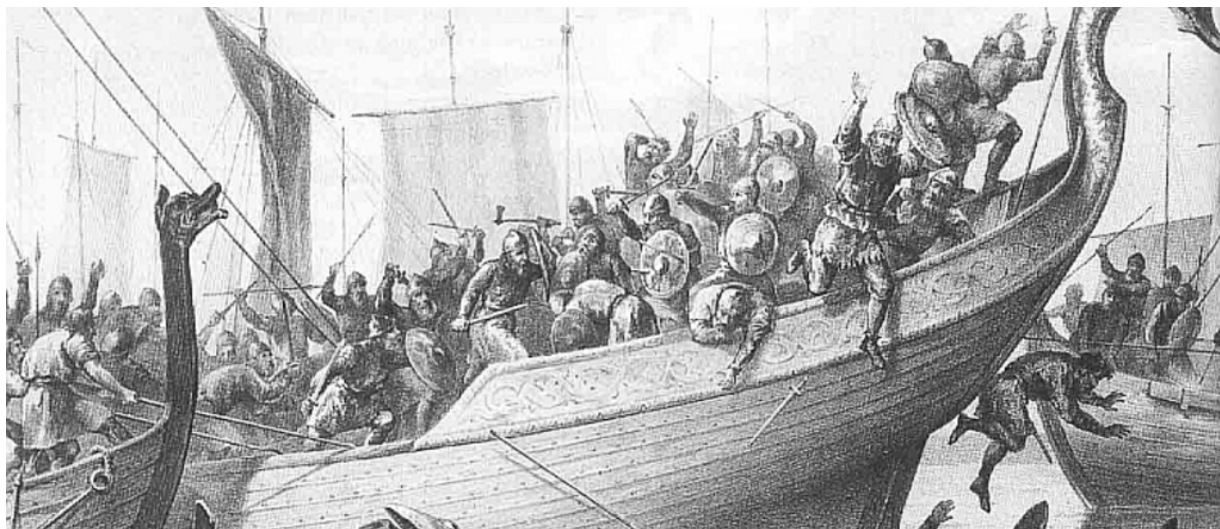
Старик откашлялся. – Тогда я должен вначале рассказать о том, как Олав, король, и королева Швеции Сигрид, которую они называли Гордой, встретились, чтобы договориться друг с другом о своем браке. Потому что случилось так, что Олав Трюггвасон потребовал от королевы, чтобы она крестилась и приняла христианскую веру. И тогда она ответила, что не может отказаться от веры, которую исповедовали все ее предки до нее, но они хотели бы и дальше соблюдать такой порядок, чтобы каждый из них уважал веру другого человека и молился тому богу, которого он считал лучшим, не споря при этом с другим. И тогда король ударил королеву своей перчаткой по лицу и обозвал ее языческой сукой. И тут королева Сигрид встала и сказала: «Однажды это принесет тебе смерть!» И вот так они расстались. С этого дня, однако, королева Сигрид не знала покоя, пока она не подстрекнула всех людей, о которых она знала, что они были способны причинить вред Олаву, против него. И вот по ее совету произошло так, что все на Севере, которые ненавидели Олава, а таких было много, объединились, чтобы его уничтожить.

Однотонный голос старика был единственным звуком в помещении, кроме треска огня. Мужчины, не шевелясь, внимательно слушали его.

- Король Олав отправился на корабле в Страну Вендов, чтобы потребовать там владений королевы Тюри. Короли Дании и Швеции, однако, а также ярл Эйрик, сын Хакона Могучего, решили устроить ему засаду во время его возвращения. И они послали ярла Сигвальди к Олаву, чтобы подстроить так, чтобы король Дании Свейн и его союзники обязательно смогли встретиться с Олавом. Сигвальди был ловким человеком, и он приобрел большое влияние на Олава, и тот очень любил его. Ему удалось задержать короля до тех пор, пока его враги не закончили все свои приготовления. И когда они теперь поплыли на кораблях домой и вошли в бухту у острова Свёлд, тогда ярл Сигвальди на своих кораблях двинулся впереди и попросил короля, чтобы тот следовал за ним. «Потому что, – сказал он, – я хорошо знаю, где всего глубже в проливах между островами, а это поможет вашим большим кораблям». Но когда король подплыл к острову, то все войско врагов на веслах вышло из пролива и окружило его. И так началась

битва, в которой Олав Трюггвасон потерял свою жизнь. Король приказал спустить паруса и велел трубить в боевой рог, чтобы все его корабли собрались вместе. И они соединили корабли так, что «Великий Змей», корабль короля Олава, был в середине. Но «Великий Змей» был самым большим и самым красивым кораблем, который до тех пор видели на Севере, и у него была отборная команда. Затем началась ожесточенная битва. Даны и шведы атаковали корабли короля, но они не смогли нанести его флоту большой вред. Но когда ярл Эйрик подвел свой корабль бортом к борту крайнего корабля короля, то король Олав сказал: «Теперь мы должны ожидать жестокой битвы, так как они такие же норвежцы, как и мы». Там происходило то, что скальд Халльдор описывает такими словами:

«Вкруг Змеи Великой
Долго сталь плясала
Льдяная. Дружины
Принесли немирье.
Говорят, что в ветре
Острых косторубов
С ярлом рядом свеев
И данов видали».

Битва у острова Свёльд (Петер Николай Арбо)

Многие воины погибли, и, наконец, случилось так, что все корабли короля Олава были очищены от людей, кроме «Великого Змея». Тут ярл Эйрик поставил свой корабль борт о борт с «Великим Змеем», и разгорелся рукопашный бой, такой ожесточенный, который редко видели, с тех пор как существует мир. Но

лучник Эйнар по прозвищу Брюхотряс, тогда еще молодой человек, был на «Великом Змее», и он стоял на палубе у мачты и стрелял из своего лука, так как он был самым метким стрелком в войске. Но когда большинство людей на корабле погибли, тогда он выпустил стрелу в ярла Эйрика. Стрела прошла у ярла между рукой и бедром. И тогда ярл обратился к человеку по имени Финн, который тоже был хорошим лучником: «Пусти-ка стрелу в того здоровяка у мачты!» Финн выстрелил, и стрела попала в середину лука Эйнара в то самое мгновение, когда тот натягивал свой лук. Лук с треском разломился надвое. Король Олав услышал это и закричал: «Что это лопнуло с таким треском?» Эйнар ответил: «Лопнуло дело твое в Норвегии, король!» «Неудивительно, что никогда не бывало такого громкого треска», сказал король, и он бросил Эйнару свой собственный лук: «Возьми-ка мой лук и стреляй!» Эйнар взял лук, натянул тетиву на острие стрелы и сказал: «Слаб, слишком слаб лук короля».

И он отбросил лук, взял свой щит и меч и дрался по-мужски. И так они рубились, пока мечи их не притупились, зазубрились и больше не могли резать. И, в конце концов, случилось так, что только лишь немного людей у мачты еще могли стоять на ногах. Тогда ярл Эйрик бросился на приступ корабля. И зять Олава Хюрнинг вышел навстречу ему, как сообщается в песне, сочиненной Тордом сыном Кольбейна:

«Там за кровлей Грима
Шли витязи в лязге...
И доколь не рухнет
Небо, не забудут,
Как пускал ток раны
Светлой сталью Хюрнинг».

Все же, в конце концов, все воины, которые были у короля Олава, пали, и корабль опустел. Тогда король Олав прыгнул за борт и с ним Кольбьёрн Окольничий. Но король Олав, прыгая, поднял щит над собой и потонул в пучине. А Кольбьёрн, прыгая, опустил щит, чтобы защититься от копий, которые летели с более низких судов, и упал в море так, что щит оказался под ним. Поэтому он не потонул так быстро и был схвачен. И то же самое произошло с лучником Эйнарсом Брюхотрясом. Но короля так и не нашли, ни живого, ни мертвого. И с тех пор никто больше его не видел. Ходили слухи, будто бы он спасся, доплыл до берега и сбежал. Но как бы то ни было, можно с уверенностью сказать, что с тех пор никакие вести о нем не доходили до Норвегии, и потому вполне можно было, наконец, поверить, что он мертв. Вот такая история о конце короля Олава Трюггвасона, и он погиб в проливе у острова Свёлд, и потерял свою жизнь и свою страну от рук своих собственных земляков и тех, которые хотели отомстить ему.

Однотонный напев старого голоса замолк. Лишь тишина царила в хижине. Король сидел, нагнувшись, с опущенной головой, он не двигался.

Воины ярла Эйрика врываются на «Великий Змей», корабль Олава Трюггвасона (с картины норвежского художника XIX века Хальфдана Эгедиуса)

Наконец, один из слушателей со вздохом произнес: – Значит, тогда Эйнар Брюхотряс был верным соратником своего короля. А сегодня... Он запнулся и молчал.

- Тогда он был юношей, сегодня он старый, опытный мужчина и один из больших людей Норвегии, подумай об этом, – ответил ему другой.

- Кто сегодня является еще верным товарищем своего короля? – спросил король.

Молодой священник, сидящий возле короля, вскочил. – Господин! – закричал он вполголоса. – Мой король – я клянусь тебе...

Король посмотрел на него и поднял руку, чтобы прервать его. – Не клянись, – тихо сказал он. Но его взгляд зацепился за покрасневшее молодое лицо перед ним. – Ты прав, Йон, – сказал он, – еще сегодня есть юноши в этой стране, и не только опытные мужчины и большие господа.

Молодой человек растерянно опустил взгляд. Тишина становилась болезненной и гнетущей.

- Король Олав Трюггвасон был хорошим воином, и гибель его была славной, – произнес откуда-то сзади твердый голос Хрейдара, – и люди будут рассказывать об этом, пока существует мир. И поэтому у него была хорошая судьба.

- Он был мучеником, – дополнил епископ. – Ведь, в конце концов, он погиб из-за своих трудов ради истинной веры, и смерть его была блаженной смертью, которая была угодна богу, и все добрые христиане будут вспоминать о нем с почтением.

- Я благодарю вас, – серьезно сказал король. – Тот, кто уважает память моего родственника Олава, тот также оказывает честь и мне. Он медленно огляделся в кругу и с достоинством обратился к старику, который как будто с отсутствующим видом и совсем погруженный в себя сидел перед огнем. – Я благодарю тебя. Ты кажешься мне хорошо осведомленным человеком. Я вознагражу тебя, как только обстоятельства позволят мне. И теперь, – он поднялся, – нам пора ложиться спать, так как мы все устали от борьбы с бурей. Дай бог, чтобы также наши товарищи, которые отделились от нас, пережили пургу и завтра снова догнали нас. А пока отдохните хорошенько, мои попутчики, спокойной ночи.

- Я буду сторожить и позабочусь об огне, – сказал Кальв сын Арни. Он все пытался заглянуть старику под шляпу, но голова того совсем склонилась к груди и, кажется, кивала спросонья. Тогда Кальв уселся возле огня. А другие растянулись на скамьях или улеглись на сене.

Король вытащил четки и тихо молился. Епископ и молодой священник тоже молились. Затем король откинул голову на скамью. Он лежал совсем рядом со следившим за огнем Кальвом, который сидел прямо.

Скоро глубокое дыхание наполнило помещение. Огонь, потрескивая, догорал. Даг все еще лежал в полусонно-бодрствующем состоянии, смотрел и слушал. Через некоторое время он заметил, что теперь он мог двигаться. Наполовину приподнявшись, он увидел в последнем зареве огня взгляд, полный мечтательных сомнений, с которым Кальв сын Арни смотрел вниз на голову рядом с собой. И в то же время он увидел на лице короля, на котором сон теперь смягчил его черты, настолько глубокую печаль, что сердце Дага начало сильнее биться в усиливающемся сочувствии. Вздохнув, он снова опустил голову вниз и нашел для себя другое положение.

III. На дворе Рауда

Затем Даг опять заснул и сам не знал, как долго он проспал. Когда он проснулся, то почувствовал себя свежим и сильным. Он оделся, а вокруг поднимались попутчики короля, зевая и потягиваясь. Сам король стоял у открытой двери хижины и смотрел наружу, где поднимался рассвет.

- Пришло время отправляться в путь, – сказал он. Затем он повернулся и подошел к Дагу, который вскочил.

- Ты кто? – спросил король.

- Меня зовут Даг сын Рауда, – ответил Даг.

Король слегка насупил брови. – Значит, ты брат того Сигурда, который посетил меня на дворе управителя? Как получилось так, что ты спал этой ночью здесь в хижине?

- Я хотел пойти вам навстречу, господин король. Но из-за сильной пурги я заблудился в лесу, и я не избежал бы смерти, если бы этот старик не привел меня сюда.

- Значит, чудо бога в эту рождественскую ночь спасло тебя так же, как и нас. Мы из-за сильной метели отстали от прочей нашей свиты, и, если бы свет огня с горной вершины не указал нам дорогу сюда, мы заблудились бы в расселинах.

- Я рад, что вижу вас невредимым, – сказал Даг. – Позвольте мне уже здесь поприветствовать вас от имени моего отца.

- Я благодарю тебя. Ты узнал меня сразу?

- Невозможно не узнать вас, – ответил Даг, улыбаясь.

Теперь отблеск его улыбки появился также на лице короля.

- Нам пора ехать, – сказал он затем, – разбуди старика. Он должен сопровождать нас, ведь я обещал ему вознаграждение.

Но в тот момент, когда Даг наклонился к нищему, который спал глубоким сном рядом с очагом, он отчетливо услышал тихие слова, которыми король у двери обменялся с управителем Бьёрном.

- И он также совсем не похож на скотокрада, Бьёрн, – сказал король. И каркающий голос управителя Бьёрна ответил: – Может быть, что он в этом деле и не виновен, господин. Но другое, о чем я говорил вам, это другое – чистая правда, наверняка. Я готов поспорить об этом на что угодно. Вы увидите, господин.

Когда Даг протянул руку, чтобы взять старика за плечо, он почувствовал легкое давление на своем левом плече, так, как будто бы его руку обтягивал какой-то обруч. С удивлением он ощупал свою руку и через ткань рукава почувствовал гладкую поверхность широкого обручья. Откуда взялось это обручье? На нем не было никакого обручья, когда он ушел из дома. В этот момент он заметил, что старик поднялся. Морщинистое лицо и странный блеск его единственного глаза были прямо перед ним. Губы зашевелились. – Это не повредит, если ты будешь молчать об этой вещи, и не будешь показывать любому человеку этот подарок к наречению имени, – пробормотал он почти неслышно. Затем он поднялся, кряхтя.

Вместе с ним Даг вышел из хижины. Снаружи как раз начинался рассвет. Тонкий туман окружал хижину и колыхался между деревьями в лесу. Было холодно. Лошадей вывели из сарая. Снег хрустел под их копытами, и пар из их ноздрей зависал бледной дымкой в утреннем свете.

Король сел на коня. – Подойди ко мне и веди нас! – крикнул он Дагу.

Даг неуверенно осмотрелся. Знал ли он сам, где он находится? Но он тут же хлопнул себя по лбу. Неужели вчерашним вечером он на самом деле был околдован? Как могло случиться так, что он больше не узнавал это место, давно знакомую ему горную хижину, которую он так часто посещал, когда летом в ней жили пастухи, которые стерегли коров отца на горных лугах?

Он шел рядом с конем короля. Но когда они вошли в лес, туман становился все более густым. Едва ли можно было разглядеть стволы деревьев. Дага уже охватывала новая неуверенность, когда он заметил, что старик беззвучно проскользнул мимо них и теперь шел перед ними, уверенный и неустанный, как человек, который не может сбиться со своего пути.

Они следовали за ним, самыми первыми король с Дагом, затем другие мужчины на лошадях, близко друг за другом. Они видели фигуру в широком плаще иногда неясно, потом опять четко и близко. Было похоже на то, как будто бы она все время меняла свой размер, то уменьшаясь, то снова увеличиваясь. Но она все время продолжала шагать вперед, ни разу не оглянувшись, и они всегда могли следовать за нею и оставались на проходимом пути. Так они двигались молча через беззвучную тишину наполненного туманом леса как через немую

бесконечность, в которой, кажется, больше не было ни пространства, ни времени.

Пока после неизмеримо долгого путешествия фигура перед ними внезапно не остановилась. И когда они настигли ее, то увидели, что вышли из леса. Туман вдруг исчез, и совсем рядом под ними лежал в бледном полуденном свете зимнего дня отцовский двор Дага, цель их поездки. Они остановились и смотрели на него вниз, и сердце Дага наполнилось гордостью, когда он увидел лежащий внизу в долине двор: раскрашенные дома, цвета которых тепло выделялись на однообразном фоне белого снега, и дома эти располагались в таком красивом и разумном порядке, что Даг подумал, что во всей Норвегии не найти другого такого же красивого двора; даже большие королевские замки в Нидаросе или Сарпсборге не могли быть построены с большим совершенством.

Король тоже внимательно смотрел на здания внизу. – Это внушительный двор, – произнес он затем с уважением.

Даг глубоко вздохнул от гордости. – Мы за много лет заново построили некоторые из домов – по указаниям моего отца, – сказал он.

Затем они спустились вниз с горы. Когда они приближались ко двору, Даг увидел, как несколько молодых слуг спешно подбежали к воротам и исчезли за ними. Теперь они сообщат о нашем прибытии, подумал он.

Ворота были закрыты, когда они подъехали к ним. Король, нахмурившись, осматривал вал и высокую ограду из тяжелых стволов, которая окружала двор, а также толстую железную обивку ворот и башенки с крышами по обе стороны ворот. – Так вы здесь построили замок? – спросил он.

Даг улыбнулся. – В любом случае, я думаю, что проникнуть сюда не было бы легким делом для того, кто здесь не желанен, – сказал он.

В этот момент обе створки ворот медленно открылись назад, как будто их двигали невидимые руки. И в проезде стояли крестьянин Раудульв, прозванный Раудом, за ним его сын Сигурд и все люди его хозяйства, которых было, пожалуй, больше ста. Даг видел, как его отец стоит там, высокий и прямой, в синем плаще с пестрой вышивкой, отороченным мехом, распахнутом спереди, так что можно было увидеть багровый камзол и позолоченный пояс, на котором была закреплена перевязь для ношения оружия. Он видел, как высоко его отец нес красивую голову с высоким лбом и светло-рыжими волосами, и как он ни на дюйм не склонил ее перед королем. И снова неудержимая гордость охватила его сердце.

- Я приветствую тебя и приглашаю в мой дом, король Олав, – сказал крестьянин Рауд.

Посреди двора король спрыгнул с лошади. Даг держал для него стремя. В то время как попутчики короля толпились вокруг него и бросали недоверчивые взгляды на большую группу дворовых людей, король внимательно осматривался. Он рассматривал покрашенные и резные, украшенные головами драконов, фронтоны домов, которые поднимались на фоне бледного зимнего неба, и его взгляд зацепился за круглое сооружение, покрытую снегом крышу которого увенчивала маленькая надстройка. – Ты построил себе здесь внушительный замок, крестьянин Рауд, – сказал он.

- Каждый делает то, что в его силах, – ответил тот.

- А вот то прекрасное здание там – это твоя церковь? – спросил король, показывая на круглый дом.

Крестьянин покачал головой. – На моем дворе нет никакой церкви, – ответил он. – Это здание – дом для твоего ночлега, король, который мои сыновья обустроивали для тебя несколько последних лет. До тебя в опочивальнях там еще никто не спал.

Но король, кажется, услышал только первые слова. – Почему же на твоём дворе нет ни одной церкви? – спросил он быстро и резко.

- У нас здесь еще не было епископа, до того, который приехал теперь с тобой, король, – сказал крестьянин. – Высокие духовные господа не любят путешествовать по нашей лесной стране, – добавил он с подобием улыбки.

Король обратился к своему епископу. – Как только придут мои сопровождающие, пусть они поставят прочный шатер здесь на дворовой площади, который епископ освятит и в котором он проведет мессу, – приказал он, – чтобы мы не взвалили на себя грех из-за того, что провели время святого праздника без таинств и богослужения, – добавил он, резко подчеркивая свои слова.

Крестьянин Рауд улыбнулся. Это была та свободная и ясная улыбка, которая была и у Дага. – Мы соорудим дом из досок. Мои работники прямо сейчас приступят к этому. Ты не будешь нуждаться ни в чем, король. Завтра утром церковь будет готова.

Смягчившись, король позволил провести себя к главному зданию. Дворовые люди отходили в сторону, освобождая широкий проход, по которому шагал ко-

роль. Они рассматривали его, молча, серьезно, с небольшим любопытством в глазах, когда он прошел и исчез в доме.

Однако Даг еще не последовал туда. Он поспешил в свои покои, сменил одежду и затем пошел поздороваться с матерью. Она болела и поэтому не спустилась, чтобы поприветствовать короля. Также теперь она лишь приподнялась на своей кровати. Она охватила голову Дага обеими руками.

- Я беспокоилась о тебе, – сказала она.

- Со мной не случилось ничего плохого, – ответил Даг. Он охотно рассказал бы еще больше, рассказал бы ей о странных происшествиях этой ночи. Но непреодолимая робость удерживала его. Поэтому он только нежно пожал ее тонкие, кажущиеся прозрачными руки и затем двинулся в зал.

Там господствовали шум и толчея. Прибыла отставшая по дороге свита короля, и сейчас его люди, беседуя и торопясь к теплу, входили в зал. Перед королем, который сидел на престоле, высоком стуле, установленном на возвышении, стоял высокий мужчина в великолепных мехах. Это был окольный Бьёрн, который привел свиту и теперь докладывал. С любопытством Даг смотрел на него, так как окольный был одним из самых знаменитых людей в королевской дружине, таким же известным, как придворный скальд Сигват или сыновья Арни.

Прошло не много времени, пока все гости получили свои места. Так как слуги тут же поставили дымящиеся миски на столы, спокойствие скоро воцарилось в зале, и аппетит оттеснил все другие признаки жизни.

Также Даг почувствовал такой сильный голод, что у него слюнки потекли. Но сначала он должен был выполнить свой долг как сын хозяина двора, так же, как Сигурд, который, как он видел, уже ходил между столами.

Так он ходил от стола к столу, наставлял слуг и заботился о том, чтобы каждый гость был достойно обеспечен едой и выпивкой. При этом его взгляд блуждал вокруг и заметил изменившийся сегодня вид знакомого ему зала. На украшенном резьбой высоком престоле на возвышении, где обычно сидел отец, теперь восседал король. По правую руку от него сидел епископ, рядом с ним несколько более молодых священников, последним был тот молодой священник, который был в горной хижине, и которого король звал Йоном. На другой стороне, однако, он увидел Сигварта, черноволосого скальда, рядом с ним сыновей Арни, которые были самыми благородными и самыми верными лендрманнами – ленниками короля, всего их было шесть. Даг знал, что первый из них, Финн, был самым верным из верных. Рядом с ним сидел его брат Кальв, а затем примыкали и

другие: Торберг, Арнбьёрн, Кольбьёрн и Арни. На меньшем высоком престоле на возвышении на другой стороне зала сидел окольный Бьёрн, и справа и слева от него уселись так называемые «гости», добровольная личная стража короля, всего их было тридцать человек. Затем следовала остальная королевская дружина. Они заняли все скамьи на возвышении вдоль стен. Дворовые люди довольствовались свободными стульями и пододвинутыми скамьями. Перед ними, близко к огню и как раз напротив короля, крестьянин Рауд откинулся на спинку широкого, украшенного красивой резьбой кресла. Даг видел, что король рассматривал его.

Король уже прекратил есть. Его рука играла с серебряным рогом для питья, который стоял перед ним. Выражение его лица расслабилось и утратило недоверчивую бдительность. Также его глаза задумчиво бродили по залу и, кажется, с удовлетворением воспринимали слабый блеск гладко обструганного дерева с резьбой на стенах, колоннах и скамьях, как и разнообразие стеновых ковров, и сверкание развешанного там для украшения оружия в теплом, живом свете огня, горевшего в большом продольном очаге. Теперь Даг увидел, что король махнул отцу, и что тот подошел к нему.

Даг отвернулся. Он медленно направился к входу в зал. Там позади у двери, глубоко в сумраке, сидел в полном одиночестве старый странник. Он сидел, погруженный в свои мысли, перед почти опустевшей миской, в шляпе, низко надвинутой на лицо, плотно замотанный в свой дырявый плащ. Тем не менее, когда Даг увидел его, то сердце его начало биться быстрее. Он наклонился к старику и легко коснулся его плеча. – Тебе дали достаточно еды и питья? – спросил он.

Старик не двигался. – У меня есть все, что нужно, ступай себе! – проворчал он невнятно себе под нос.

Тогда Даг оставил его в покое и снова вернулся в зал. Когда он подошел к столу священнослужителей, то увидел, что кубок епископа был пуст, и заменил его на полный. Но когда он хотел снова прыгнуть с помоста, то почувствовал, что кто-то взял его за рукав. Это был молодой священник Йон.

- Вы же, конечно, должны чувствовать такой же сильный голод, что и мы. Зачем же вам поститься в одиночку? Ну, давайте, присаживайтесь к нам! Я не могу спокойно смотреть, как вы мучаетесь от голода, в то время как все остальные едят.

Даг удивленно улыбнулся. То, что один человек так беспокоился о ком-то другом, показалось ему очень необычным. Но это благотворно подействовало на

него в этот момент сильного голода, и он дал себя уговорить и сел напротив молодого священнослужителя, который жестом попросил принести для Дага миску. Они молчали, пока Даг ел. Когда, однако, голод успокоился, они начали тихую беседу, которая как бы обособила их среди всего этого шума голосов и звона пивных рогов.

- Вы сакс? – спросил Даг священника. – Я имею в виду, что вы ставили ваши слова так, как это обычно делают люди, которые родом из Страны Саксов.

- Да, я родом из Германии. Вы здесь на Севере обычно называете Саксонией всё, что лежит к югу от Страны Данов. На самом деле я скорее франк. Я родился на Рейне.

- Как те герои древнейших времен, о которых повествуют песни, – дополнил Даг.

- Только я не такого благородного рода, как они. Я не знал своих родителей, и меня воспитывали во франкском монастыре. Монастырь заменил мне родной дом, и я люблю его тоже как родной дом.

Даг кивнул вежливо, но без понимания. У него не было отчетливого представления о жизни в монастыре, и как монастырь мог бы заменить отцовский дом, он действительно не мог понять. Они помолчали несколько мгновений. Даг смотрел на дружелюбное, светлое, нежное лицо напротив себя. Он очень добрый малый, подумал он, честный и чистый, но, тем не менее, не болван. Еще никогда ни один священник не нравился мне так, как он. Я хотел бы, чтобы он мог стать моим другом.

- Я уверен, что завтра утром церковь будет готова, мой отец всегда выполняет то, что обещает, – заметил он, чтобы сказать этому священнику слова, которые могли бы обрадовать его.

Но тот снова засмеялся своим беззаботным и все же рассудительным смехом. – Меня не огорчило бы, если бы она была готова только через несколько дней, уж поверьте мне!

- Для короля очень важно, чтобы как можно скорее можно было провести службу в освященном помещении, – сказал Даг удивленно. Он тоже улыбнулся.

- Король придает этому слишком уж большое значение, как мне кажется. Все это, на чем он так рьяно настаивает, все же, в конечном счете, это ведь лишь внешние вещи. Я думаю, что важнее иметь благочестивое сердце, чем в любое

время дня находиться в церкви. Конечно, я этим ничего не хочу сказать против укрепляющей и радующей сердце силы богослужения, – весело добавил Йон.

- Вы очень великодушны для священника, – невольно вырвалось у Дага.

- Да где же написано, что священник должен быть бездушным? – спросил Йон в ответ. – В нашем монастыре таких не было. Там в большинстве случаев все было очень весело. У людей на Рейне кровь более легкая, чем у людей в этой стране. Это, наверное, из-за винограда, который там растет. Монахи никогда не презирали небольшой бокал в подходящее время, как не отвергал вино и сам наш Господь Иисус Христос.

- Рейнское вино славится и у нас, и его почитают как большую ценность, которую можно приобрести только за большие деньги, – вежливо заметил Даг.

Йон смотрел вперед, как будто размышлял. – Люди на Севере упрямы и медлительны, – сказал он затем. – И они слишком цепляются за обычаи и формы. Ну, может быть, это такой крестьянский характер, они же все крестьяне, даже король. Они придают большое значение внешним формам новой веры, и, тем не менее, они ничего не понимают в настоящей сущности нашего бога. Они спорят и горячатся, и вовсе не знают, что наш бог не что иное, как любовь, и поистине может быть представлен только любовью.

Даг тоже задумался. – Здесь на Севере еще продолжается борьба, – сказал он затем тихо. – На Рейне это может быть уже по-другому. Христианская вера слишком нова еще для нас. У нас борьба еще не закончилась, даже если иногда и кажется, что это так. Старые боги не мертвы, они еще втайне сопротивляются, и не хотят смириться...

- Они поистине не мертвы. Я вижу это повсюду.

Молодой священник вздохнул. – И ты можешь поверить, часто эта борьба и ее жестокость причиняют мне боль.

- Я думаю, что она необходима и должна быть, – сказал Даг. – Борьба – это сущность мира.

Йон кивнул. – Возможно, ты прав. Тот великий мир, которого мы так страстно желаем, мы, наверное, обретем только на небесах. На земле его нет.

Даг серьезно спросил себя, что это мог быть за мир, который имел в виду его собеседник, и желал ли бы он сам такого мира с таким же страстным нетерпением. Но он не мог найти в себе никакого такого страстного желания, как он

также не знал, что ему думать о слове «небеса». Когда он, размышляя так, невольно все глубже погружался в свои мысли, сон этой ночи снова возник в нем, большой и господствующий над ним, и наполнил его своей широтой и темной глубиной, от которой он теперь почти содрогался. И он знал: этот сон рассказал ему что-то очень большое и важное о самой внутренней сущности мира, но о небесах он ничего ему не говорил. Все, что ему уже рассказывали о небесах, стало несущественным пустяком перед безграничной широтой этого сна.

Медленно Даг поднял голову. Он видел зал, освещенный языками пламени, цвета и формы, которые вспыхивали как в переменчивой игре и снова тонули в темноте, и множество различных лиц, которые постоянно представлялись движущимися и превращающимися, как будто бы он видел все это впервые и иначе, не так, как он когда-либо прежде видел вещи мира. Благодаря силе своего сна он увидел единство в разнообразии и великую творящую и всеохватывающую тайну жизни во всем, что представлялось ему. Изменился ли я? – спросил он себя. Или это сам мир преобразился и показывает мне теперь свое другое лицо? Все, что он видел, стало как будто прозрачным. Так, как будто бы оно состояло из цветного стекла. И за этим цветным стеклом он почувствовал играющие силы жизни, которые двигались и двигали. Он осознавал, что жило за лбами людей и что двигало их поступками и словами: сытая уверенность в своей правоте епископа и твердость Финна, шаткая, наполненная сомнениями озлобленная досада Кальва, как и светящаяся доброта молодого Йона. И он видел также твердую и чистую волю на лбу короля. Но из всех лиц лицо его отца было самым ясным и самым спокойным, но в то же время именно за ним скрывались самые глубокие тайны.

Уже давно король и крестьянин Рауд беседовали друг с другом. Они говорили вполголоса, их слова нельзя было разобрать в общем шуме голосов. Крестьянин Рауд сел напротив короля и внимательно и с почтением слушал его слова. Затем он отвечал, осторожно, как казалось, но все же, с тем выражением уверенности и спокойствия, которое должно было покорять. При этом он задумчиво опускал голову, и иногда его пальцы рисовали линии на столе.

Священник Йон последовал за взглядом Дага. Теперь он нагнулся вперед. – Хотелось бы знать, о чем говорят король и твой отец.

- Король задает вопросы, – ответил Даг. – Каждый, кто проводит довольно долгое время с моим отцом, сам приходит к тому, что начинает спрашивать его. Он знает больше, чем любой другой человек, как мне кажется.

- Вы здесь странные люди. Над вашим двором таится что-то такое, из-за чего он выглядит не так, как все остальные крестьянские дворы в Норвегии. Я сразу же

это почувствовал. Можно заметить дух людей, которые умеют проникать за внешнюю оболочку вещей и не только по-крестьянски цепляются за одну лишь их внешнюю сторону, как другие.

- Дух одного человека, – сказал Даг.

Он поднялся, так как заметил, что король и отец встали, и все уже готовились выходить. – И, тем не менее, мы крестьяне, не заблуждайся, – добавил он с улыбкой. – И мы любим обычаи и формы. И в этом мы похожи на короля, даже если у нас, вероятно, другие взгляды, чем у него. Он прервался, испугавшись, что и так уже наговорил лишнего.

Йон тоже встал и протянул ему руку над столом. – Как бы то ни было, Даг сын Рауда, ты мне сразу понравился, как только я тебя увидел. Не стать ли нам друзьями?

Даг схватил его руку. – С удовольствием. Как мне тебя звать? Йон?

- Меня зовут Йоханнес, а здесь я Йон. Называй, как тебе больше нравится. Да и что такое имя?

Даг нахмурил брови. – Имя – это знак, который несет скрытую истинную сущность человека или вещи, – тихо сказал он поучительным тоном. – Имя – это руна, с помощью которой ты можешь заколдовать какую-нибудь вещь и вызвать заклинаниями ее настоящую сущность, мой отец часто говорил мне об этом.

Йон дружелюбно засмеялся. – Это языческая мудрость, я боюсь. Но не будем спорить об этом, друг мой! Потому что такая мудрость может содержать ровно такую же большую истину или такую же большую ложь, как и те мудрости, которым меня учили в монастыре. Не будем слишком много слушать чужие речи, а последуем за нашими собственными головами и сердцами, тогда все будет действительно правильно.

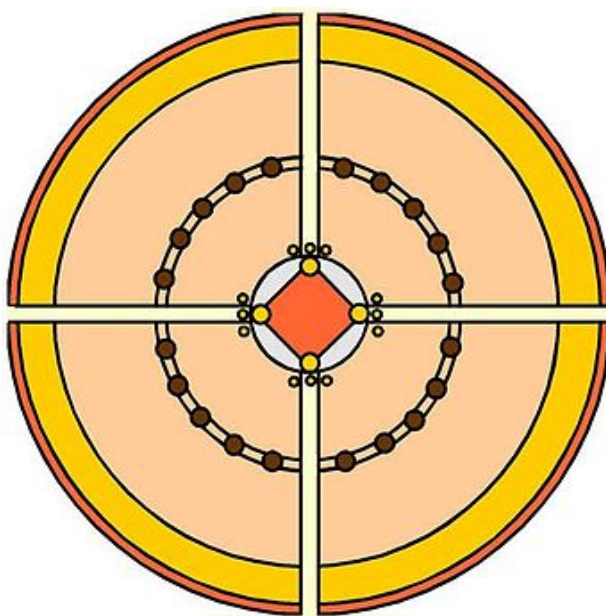
Они пожали друг другу руки. Затем Даг прошел к своему отцу, так как тот помахал ему.

Крестьянин Рауд и его сыновья провели короля в дом, подготовленный для его ночлега. Также епископ шел с ними. Перед ними шагали слуги с факелами.

Так они вошли в круглую деревянную постройку. Крестьянин Рауд объяснял: – Это – внешняя часть дома, которая подобно кольцу окружает его внутреннюю часть. Здесь будет спать твоя свита, король. У дома есть четыре входа, которые выходят на все четыре стороны света. Поперечные стены образуют четыре по-

мещения, в каждом из которых могут спать сорок человек. Но во внутренней части дома, отделенные этими стенами и столбами от внешней части, есть еще четыре опочивальни. Там уже подготовлены постели для твоих самых знатных сопровождающих.

Они вошли в самое внутреннее помещение. Там стояли кругом толстые колонны, поддерживавшие свод потолка. Между ними проходило ограждение с перилами, украшенное самой изящной резьбой. Над ним были натянуты канаты от колонны к колонне, на канатах висели занавесы, наполовину или полностью задернутые. Они отделяли эту спальню от покоев других людей из королевской свиты. Но в центре этого помещения возвышался круглый помост, на который вели ступеньки. На нем стояла большая и широкая кровать, которая была изготовлена с очень большим мастерством. Дерево было обито железом и медью, а медь была позолочена и раскрашена. На угловых опорах блестели большие позолоченные медные набалдашники, и из них выходили широкие железные планки, на которые стояли по два тройных подсвечника с горящими свечами.

Предположительный план «круглого дома» на дворе крестьянина Рауда. В центре опочивальня короля с помостом.

Вся внутренняя часть дома была раскрашена яркими красками. Не только потолок и стены, но также колонны и резные балюстрады. В свете свечей у всего этого темного разнообразия была странно фантастическая жизнь. На колоннах и на занавесах можно было увидеть животных, растения, усики вьющихся растений и ленты, лица, которые казались смеющимися или печальными, головы

драконов с высунутыми языками и извивающиеся тела змей. Все это, казалось, произвольно свивалось и, все же, как будто сплеталось в соответствии с каким-то тайным порядком.

С удивлением король осмотрелся вокруг. – Это самые красивые покои, в которых мне когда-либо предлагали ночлег. Не может быть, чтобы твои сыновья создали все это в одиночку.

- У нас в хозяйстве есть опытный в таком искусстве человек, который мог им помогать, да и я сам иногда нанимал хороших мастеров со стороны, – ответил крестьянин Рауд, – но все равно основная часть работы досталась моим сыновьям.

Король медленно поднялся по ступенькам на помост. Он остановился с опущенной головой, затем он медленно повернулся к крестьянину Рауду. – Ты говорил мне о снах, из которых ты узнаешь то, что облака, ветры и звезды не могут поведать тебе. Но я же надеюсь, что ты хороший христианин и здесь нет никакого колдовства?

Крестьянин Рауд стоял прямо и улыбался. – Здесь нет ничего от злого колдовства и финского волшебства, ты можешь быть спокоен, король!

Король, кажется, снова колебался. Но затем он спросил: – Можешь ли ты научить меня тому, как я мог бы во сне получить ответ на вопрос, который меня занимает?

- Мне не подобает поучать тебя, король, – ответил крестьянин Рауд, – ведь ты и сам знаток многих вещей и глубоко заглядываешь в мир. Но я сам, если мне нужно задать вопрос судьбе, придерживаюсь старого правила. Я надеваю новую одежду и ложусь на кровать, которая стоит в новом месте. Никто не может до того спать в той кровати, в том доме и на том месте. И вот то, что мне там снится, я запоминаю, и это, пожалуй, может исполниться, если я правильно истолкую сон.

Он улыбнулся тепло и серьезно. – Но, конечно, нельзя слишком уж полагаться на эти вещи, как я уже говорил тебе, и как ты также сам знаешь, ибо силы бытия слишком часто любят дразнить нас и играть с нами. Но если у тебя сейчас есть вопрос к ним, и ты хочешь попытаться счастья, то этот час и это место могли бы быть благоприятны для тебя. Ты – первый человек, который спит на этой кровати и на этом месте.

- Я благодарю тебя, – тихо ответил король.

- А теперь, король, позволь мне уйти, – сказал крестьянин Рауд. – Мои сыновья принесут тебе напиток перед сном, чтобы тебе лучше спалось.

Когда Даг и Сигурд позже снова вошли в круглые покои, король уже лежал в кровати. На нем была одежда для сна с широкими рукавами, и он лежал под пологом, который был искусно сшит из разных ценных мехов. Он полусидел на кровати и читал тонкую книгу с раскрашенным переплетом, возможно, молитвенник. По обе стороны кровати стояли священник Йон и окольный Бьёрн. Занавесы к спальням благородных мужей были задернуты, оттуда доносились шепот и голоса, и иногда приглушенный смехок.

Когда Даг по ступенькам поднялся на помост, король повернулся к тем, кто стоял у его постели. – Вы можете идти спать. Спокойной ночи, – сказал он.

Они ушли. Окольный уходил медленно, бросая недоверчивые взгляды на сыновей Рауда. Но Йон кивнул Дагу. Затем они исчезли на двух разных сторонах за занавесами.

Даг преклонил колени перед кроватью и предложил напиток королю. Аромат приправленного пряностями вина, который поднимался к нему из позолоченного кубка, и тепло металла в его руках снова внезапной силой оживили в Даге воспоминания о прошлой ночи и вызвали назад что-то от того колдовства, которое держало его в своем плену там в хижине.

Король взял кубок из руки Дага. – У вас здесь все так хорошо обустроено, – любезно сказал он. – Ни в одном дворе моего королевства меня не принимали так хорошо. Он втянул носом аромат напитка. – Даже вино! Не сомнительная ли это вещь? В конце концов, вы же все колдуны здесь в Эстердалене?

Даг встал. – Господин король, мы приобрели бочонок вина законно, обменяв его на медвежью шкуру. И мой отец сам убил медведя прошлой зимой в горах там наверху, – сказал он. Но его мысли лишь частично были с его словами.

- Как получилось так, что в этом доме так тепло? Нигде не горит огонь, и, тем не менее, я не мерзну, – спросил король.

- За каждой из колонн установлена жаровня, – ответил Даг.

- Вы изобретательные люди, в этом вам не откажешь!

- Это дело рук моего брата Сигурда.

Даг стоял и ждал, что король отпустит его. Но тот положил голову на подушку и внимательно смотрел вверх на потолок. Там над ним были нарисованы звезды вместе с солнцем и луной, они сверкали золотом на темно-синем фоне. Казалось, будто бы там наверху изгибался небесный свод. Но несколько ниже, ближе к колоннам, по кругу плыли облака, представленные в разных формах, как будто пронизанные попеременно ветром, дождем и солнечным светом. Между ними летали птицы, в стаях или по отдельности. Еще ниже можно было увидеть землю с покрытыми травой лугами, лесами, горами, озерами и фьордами, которые впадали в широкое море. Затем были изображены всяческие животные, большие и маленькие, те, которые живут на суше, и те, которые живут в воде. В нижней части купола крыши, однако, уже вне колонн, были изображены сказания из древнейших времен и подвиги знаменитых королей.

Король рассматривал это все, и Даг тоже смотрел вверх и спрашивал себя, почему же эти картины, которые он сам нарисовал, казались ему сегодня наполненными таким глубоким значением. Свод покоев изгибался сегодня гораздо выше, чем обычно, так, как будто бы можно было затеряться в глубине этого звездного неба. Чувствовал ли король то же самое? Его голос звучал как будто в состоянии сна, когда он спросил: – Почему эти звезды там наверху не стоят в регулярном порядке? Почему они рассеяны как будто произвольно по этому небу?

Даг удивился. – Я прошу вас, король Олав, спросите об этом лучше моего брата. Он точно знает все о движении звезд, и это все нарисовано по его указаниям.

Король время от времени медленно переводил взгляд с потолка на Сигурда, который все еще стоял у подножия ступенек. – Ты не мог бы подойти? Медленно, почти неохотно, Сигурд приблизился к нему.

- Ты слышал мой вопрос? Как ты ответишь на него?

- Я не могу ответить на него, король, – холодно сказал Сигурд. – Почему звезды стоят на небе именно так и не иначе, сегодня этого никто не знает. Об этом не следует спрашивать.

- Но я тебя тоже спрашивал не об этом. Я имел в виду не настоящее небо там наверху, а его изображение, нарисованное здесь. Точно ли оно здесь отображает настоящее небо и показано ли на нем настоящее положение звезд? Это странная мысль.

- Это положение звезд во время летнего солнцестояния.

- А вот тот большой, светлый диск как раз над нами в середине купола, который выглядит как ореол, это солнце?

- Нет, господин. Солнце находится, как вы видите, вон там, на краю неба.

- Но почему же солнце не в самой середине, Сигурд? Разве не подобает ему это почетное место как хозяину неба?

- Солнце в наших землях никогда не поднимается настолько высоко, чтобы оно могло стоять точно над нашими головами.

Король улыбнулся. – Правильно. Ты кажешься знающим человеком. Но ответь мне еще на один вопрос: Если изображенное здесь полностью соответствует действительности, как тогда получается, что мы одновременно видим солнце, луну и звезды? Разве на самом деле они не стоят на небе попеременно, либо солнце, либо звезды?

Теперь у Сигурда появилась та тонкая, немного насмешливая улыбка, которую он унаследовал от своей матери. – Нет, господин. На самом деле звезды находятся на небе и тогда, когда солнце стоит там. Вот только сильный свет солнца затмевает их, так что мы не можем их увидеть. Это небо над нами показывает ту картину, которую мы могли бы видеть к последнему летнему солнцестоянию незадолго до заката солнца, если бы у нас не было глаз людей, которых слишком сильно слепит солнечный свет.

- Значит, ты можешь определять положение звезд, даже не видя их?

- Да, господин. И еще я могу сказать, где стоит солнце, если облака покрывают небо, а также какой будет погода на следующий день.

- Тогда скажи мне: какой будет погода завтра? Чтобы я смог проверить твое искусство, – спросил король.

- Будет идти снег, – сказал Сигурд, не медля с ответом.

- Но небо было ясным, когда мы только что шли по двору.

- И все же будет метель.

- Мы это проверим, – кивнул король. – Это великое искусство, которым ты хвалишься, Сигурд сын Рауда. Кто научил тебя ему?

- Мой отец, господин король! Он знает о погоде и звездах куда больше, чем я.

- Твой отец – человек больших знаний, – произнес король задумчиво. – А кто же раскрасил этот потолок?

- Это сделал мой брат Даг – следуя мыслям нашего отца и моим указаниям.

Даг стоял и смотрел вверх, и он едва ли слышал что-то из их беседы. Только последние слова Сигурда как будто издали отозвались в нем, и он подумал: Действительно ли я нарисовал все это сам?

Король последовал за его взглядом. – Похоже на то, как будто лежишь посреди мира, который окружает тебя вокруг, – пробормотал он.

Да, это именно так, подумал Даг взволновано. Теперь он произносит это. Это так, как будто стоишь посреди чуда Мировой горы, о которой раньше иногда рассказывал нам отец. Когда ты умираешь, ты погружаешься в Мировую гору, говорил он. И вчера ночью я живым погрузился в нее.

Ведь точно так же это было и в его сне, когда он стоял на самой глубокой глубине горы и оглядывался по сторонам, и заметил над собой бескрайнюю высоту изгибающегося сводом, вращающегося и звучащего пространства. Не начало ли это помещение тоже вращаться здесь вокруг него? Не начали ли эти звезды кружиться в своем хороводе и петь?

Но ему нужно было уходить, так как он услышал, что король произнес несколько слов, которые звучали как прощание. Только частично ему удалось вырвать себя из своего задумчивого состояния. И он тихо сказал, почти не зная, что он говорил: – Ты будешь спать посреди Мировой горы, король, и ты увидишь великий сон.

И затем он повернулся и вместе с братом покинул дом, не заметив тот удивленный, почти робкий взгляд, который король бросил ему вслед.

Снаружи во дворе Даг остановился. Там были настоящие звезды, и они мерцали еще намного ярче, чем нарисованные, мерцали тем холодным и блестящим сиянием, который почти причинял глазам боль. И настоящее небо было еще в тысячу раз выше и бескрайнее, чем искусственное. Как же велик мир, подумал Даг. И какое это блаженство, и какое чудо стоять посреди него и познавать его величие, знать, что ты – его часть, вплетенная в золотую сеть неизмеримого бытия, один звук в огромной взаимосвязанности тысячеголосой вселенской музыки, тот необходимый звук, без которого у всего этого Целого не было бы его совершенства.

Настойчивый шепот Сигурда в одно мгновение вернул Дага к действительности. – Ты не видел, куда ушел старый нищий, который во время пира сидел в зале около двери? Ты не знаешь, где я могу его найти? Он пропал у меня из виду, когда все выходили.

- Нет, – сказал Даг удивленно, – я не знаю.

- Я должен найти его, – пробормотал Сигурд.

Он хотел отвернуться, но Даг задержал его. – Зачем? Чего ты хочешь от него?

- Я говорил с ним. Он кажется человеком редкостных знаний. Он рассказывал мне такие вещи, о которых я никогда еще не слышал. Если кто-то и знает больше, чем отец, то это он. Странно – старый нищий! Но это действительно так. Я должен найти его, чтобы задать ему вопросы.

Что-то сдавило Дагу горло. Он не знал, было ли то, что он почувствовал, ревностью или же тревогой о брате. – А разве ты еще недостаточно знаешь? – спросил он грубоватым тоном.

- Я? – Сигурд гневно рассмеялся. – Да что я, по сути, знаю-то? Совсем ничего. Что такое мои знания? Или ты не слышал вопрос короля? Я не смог ответить на него. И поэтому он смеялся надо мной. Почему звезды стоят на небе именно так, как они стоят? Почему не в том порядке, который мы дали бы им? И почему этот наш порядок не такой, как порядок естественных вещей? И что такое звезды вообще? Из чего они состоят? Насколько большие они в действительности? Как получается так, что они светятся?

- Неужели так уж необходимо все это знать? – спросил Даг.

- Для меня это необходимо. Есть много того, что я должен был бы знать, но я этого не знаю. Я должен спросить старика, почему некоторые камни меняют цвет, когда они соприкасаются с другими, и почему на высокой горе мое сердце бьется не так, как здесь внизу в долине. И многое, многое еще, на что даже отец не знает ответа.

Даг опустил голову. Почему бы ему не пойти и не спросить, подумал он. Раз уж я получил ответ на свои вопросы, почему бы и ему не получить ответы на свои?

- Если ты ищешь его, то ты точно его найдешь, – сказал он.

Затем они расстались.

Но Даг не мог уснуть, пока кровать рядом с его кроватью оставалась пустой. Наконец – это было уже поздно ночью – Сигурд вернулся.

Даг приподнялся. – Ты теперь знаешь то, что ты хотел знать?

- Я знаю дорогу, по которой я должен идти, чтобы узнать все.

Сигурд начал раздеваться в темноте.

Но тут Даг внезапно почувствовал, что рука крепко схватила его за плечо. – А ты знаешь, кто он такой? – спросил голос Сигурда прямо возле его уха. Его голос звучал настойчиво и низко от возбуждения, которое тот с трудом скрывал.

- Думаю, что знаю, – ответил Даг.

Они подали друг другу руки. – Лучше не говорить об этом и не показывать об-ручье никому, – сказал Сигурд.

Затем они легли спать.

IV. Крестьянин и крестьянка

Всю ночь на дворовой площади при свете факелов стояли новый дом из досок. К раннему утру руки работников почти онемели, но церковь была готова. Даг услышал возгласы в доме, что можно было уже готовиться к посещению церкви, и поднялся.

В свете масляной лампы он увидел, что Сигурд лежал с открытыми глазами.

- Ты не пойдешь с нами? – спросил он.

- В церковь? – спросил Сигурд в ответ. – Зачем?

- Король наверняка хочет это увидеть, – осторожно сказал Даг.

- Король! – Сигурд рассмеялся. – Да какое мне дело до этого толстого Олава? Если он что-то хочет увидеть, так пусть и смотрит!

- Но он же король!

- Его род не лучше моего. Я тоже потомок Харальда Прекрасноволосого, не иначе чем он. И, тем не менее, он допрашивал меня там на дворе управителя

так, как допрашивают слугу, который что-то украл. И вместо того, чтобы ответить ему, как это подобало бы мне – с обнаженным мечом – вместо этого я должен был передать ему приглашение отца. Это действительно было уже достаточным самоотречением для меня, я думаю, так что никто не может потребовать от меня еще большего.

- Он наш гость, – заметил Даг.

Сигурд отвернулся. – Ты не хуже меня знаешь, по какой причине он сюда приехал, и из-за чего он привел с собой такую большую свиту, которая – между прочим – хорошенько нас объест, пока не закончится время праздников. Действительно ли нам нужно оказывать ему такие почести, как это делает отец? Не будет ли это выглядеть так, как будто бы мы нуждались в этом? Разве овцы называют своим гостем волка, который врывается в их стадо? Но мы ведем себя еще простодушнее, чем овцы. Ну, пускай. Это дела отца. Но в эту смешную церковь короля пусть идет тот, кто хочет. А у меня нет желания притворяться и лицемерить ради Олава Харальдссона.

Даг стоял в церкви около входа. За ним дверь была открыта, и там толпились люди короля, стоя плотно друг к другу вплоть до дворовой площади, так как новый дощатый дом был невелик и не мог вместить такую массу людей. В конце помещения было сделано возвышение из досок; на нем стоял алтарь, занавешенный пестрой тканью. Там в подсвечниках горели свечи, свет которых освещал все пространство. Свет играл на макушке короля, который стоял впереди немного отдельно от других перед алтарем, свет отражался в золотых галунах на шапке и на мантии епископа и бросал свой сверкающий свет на драгоценный крест из золота и слоновой кости и золотую коробочку, которая стояла перед крестом на алтаре. Епископ привез обе эти вещи с собой и с большой торжественностью принес их к алтарю.

Даг спрашивал себя, не сердится ли на него бог, который укрывался за чем-то таинственным в золотой коробочке. Сигурд был прав, есть определенное лицемерие в том, что он стоял здесь в этом доме чужого и непонятого, вероятно, даже враждебного бога, среди этих набожных людей, которые должны были считать его таким же, как они сами, тогда как он носил обручье на руке и тайну в сердце, о которой никто здесь не мог знать.

Мог ли бы Белый Христос узнать язычника? Даг вытянулся в свой полный рост и искал глазами поверх голов людей золотую коробочку. И как будто бы он хотел прийти ему на помощь, епископ как раз поднял ее высоко, и весь народ, также король и его благородные спутники опустили на колени, так что вид стал совершенно свободным. Даг забыл, что это должно было бы привлечь к нему вни-

мание, если он единственный здесь не встанет на колени. Но он продолжал стоять и рассматривал золотую вещь, так же как один человек смотрит другому в глаза и еще не знает, кто перед ним: друг или враг. Яркие лучи света отражались в коробочке; это было так, как будто бы они через сумрачное помещение целились прямо в Дага. Даг смотрел вперед, полный надежды, почти с вызывающим видом: Что ты будешь делать, Белый Христос? Сердишься ли ты? Хочешь ли ты борьбы? Я к этому готов. Но тут он с удивлением заметил, что от этого золотого мерцания в его сторону не исходило ничего злого или враждебного, скорее там было что-то от улыбки и от той понимающей приветливости, которая была так свойственна молодому Йону. И когда через него как будто прошел теплый и приятный поток, Даг почувствовал, что ни на земле, ни на небе не было бога, который сердился бы на него. Не существовало никого и ничего, чего он должен был бояться. Знание о великом единстве бытия, которое он выпил той ночью из горячего кубка, должно быть, изгнало из его сердца любую возможность страха. Теперь все боги были для него добры, пусть даже они были такими же загадочными и незнакомыми как тот, который проявлялся там в этом золотом предмете. И все, что они могли сделать, даже самое противоречивое – ведь великие силы бытия обычно действуют и творят в столкновении – все же, это было, в конечном счете, одним целым. И это одно целое было добрым и правильным, каким бы оно ни было. С большой радостью в сердце Даг покинул церковь.

После легкого завтрака он отправился, выполняя желание своего отца, в гостиную, его покои для приемов. Это было помещение в главном здании, и в нем отец обычно принимал людей, приехавших к нему с разными просьбами из всего Эстердалена. Сегодня там сидел король в большом кресле у огня. Однако сейчас он поднялся, так как с Раудом и его сыновьями вошла также мать Дага. Хотя она еще чувствовала себя больной и едва могла держаться на ногах, но она не хотела больше откладывать встречу с королем. Рагнхильд дочь Дага была высокой и худой, и она держалась очень прямо, несмотря на слабость. Ее лицо выглядело таким же бледным и почти прозрачным, как и ее руки. Король поклонился ей и попросил ее сесть в большое кресло. Самому себе он пододвинул обычный стул.

Она приветствовала короля своим слабым голосом. – Простите меня, что я отсутствовала вчера в час вашего приезда, – сказала она, – но моя слабость не позволила мне встать.

- Вам не нужно было бы вставать и сегодня, – сказал король. – Если бы я знал, что вы больны, то я сам посетил бы вас. Тебе следовало бы сказать мне об этом, Рауд!

Он поднял взгляд на крестьянина, который тихо стоял рядом с креслом своей жены.

- Я сама не хотела этого, – быстро вмешалась она. – Как мы могли бы побеспокоить короля...

Король наклонился вперед. – Могу ли я спросить, что с вами? Нельзя ли вам помочь?

Женщина слегка, но решительно покачала головой. – Я страдаю этой болезнью уже с давних пор. Если бы я не знала, что тут ничего нельзя сделать, то я уже давно попросила бы короля Олава о помощи, – добавила она с легкой улыбкой, – ведь все говорят, что он хороший лекарь.

- Мое искусство совсем невелико, – сказал король со вздохом, – да я и сам не очень-то хорошо себя чувствую, потому что я не знаю... Он запнулся и не закончил фразу. Но после короткого промедления он еще больше наклонился вперед и схватил тонкие руки, которые лежали на коленях женщины.

Даг смотрел на то, как пальцы короля охватывали пальцы больной и затем ощупью медленно двигались выше и осторожно охватывали ее тонкие запястья. При этом король не отводил взгляда от лица женщины, которое теперь становилось красным. Но она снова отрицательно покачала головой.

- Говорят, что кто-то колдовством навлек на меня эту болезнь, и с ней ничего нельзя сделать, как вы знаете.

- Кто же захотел причинить вам зло? – недоверчиво спросил король.

- У каждого человека есть враги.

- Вы много кашляете? – спросил король внимательно.

Она кивнула. – Часто бывает так, как будто бы я больше не могу дышать, как будто бы все леса и горы этой страны лежат на моей груди и хотят раздавить меня.

Король отпустил ее руки. – Вы родились не здесь?

- Мой отец был норвежцем, но он уехал в Швецию. Я провела там свою молодость, и вернулась сюда только с моим мужем.

- Значит, ты тоже родом из Швеции, крестьянин Рауд?

Крестьянин Рауд кивнул. – Мой род происходит из Западного Гаутланда. Я один из Годелингов – ты мог слышать о них.

- Великий род. И ты приехал сюда? – король запнулся с вопросительным тоном.

- Мне пришлось бежать, – сказал крестьянин Рауд.

Король внимательно посмотрел на него. – Речь шла об убийстве?

Крестьянин Рауд улыбнулся своей задумчивой улыбкой. – Речь шла, – он остановился, – о любви, король. Я приехал сюда ради нее, ради моей жены. Ее родственники не хотели отдавать ее мне, потому что они выбрали ей в мужа другого человека. Но она хотела только меня, а я только ее. Она – сестра короля Хринга сына Дага, и ее родня очень могущественна. Поэтому мы должны были уехать вместе и поселиться здесь. Но для нее это было не очень хорошо, что она выбрала меня, – еще добавил он тихо.

Но король не расслышал последние слова. Он встал в большом удивлении. – Рауд, – воскликнул он, – почему же ты не рассказал мне, что твоя супруга происходит из рода Харальда Прекрасноволосого, так же, как и я, и что мы родственники?

- Я предполагал, что король и так знал об этом, – ответил Рауд, – ведь это известно повсюду здесь, и король, как я думал, получил на дворе управлятеля самые точные сведения обо мне и моих близких.

Король слегка опустил голову. – Я не знал этого. И я все больше вижу, что сведения, которые мне там сообщили, были не очень точны, да, даже лживы.

Рауд улыбнулся. – Это вполне может быть справедливо для части тех сведений, король.

- Я потребую объяснений от управлятеля Бьёрна, – сказал король, нахмутив лоб.

- Я бы еще немного подождал с этим, король.

Они смотрели друг другу в глаза. Взгляд короля спрашивал и искал ответы. Но улыбка крестьянина Рауда однозначного ответа не дала.

- Рауд, – заговорил король серьезным тоном, – ты добровольно пригласил меня в свой дом и принял меня так хорошо, как еще редко кто принимал меня в моей стране. Все же, моя свита велика, и ее угощение – слишком тяжелое бремя для твоего гостеприимства. Давай поговорим откровенно друг с другом. Это непра-

вильно, если я проведу все время праздников у тебя. Ни на одном дворе я не оставался больше, чем на три дня.

В голосе Рауда появился теплый и просящий тон, когда он сказал: – Я пригласил тебя добровольно в свой дом, король, причем именно на все ночи святого времени. Каждый день, который ты проводишь у нас, это для меня и моих близких один день чести, о котором еще будут рассказывать мои потомки.

Признак радости появился на лице короля. Но затем это неуверенное выражение вскоре снова вытеснила усиливающаяся печаль. – Ты думаешь? – спросил он. Тихо вздохнув, он, кажется, сосредоточился на какой-то мысли, которая вела его куда-то далеко вдаль. – В таком случае я, по крайней мере, отошлю отсюда большую часть моей свиты, – пробормотал он затем.

Крестьянин Рауд повернул голову к окну, за которым еще была утренняя тьма. – Там дует сильный буран. Твоим людям будет трудно скакать верхом, и они, вероятно, не смогут далеко уехать. Поэтому не меняй своих первоначальных намерений, я прошу тебя. Я не беден, и у меня есть все, что нужно. Не следует отвергать то, что тебе предлагают с охотой, как говорит пословица.

- Ты очень гостеприимный человек, как я вижу, – ответил король и протянул руку крестьянину Рауду. И так как руки их теперь нашли друг друга, король крепко держал руку крестьянина. – Я хотел бы задать тебе еще один вопрос, Рауд. Насколько я помню, ты вчера сказал, что ты обставил для меня дом, в котором я спал этой ночью, за несколько последних лет.

- Да, я так говорил.

- Значит, ты уже несколько лет назад знал, что я сегодня буду у тебя?

- Да, я это знал.

- А я ведь тогда еще вряд ли знал твое имя. Как же такое было возможно, Рауд?

Крестьянин Рауд прислушался к себе. – Это очень трудно объяснить. Может быть, это была только мысль, желание. Нет, – он выпрямился. – Я знал это во мне самом, король, – сказал он твердо.

- С помощью одного из тех снов, о которых ты рассказывал мне?

- Нет. С помощью знания во мне самом.

- И такие знания также помогают тебе раскрыть тайный смысл снов, которые снились другим людям, так, что ты можешь объяснить их?

- Иногда. Но не нужно слишком сильно полагаться на это. В таких делах всегда может вкрасьться любая ошибка, а также разная пустая болтовня.

- У меня такое впечатление, Рауд, что ты не говоришь легкомысленно больше того, что ты считаешь достоверным. Поэтому я хотел бы рассказать тебе сон, который приснился мне этой ночью в твоём доме, и попросить тебя, чтобы ты объяснил мне его, если сможешь.

- Если я смогу, король, то охотно.

Теперь поднялась мать Дага. Она все это время тихо сидела на своём стуле. – Я хотела бы попросить разрешить мне уйти.

Король подошел к ней и снова охватил ее руки. – Мы не уделили вам внимания, Рагнхильд дочь Дага. Мы должны попросить прощения. Все же, что касается меня, то я постоянно думаю о разных вещах, которые настолько тяжелы и запутаны, что мой разум лишь с большим трудом пытается их объяснить. Поэтому моя голова переполнена мыслями. Простите меня.

– Я вижу и понимаю это, король Олав. И я надеюсь, что мой муж сможет дать вам хороший ответ.

- Теперь мне хотелось бы рассказать ему мой сон, а потом мы пойдем на торжественную мессу, которую мы не можем пропустить во второй день святого Рождества, – твердо сказал король. – А после этого, Рауд, ты можешь объяснить мне мой сон.

Даг провел свою мать в ее покои. На лестнице она сказала: – Он хороший человек, несмотря ни на что. Он искренне и серьезно старается делать то, что он считает правильным. И, все же, поступки, которые он совершил, стоят за ним и бросают свою тень на него. Он выглядит как человек, который увидел фюльгю, своего сопровождающего духа. И тот, с кем это произошло, не проживет после этого больше трех лет.

V. Сон короля

После торжественной мессы Даг снова оказался в гостиных покоях. Он принес свой лангелейк, струнный музыкальный инструмент, на котором он играл лучше всего. Король тут же взял его в руки и любовался прекрасной узорчатостью древесины длинного грифа и красотой изящно вырезанных фигур.

- Кто же это сделал? – спросил он.

- Я сам, – ответил Даг, – по указаниям моего отца. Но инструмент был бы еще красивее, если бы он сам его изготовил.

Король сел на большой стул. – Хотелось бы мне знать, каким искусством вы не владеете, люди со двора Рауда, – сказал он крестьянину. – Теперь я хотел бы испытать твое искусство.

На лице короля играло легкое возбуждение, которое он лишь с трудом сдерживал.

Крестьянин Рауд сидел на скамье у стены. У его ног, на ступеньке, которая вела к престолу на возвышении, уселся Даг. Он держал в руке лангелейк и теперь начал, как для пробы, дергать за струны. Их жужжащий звук скользил по комнате. Огонь потрескивал, и беспокойные отблески пламени танцевали на деревянных стенах и освещали лица трех, которые сидели близко к огню, но Сигурд, усевшийся в отдаленном углу, оставался почти полностью в тени. Снаружи перед окном стало светлее. Но там все еще непрерывно продолжалась сильная пурга, проявляясь лишь как расплывчатая игра теней за тонкой звериной шкурой.

Лангелейк

В мечтательной тишине заговорил тихий голос короля.

- Кое-что показалось мне странным и непонятным этой ночью. Скажи мне, было ли это на самом деле так, как показалось мне. Мне показалось, что кровать, в которой я спал, вращалась, очень медленно, но заметно, вместе со мной. Как такое могло быть?

- Это здание было устроено так, король, что возвышение, на котором стоит кровать, всегда вращалось бы по ходу солнца, чтобы ты всегда смотрел прямо на него. Поэтому и сон тоже следовал за солнцем, так же, как и все твои размышления и стремления.

Даг сыграл несколько звуков на своем лангелейке. Он исполнил такую мелодию, которую отец хотел слышать, когда он был готов толковать сон. И тогда Рауд заговорил. Он говорил медленно, слова падали как капли, произносимые глухо и тихо. В паузах между словами говорил лангелейк, издававший жужжащие, вибрирующие и мягко затихающие звуки, все время в одной и той же маленькой последовательности, которая была похожа на заклинающий призыв к потаенным силам мира. Но снаружи падал снег, и казалось, что он окутывал всю действительность в белый плащ колдовства и тишины. Теперь мы все погружаемся вместе, как я тогда тонул в моем сне, подумал Даг. Теперь отец, король и брат со мной тоже сидят там внизу на дне мирового источника и слышат, как шумят скрытые воды и звучат чудесные песни.

Но крестьянин Рауд уже начал говорить. – Во-первых, я хочу сказать тебе, король, кое-что, о чем ты не спрашивал меня и о чем ты не рассказывал мне, а именно, о том, что ты думал, прежде чем уснул. После того, как ты прочитал свои молитвы, ты снова лег в кровать, и свечи вокруг тебя медленно догорали. И ты видел небо над собой, и тебе казалось, как будто бы звезды кружились на этом небе. И ты глядел вверх и искал своего бога за этим небом и звал его. Ты просил его, чтобы он раскрыл тебе, как все эти бунты и раздоры, которые сейчас царят здесь в стране, тайная победа твоих врагов и отход от тебя твоих друзей, как все это закончится. Ты не спрашивал о своей собственной судьбе, которая казалась тебе такой незначительной в сравнении с теми большими вопросами, которые волновали тебя, но ты в страхе и беспокойстве спрашивал о том, что случится с твоей страной и с ее людьми, которых твой бог доверил тебе, и какой будет судьба твоего маленького сына и твоего рода. И затем ты осел на себя крестом и тут же погрузился в сон.

Король сидел с широко расставленными ногами, опершись локтями на колени. Его голова опустилась совсем низко. Теперь он кивнул, даже не подняв лица.

- Да, это было так, – подтвердил он. – Но теперь сон, Рауд...

- Ты видел во сне, как будто бы ты стоял на холме и смотрел на земли вокруг. И чем дальше ты смотрел, тем шире раскрывался вид перед тобой, пока ты, наконец, не смог увидеть всю землю. Ты видел холмы и горы, поля, леса и реки, возделанные и невозделанные земли, моря, пустыни и ледовые поля, до самого края мира. И там лежала перед тобой страна с высокими горами и зелеными долинами, с лесами и лугами, и со сверкающими фьордами. И этой страной была страна твоих отцов и твоей любви: Норвегия.

И когда ты стоял и рассматривал эту страну, солнце поднялось над краем мира и медленно путешествовало вверх к верхушке неба. Но ты заметил, что ты, хотя солнце стояло прямо напротив тебя, отбрасывал тень перед собой, и эта тень была темной и тянулась далеко. И ты видел, что всюду, где падала эта тень, трава прекращала расти, поля чахли и все растения засыхали. И солнце поднималось все выше, и когда оно стояло над твоей головой, из солнца выпал меч, который попал в тебя, так что ты опустился на землю, и из твоей глубокой раны потекла кровь. Но когда твоя кровь окропила землю, большое дерево выросло из нее, крепкое, и со множеством ветвей, которые тянулись в разные стороны. Дерево росло, становясь все больше и больше, и достигло свода неба, который, кажется, опирался на него. И на этом дереве висело изваяние, изображающее человека, прибитого гвоздями, с распростертыми руками. Изваяние было искусно сделано из драгоценного золота и серебра и украшено драгоценными камнями, а из головы этого изваяния исходил луч, который широко и далеко светился над землей. И ты спрашивал себя, что означало это изображение.

Глухой голос Рауда замолчал на мгновение.

- Прекрасно рассказано, – сказал король. – Лучше, чем я сам смог бы рассказать! Но объясни же мне теперь этот сон, Рауд!

- Мне не нужно объяснять тебе первую часть сна, король. Ты сам знаешь, что эта часть сна должна была сказать тебе. Дерево, однако, которое появилось из твоей крови, указывает, как я думаю, на величие и рост твоего рода, а изваяние сообщает о его судьбе. Ты видел, как блестящий локон с головы изваяния падает на плечи. Так как ты – властитель в этой стране, то голова может означать тебя самого. А локон, от которого исходит такое сильное сияние, что каждый, кто видит его, становится радостным, он указывает на твоего сына Магнуса и на чистое сияние его правления.

Лицо короля было бледным от возбуждения. – Значит, он будет жить, когда я уже умру?

Этот вопрос был произнесен так тихо, почти беззвучно, но, все же, он был подобен крику, полному неукротимого уже страха, и казалось, что этот вопрос болезненно продолжает дрожать в этом помещении. Крестьянин Рауд кивнул, уверенно и серьезно. – Он будет жить и будет править, и мир и радость будут исходить от его правления на протяжении многих лет.

Король вздохнул как человек, которого избавили от тяжелого бремени. Затем он откинулся назад на свой стул. – Продолжай, Рауд!

- Тело изваяния, как показалось тебе, было изготовлено из твердого металла, но также и из золота и серебра, и покрыто превосходными украшениями. И так, более поздние короли твоего рода будут остры и тверды, так же, как чистое железо обнаженного меча, но они сделают много добра, будут распространять свет, изящество и красоту, и их долго будут славить. Но позже королевство расколется, в следующем периоде правления, так же как разделились обе ноги на теле изваяния. Все же, как ноги несут тело, так и властители тех двух государств тоже будут блюсти добрые обычаи своих предков и следовать их славному примеру. И то, что ступни изваяния в конце лежали одна на другой, предвещает, что они вопреки ссорам и расколам, в конечном счете, снова вернуться к единству державы.

Король кивнул крестьянину Рауду. – Это хорошее толкование, и я благодарен тебе за него.

- Остается объяснить конец твоего сна, король. Когда ты лежал под деревом, ты видел, что кровь, которая вытекла из твоей раны, собралась вокруг ствола дерева и превратилась в чистую и прозрачную воду. В этой прозрачной воде отражалось небо, и из нее исходили ручьи, которые орошали почву, там, где она стала сухой и бесплодной под твоей тенью, так что из земли пробилась свежая зелень. И ты видел, как со всех сторон подходили люди, которые пили прозрачную воду и поливали ею поля, после чего те становились плодородными и прекрасными в их великолепии. И твой сон закончился тем, что ты увидел свою страну цветущей, счастливой и залитой солнечным светом.

Король смотрел вперед с отсутствующим взглядом. – Этот конец оставил спокойствие и радость в моем сердце, но его смысл я не понял, – сказал он.

- Это нетрудно понять. Ты знаешь, что иногда должна пролиться кровь одного человека, чтобы пришло счастье для многих.

Король весь побагровел и отрицательно махнул рукой. – Нет, Рауд, замолчи! Разве ты не знаешь, что даже только подумать о чем-то в этом роде – это уже кощунство?

Крестьянин Рауд с улыбкой покачал головой. – Я говорил о людях, не о богах, король. Разве люди не дети богов и не могут стать жертвой, как и те?

Король сидел на своем стуле, нагнувшись вперед. Спустя некоторое время он поднялся. Теперь в его глазах был виден свет облегчения. – Как бы там ни было, Рауд. Теперь я знаю, что моя страна не погибнет, а будет процветать, под защитой возвышающегося над нею изображения бога, и что мой род сможет жить и действовать. Этого мне достаточно.

Он поднялся и протянул Рауду руку. – Я благодарю тебя. Твое толкование было хорошим, и я должен поверить ему.

- Если ты приобрел ясное понимание, король, то это даже больше твоя заслуга, чем моя, – ответил Рауд.

Когда они еще стояли и смотрели друг на друга, вошел слуга и сообщил, что трапеза приготовлена.

- Тогда мы пойдем, – сказал король.

Они вышли в сени. Все еще шел снег. Ветер кружил снежинки в веселом танце. Тут король повернулся к Сигурду. – Ты был прав в своем предсказании. Но позволь мне еще раз проверить твое мастерство. Скажи мне, где сейчас находится солнце.

Сигурд без промедления указал на вьюгу. – Вон там – в свободном пространстве между теми двумя амбарами, прямо над краем холма, который вы теперь не можете видеть из-за метели. Это самое высокое положение, которого солнце достигнет сегодня.

Король вглядывался в равномерно серое кружение снега. Затем он знаком позвал юного слугу. – Есть ли на этом дворе солнечный камень? Тогда принеси его мне!

Мальчик убежал, и король повернулся к Рауду.

- У тебя еще нет колокола в церкви, которую ты с помощью колдовства успел построить в эту ночь, – сказал он, – ты это знаешь? Этот колокол мог бы звать не только на мессу, но и к трапезе, как это стало обычаем у меня в Нидаросе и

Сарпсборге. Не сможешь ли ты как-то наколдовать такой колокольчик? Я считаю, что ты умеешь все, Рауд, человек, сведущий в ста искусствах.

Рауд засмеялся. – Я уже говорил тебе, король, в колдовстве я ничего не смыслю, здесь мое искусство бессильно.

- Тогда я сам посмотрю, что можно сделать, – сказал король.

Даг с удивлением смотрел на короля. Казалось, что маска, которая до сих пор была на этом лице, упала с него. Теперь это было лицо молодого человека, веселое и беззаботное, наполненное жизнерадостностью и верой.

- Посмотри, – продолжил король и показал на дома, контуры которых были видны за метелью, – если поставить такую же надстройку, которая венчает дом, где я спал, на твою церковь из досок, то и балка для подвешивания колокола будет готова. Кстати, – он полностью повернулся к Рауду, – зачем вообще нужно это небольшое строение там на круглом доме?

- Оно накрывает отверстие в центре крыши, король. Отверстие это круглое, и его можно открывать и закрывать, в зависимости от того, нужно ли впустить свежий воздух в помещение или же защитить его от холода.

На лице короля внезапно снова появилось выражение задумчивости. – Правильно, – сказал он себе под нос. И тише он продолжил: – Тут мне вдруг вспомнилась еще одну часть моего сна – я забыл о ней, а теперь она как бы снова всплыла в памяти. В самом начале ночи, когда я еще лежал между сном и бодрствованием, мне показалось, как будто я вижу, как круглая середина неба на потолке, которая была обозначена светлым ореолом, поднимается, и как будто бы оттуда на меня вниз смотрит лицо, лицо старика с белой бородой. Я в полусне спрашивал себя, сплю ли я или еще нет, и ответил сам себе, что это, наверное, сам бог показался мне, спящему, во всей своей славе, чтобы ответить на мои вопросы. И тогда я глубже погрузился в сон, и мне приснилось то, о чем я тебе рассказал.

Он глубоко вздохнул. – Что ты думаешь, Рауд? Не было ли это прекрасным началом и знаком того, что этот сон действительно пришел ко мне от бога, и я могу доверять ему?

Рауд стоял неподвижно и ответил, что нет.

Но внимание короля отвлеклось, так как молодой слуга вернулся и передал ему кусок горного хрусталя. Король поднял его. Все видели, как в камне вспыхнуло

нежное мерцание, которое указывало точно в ту точку горизонта, которую показывал Сигурд.

Король кивнул удовлетворенно. – Ты был прав, – сказал он Сигурду.

Тот немного пренебрежительно скривил губы, как это было характерно для него, и ничего не ответил.

- Пойдемте есть, – сказал король.

У двери зала служанка прошмыгнула мимо них; она приостановилась почти незаметно, взглянула украдкой на короля и затем убежала. И тогда король тоже обернулся и улыбнулся. Это была Руна, которую называли финской служанкой, девушка с рыжими волосами и широким лицом, дочь финки. Руна не была красивой, но в ней было что-то, из-за чего мужчины заглядывались на нее. И король тоже, подумал Даг. Он удивился, потому что считал, что лицо короля, которое он до сих пор знал только омраченное тяжелой серьезностью или ярко светящееся свободой, не способно было на такую холодную и дерзкую улыбку, эту улыбку, которая оценивала и добивалась, и не скрывала его желаний. Даг с небольшим сожалением в сердце вошел в зал за идущими перед ним людьми.

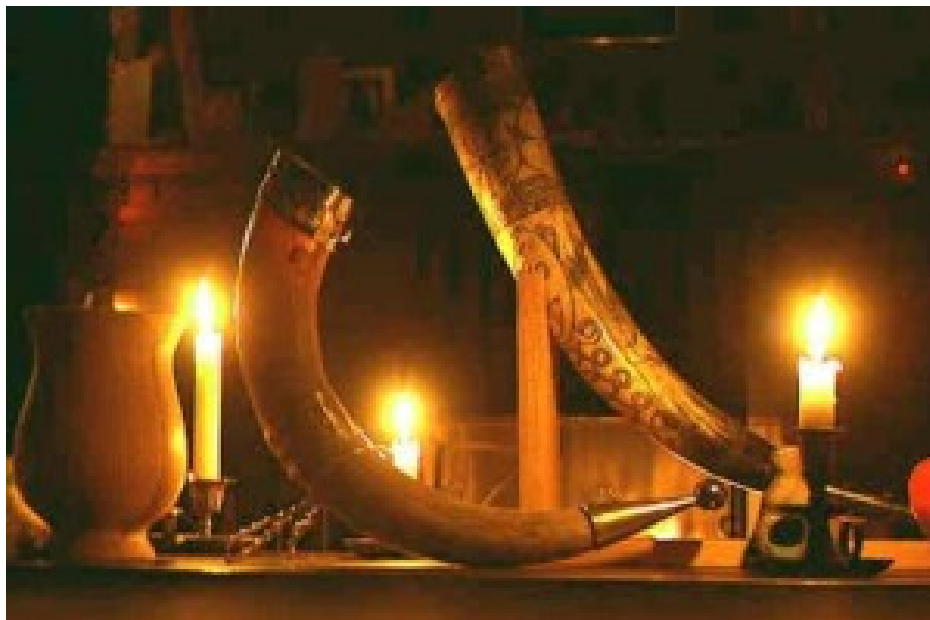
VI. Даг Светлоокый

Снова, как и вчера, этот вечер объединил всех мужчин в зале. И снова король сидел на высоком престоле, перед ним лежал серебряный рог для питья, но сегодня он казался куда более общительным, чем вчера, и его беззаботное веселье удивляло всех, кто знал его ближе, так как никто из его людей уже давно не видел его таким.

- Таким он был в то время, когда я впервые приехал к нему, – сказал скальд Сигварт Финну сыну Арни, который сидел рядом с ним. – Я и не подумал бы, что он когда-то снова будет выглядеть так. Этот Рауд, похоже, действительно волшебник. Непонятно, что можно об этом сказать.

Когда рога для питья передавались по кругу уже довольно долго, настроение сидящих за столами становилось все более веселым. Так как сам король был так весел, то и у других веселье ничем не сдерживалось. Зал гремел от разговоров и смеха. Сегодня некоторые из служанок тоже прислуживали за столами королевской свиты. Они надели свою лучшую одежду и смеялись, если мужчины кричали им шутливые слова. Также Руна, финская служанка, была здесь. Снова и снова она ловко устраивала так, что оказывалась вблизи престола. У

нее была невысокая и широкая фигура, но походка ее была легкой и быстрой, и движения были гибкими. Когда она шла быстро, то покачивала бедрами, и ее юбка развевалась при каждом шаге.

Скандинавские рога для питья

Даг, который ходил между столами, встал ей на пути. – Веди себя поскромнее и не слишком привлекай к себе внимание! У высоких гостей там наверху тебе нечего делать! – шепнул он ей мимоходом в приказном тоне.

Девушка взглянула на него из полузакрытых глаз, в этом взгляде были насмешка и презрение. И когда он пошел дальше, то услышал за собой ее тихий, булькающий смех.

Спустя немного времени он увидел, как Руна опять стоит рядом с высоким креслом короля. Она поднесла королю снова наполненный серебряный рог, и король, даже не поворачивая голову, схватил на мгновение вместе с рогом руку Руны. После этого девушка быстро проскользнула по залу к выходу.

Даг быстро последовал за нею. – Позаботься, чтобы она больше не входила сюда, она докучает гостям! – сказал он слуге, который сторожил дверь.

Когда он возвращался в зал, то замедлил шаг. Также сегодня старый нищий, похожий на серую кучу лохмотьев, сидел на полу в полумраке и не двигался. Даг знал, что старик хотел оставаться незамеченным, и поэтому молча прошел

мимо него. Но уже только из-за того, что он знал о присутствии этого таинственного старика, его снова охватило околдовывающее возбуждение, в свете которого все вещи становились прозрачными.

Он взглянул вверх на престол, на котором, кажется, царила большая радость. Можно было услышать громкий смех короля. Теперь также Рауд снова сидел напротив короля, и даже Сигурд уселся рядом с ним.

Невольно Даг подошел поближе. Он услышал, как елейный голос епископа самодовольным тоном произнес: – Если я должен назвать какое-то искусство, в котором я разбираюсь, то это может быть то, что я могу петь соответствующую мессу в каждый день года, так часто, как это требуется, и мне не нужно для этого брать в руки книгу. И затем он услышал ответ короля: – Это тоже можно было бы назвать искусством, каким бы многоречивым оно мне ни казалось. За этими словами последовал довольный смех.

Скандинавский пир

Они занимаются «мужскими перебранками» и хвастаются своими умениями, догадался Даг. Эта игра стала любимым развлечением после окончания трапезы.

- Беседа, которую мы начали, теперь продолжается по кругу, – сказал король. Он наклонился вперед. – Кальв сын Арни, скажи, в каком искусстве ты хорош?

Кальв медленно опустил трон для питья. – Вот что я причисляю к моему искусству, король: Я никогда не забываю, если кто-то причинил мне зло, и моя ярость не ослабевает, сколько бы времени ни прошло с тех пор, – ответил он.

Тень пробежала по лицу короля. – Финн? – спросил он быстро и перевел взгляд на лицо другого брата.

Серьезные глаза Финна встретились с его взглядом. – Мое искусство состоит в том, что я никогда не бросаю на произвол судьбы моего короля, что бы ни случилось, – ответил он.

Король вздохнул. – Это правильно, Финн. Наверняка можно предположить, что ты оправдываешь это искусство. А ты, Торберг, что ты можешь сказать?

- Я никогда не нарушаю свое слово и однажды данную мною клятву, – воскликнул Торберг.

- И это тоже искусство, которое идет на пользу твоему государю, – ответил король. – К сожалению, оно стало редким среди мужей Севера. А еще недавно я и не подумал бы, что до такого может прийти, – добавил он, вздохнул, наклонил голову, и погрузился в свои мысли.

Но когда теперь Арнбьёрн, четвертый сын Арни, похвастался тем, что во всей Норвегии не найдется лука, который он не смог бы натянуть, то король вместе с другими посмеялся над этим бахвальством. А когда затем Кольбьёрн объявил себя лучшим лыжником, стрелком и пловцом в стране, король присоединился к начавшемуся подтруниванию.

Следующим хвалился окольный Бьёрн, сказавший, что никогда не опускает свой голос на тинге, даже если его слова вызывают самое большое недовольство. Тогда король поднял в его честь свой рог. – Ты однажды доказал это в Швеции. Даже когда они так сильно буйствовали против меня, ты не молчал. Бьёрн, я пью за твою непоколебимую верность.

Даг рассматривал окольного, который ответил на эту похвалу короля польщенным поклоном. Все же, когда он пристальнее взгляделся в его покрасневшее, широко улыбающееся лицо, Даг вдруг с большой ясностью осознал, он сам не знал, почему верность этого человека не будет непоколебимой. Его взгляд бродил по всем этим лицам, и снова было так, как будто бы они раскрывались

ему. – Кто же из всех них действительно верен? – спрашивал он себя. Финн, да, Торберг – вероятно – но другие, немногие – очень немногие...

Он так глубоко погрузился в эти полные вопросов размышления, что совсем не заметил, как король окликнул его самого.

- Да, я имею в виду тебя, Даг сын Рауда, спящий с открытыми глазами. Возвращайся в наш мир и садись к нам! Вот сюда. Потому что ты еще ничего не сказал. Мы хотим знать о тебе, какое из тех многих искусств, которым научил тебя твой мудрый отец, ты сам считаешь самым большим. Которым ты мог бы похвалиться? Говори!

Даг сел за стол короля. Частично против своей воли, и все же поддавшись странному желанию выговориться, он признался: – Я разбираюсь в одном искусстве, которому меня не учил мой отец...

- И кто же это был, кто научил тебя этому искусству?

Как во сне Даг ответил: – Тот, кто дал мне новое имя, но у него самого нет имени.

Король удивленно покачал головой. – И какое же имя он дал тебе?

- Дагом Светлооким назвал он меня, – пробормотал Даг. Тут он почувствовал предостерегающее прикосновение к его руке. Он знал, что это был его отец, который сидел рядом с ним и сейчас дотронулся до него.

Но улыбка короля была веселой и совсем без подозрений. – Это имя не представляется мне неподходящим для тебя. Даг Светлоокый! – повторил он. – Но скажи мне, какому же искусству ты научился, когда принял это имя?

- Когда я внимательно посмотрю на человека и полностью погружусь в его сущность и характер, то я могу оценить его мысли и могу узнать, что есть в нем хорошего и плохого.

Король внимательно рассматривал его. – Если это действительно так, как ты говоришь, то ты сведущ в искусстве, которое может стать полезным. Я проверил мастерство твоего брата, я хочу также проверить и твои умения. Скажи мне...

Он немного наклонился вперед. – Скажи мне, Даг, какими достоинствами обладает человек, на которого я смотрю сейчас, и какие недостатки ты можешь обнаружить в нем?

Даг последовал за взглядом короля; король посмотрел на Сигвата, черноволового скальда, который как раз оживленно беседовал со своим соседом и не слышал их разговора.

- Говори тихо! – приказал король, – люди могут рассердиться на тебя, если заметят, что ты можешь обнаружить недостатки и в них тоже.

Они наклонились друг к другу, и Даг приблизил свой рот к уху короля. – Мужчина, на которого вы смотрели, очень умен, он умнее большинства людей. Но мужество его порой не так велико, как его ум...

Король рассмеялся. – Хорошо, очень хорошо! А вон тот человек, который как раз сидит рядом с тем, о котором мы только что говорили, о нем ты что можешь сказать?

Этим человеком рядом с Сигватом был Кальв сын Арни. – Он тоже умен и при этом обладает редкостной смелостью, – прошептал Даг, – но его недостаток состоит в том, что он сейчас не знает, какое именно решение он должен принять. Если, однако, он будет это знать, тогда..., – он запнулся – тогда тот, кто еще может доверять ему сегодня, должен будет остерегаться его.

Король посмотрел на Кальва испытующим взглядом. Затем он собрался с мыслями. – Я вижу, что у тебя хороший глазомер, Даг. Еще одно испытание, и затем я признаю тебя мастером в твоём искусстве. Скажи мне теперь, какие недостатки ты находишь во мне? Говори откровенно! О моих сильных сторонах я ничего не хочу слышать, об этом песни скальдов уже сказали больше чем достаточно.

Даг испугался. – Об этом я ничего не могу сказать, – пробормотал он. – Я могу, наверное, говорить об этом, когда речь идет об обычных людях. Но здесь у меня нет нужного кругозора и собственного суждения. И еще я думаю, что в вашем характере мало что можно найти плохого.

Король протянул руку над столом и твердо положил ее на руку Дага. – Это тебе не поможет, ты так от меня не отделаешься. Я хочу, чтобы ты безбоязненно сказал, что ты думаешь.

У Дага не было иного выхода, он должен был отвечать. – Я могу обнаружить в вас один недостаток, господин. У вас есть одна слабость, которая, однако, как я думаю, нередко бывает у мужчин: слишком большая чувствительность к женщинам...

Он вдруг покраснел.

Щеки короля тоже покраснели. Они смотрели друг на друга, оба смущенно улыбаясь, оба как мальчишки, которые еще не знают точно, должны ли они подраться между собой или же вместе разразиться громким смехом.

Но потом улыбка короля стала шире. – Ты прав, – сказал он. – Я вижу, что, как и твой отец, ты, Даг, тоже превосходишь всех мужчин, которых я знаю, умом и здравомыслием.

Он легко вздохнул. Неожиданно он поднялся. – Пора идти спать, – сказал он.

Даг и другие тоже встали. Как и прошлым вечером, сегодня крестьянин Рауд и его сыновья тоже провели короля из зала. Под дверью ждала девушка. Она плотно прижималась к стене, но Даг все равно узнал ее. Король прошел мимо, не глядя в сторону. Только перед круглым домом для ночлега он обернулся. – Ты принесешь мне снова вечерний напиток, Даг? – спросил он. – Я хочу, чтобы ты сегодня один пришел ко мне. Затем он вошел в дом.

Позже Даг один, как ему было сказано, пришел в опочивальню короля и поднялся с кубком в руке по ступенькам вверх к кровати. Занавесы были задернуты, король отдыхал в одиночку. Он взял кубок с вином и выпил.

- Я должен задать еще один вопрос тебе, Даг Светлоокий, – сказал он.

Даг поклонился.

- Я хотел бы знать, что ты думаешь о характере моего управителя Бьёрна. Ты знаешь его. Итак, скажи мне, в чем его недостатки.

- Я не хотел бы говорить об этом, – с некоторым трудом ответил Даг.

- Но ты должен сказать об этом. Я хочу этого. Ты должен быть таким же честным, каким ты только что был в зале. И теперь я тоже не признаю отговорки.

Даг покачал головой. – Я с радостью отвечу на любой другой ваш вопрос, господин, только не на этот!

- Есть такой вид гордости, Даг, который очень похож на трусость. Ты поймешь, что окажешь мне и нам всем хорошую услугу, если ты выскажешь свое мнение честно.

Даг снова опустил глаза. – Управитель Бьёрн – вор, – сказал он, – и к тому же еще и клеветник. Он сам крал скот, и обвинил в этих кражах нас, моего брата Сигурда и меня. Так как его мошенничества больше нельзя было скрыть, он ис-

кал людей, на которых он мог бы свалить свою вину. Он ненавидит род Рауда, он ему неуютен. Тинг осенью отверг его жалобу, тогда он, когда вы, господин, приехали к нему, нашептал вам свою клевету, и вы приехали к нам, чтобы увидеть, что в этом деле правда, а что нет.

Король молчал. За занавесами были слышны приглушенные разговоры свиты. – И чем ты докажешь это обвинение, Даг? – спросил, наконец, король.

У Дага было такое ощущение, как будто бы он должен был вслушиваться очень далеко в темную даль ночи или также прислушиваться глубоко к самому себе. Но он не слышал ничего, кроме тихого шума, из которого никак не выделялось что-то отдельное и определенное.

- Вы спросили меня о моем мнении, господин король, – ответил он. – Я сказал вам, что я думаю и что могу почувствовать. Но доказательства я не могу вам дать, потому что у меня их нет.

Король пристально рассматривал его. – Когда управитель Бьёрн обвинял вас, сыновей Рауда, я тоже потребовал от него доказательств. И я прибыл сюда к вам, чтобы посмотреть на все самому, а не разбираться с этим обвинением просто наугад. Но я точно так же не могу считать и управителя Бьёрна виновным, пока его вина не доказана. Иди и поищи доказательства, Даг, для твоего тяжелого обвинения. Ты умен, и я думаю, ты точно сможешь что-то найти. Через три дня я хотел бы снова услышать об этом деле. Спокойной ночи. Пусть Господь бережет и просветит тебя.

Даг поклонился и вышел.

VII. Голоса во мраке

И после этого Даг стоял во дворе, в то время как снег мягко падал на него, и спрашивал себя, как он мог бы найти желанное доказательство. Он не находил ответа. Его мучил жгучий стыд за то, что он дал себя уговорить высказать свои мысли об управителе Бьёрне и вытащить на свет то обстоятельство, которое до сих пор, как и некоторые другие, тайно и смутно скрывалось под поверхностью этого королевского посещения. Ему казалось, что король теперь имел право презирать его как хвастуна. – Не считает ли он меня лжецом? – спрашивал он себя. Эта мысль причиняла ему невыносимые мучения.

Когда он еще стоял так и всматривался в неясную темноту, ему вдруг почудилось, что какая-то фигура двигалась между конюшнями. Она медленно скользи-

ла у стены, слабый свет, который исходил, вероятно, от принесенного накрытого фонаря, окружал ее, она, кажется, становилась то большой, то маленькой. Тут заскрипела дверь конюшни, свет исчез, и Даг снова стоял один в круговороте снежинок. Но его сердце охватил ужас: старик! Снова, как тогда в тумане, тень мгновенно изменяла свой рост, и при этом медленно и неуклонно скользила вперед. И в то же время Дага вдруг озарило: вот тот, кто может помочь мне! Он, который знает больше меня, сможет мне сказать, как я могу добыть доказательства, которых требует от меня король.

Он быстро подошел к конюшне и открыл дверь. Тепло и запах лошадиных тел встретили его. Здесь было очень темно, даже намного темнее, чем снаружи на дворе. Быстро дыша, он стоял в этом теплом, наполненном сильным запахом мраке, который окутывал его как тяжелая шаль.

- Где ты? – тихо спросил он.

Но никакого ответа не было. Только одна из лошадей сопела и стучала копытом по дощатой перегородке.

- Старик, который называет себя Гестом, я прошу тебя, дай мне ответ, – попытался Даг еще раз.

Но так как там ничего не шевелилось, кроме лошадей, которые все были беспокойны, он медленно побрел ощупью дальше по среднему проходу. В конце помещения в углу было стойло кобылы Сверты, его собственной лошади. Он подошел к ней. – Сверта, – сказал он.

Кобыла негромко фыркнула и положила свою мягкую голову в его руку. Он погладил лошадь по твердой, гладкой холке, и при этом вслушивался в темноту конюшни. – Где же он прячется? – думал он. Ведь если я позвал его по имени, то он должен был бы показаться мне. Все Неземные должны делать это. Но знаю ли я его настоящее имя? Его охватил ужас. И если бы я знал его имя, я не решился бы произнести его. Я также не решился бы дотронуться до обручья, даже если я бы точно мог сказать, что это мне поможет. Даг прикоснулся к золоту, которое обтягивало его руку под рукавом. Но он тут же убрал руку.

Над дощатой перегородкой, отделяющей стойло Сверты от стойла соседней лошади, слуги закрепили маленькую рождественскую ель, чтобы защитить здоровье лошадей в будущем году. Даг вдохнул горький, смолистый аромат хвои, который смешивался с запахом лошадей и ароматом сена. Этот запах напомнил ему о том, что сегодня была одна из двенадцати волшебных зимних ночей. И все знали, что в эти ночи, когда открывались двери в неизведанные глубины

мира, также животные могли говорить на человеческом языке. – Сверта! – про-
бормотал он, прижав голову лошади к себе, – Сверта, если он не хочет показы-
ваться мне, тогда скажи мне ты. Вы, лошади, умнее нас, людей. Скажи мне: как
мне найти доказательства того, что управитель Бьёрн украл королевских коров
и овец? Что я должен сказать королю?

Голова лошади двигалась в его руках, он чувствовал, что дрожь пронеслась по
телу животного. С большей живостью она выпустила воздух через ноздри. Но он
не получил ответ. Вздохнув и улыбнувшись из-за этой игры, которую он устро-
ил здесь, наполовину веря, и наполовину нет, он как раз хотел отстраниться от
тепла лошадиного тела, когда какой-то звук заставил встрепенуться и его, и
Сверту. Дверь конюшни раскрылась. Шаги и тихие голоса вдруг послышались в
помещении.

- Здесь так темно внутри, сказал кто-то. – Будь осторожен, не наткнись случай-
но на лошадь.

- Он говорил, что придет сюда, – ответил низкий голос, который Даг узнал.

- Эй! Есть тут кто? Эй!

Даг молчал. Все вокруг молчало. Только лошади двигались, и их копыта стучали
по дереву.

- Еще нет, – произнес низкий голос. – Тогда я подожду его. А ты иди в дом для
ночлега и ложись спать, Финн, здесь тебе нечего делать!

Другой засмеялся. – Я не узнаю тебя, брат! Большой Кальв пробирается ночью
в конюшню, чтобы встретиться с каким-то нищим, да еще так скрытно и усерд-
но, как сейчас, вероятно, красавец Рёгнвальд пробирается в коровник, чтобы
обнять красотку-скотницу. Чего же ты так хочешь от него?

- Ты настолько любопытен, Финн? – усмехнулся Кальв сын Арни.

- Да, любопытен. Если дело касается моего брата, то да, – ответил Финн.

Кальв сурово рассмеялся. – Ты боишься за мою душу? Мне кажется, что я слы-
шу, как наш любимый епископ Гримкель говорит: «Горе тому, кто связывается с
чертями и демонами...» Он передразнил манеру речи епископа.

- Ты же не будешь всерьез считать этого грязного старого нищего языческим
идолом, я думаю.

- Нет, нет, Финн. Но я хотел бы больше узнать об этом человеке. Я пару раз недолго поговорил с ним. Он неразговорчив, но его знания кажутся мне удивительно большими. Уже там в горной хижине он возбудил мое внимание. Он, без сомнения, больше, чем он хочет казаться... Вероятно...

- Вероятно?

- Там в хижине речь зашла о поступках Олава Трюггвасона. И тогда говорили о Эйвинде Болоте, который тогда был единственным из всех этих колдунов и знатоков мудрости, кто избежал огненного суда короля. И я видел, как тщательно этот старый сказитель старался скрыть свое лицо, когда разговор зашел об этом. Эйвинд Болото уехал в Швецию, как говорят. Он якобы жил там в лесах как волк, а затем ушел еще дальше – к финнам. Никто не слышал, что он умер. Теперь он должен быть очень стар, и у него только один глаз.

- Не было бы хорошо, если бы Эйвинд Болото вернулся.

В голосе Финна сына Арни звучала тревога.

- Чего он мог бы хотеть, кроме как отомстить нам всем. Следовало бы предупредить короля о нем.

- Ты ничего не скажешь об этом королю, дурак! – Кальв сильно рассердился. – Я вообще ничего не рассказывал бы тебе об этом деле, если бы считал тебя болтливой бабой.

- Старый языческий колдун мог бы причинить вред королю. А ему ко всем его нынешним бедам только этого еще не хватало.

- Старый языческий колдун! Ты что, действительно превратился в попа? Какое нам дело до того, перед кем такой болван ползает на коленях, и делает ли он знак молота или же крестится? Что одно бесполезно, что другое – это хорошо только для старух...

- Король придает большее значение знаку креста, как ты знаешь.

- Король! Пусть он убирается на все четыре стороны, этот король! Вместе с его крестом и его лицемерным Белым Христом. Вся эта возня постепенно становится для меня невыносимой, Финн!

- Я с беспокойством замечаю это, Кальв. Ты только с большим трудом скрываешь свое неудовольствие.

- Я скоро вообще больше не смогу скрывать его. Этот король! Что – по сути – привязывает меня к нему?

- Твоя клятва, Кальв!

- Не она! К счастью, я никогда не присягал ему. Я был не настолько глуп как вы, другие, как Арнбьёрн, и ты, и Торберг.

- Но ты был в его свите много лет.

- Слишком долго я был в его свите, это правда.

- Давай серьезно поговорим об этом, Кальв: перемены в твоём настроении не нравятся нам, твоим братьям, и тревожат нас, – сказал Финн печально. – Мы точно знаем, что за всем этим стоит женщина. Мы знаем, что твоя жена днем и ночью своими разговорами и жалобами настраивает тебя против короля, потому что она хочет с твоей помощью отомстить за Эльвира из Эгга, который был ее первым мужем и был казнен как предатель.

- Чушь! – гневно зарычал Кальв. Какое мне дело до Эльвира из Эгга? Или, все же, нет, вероятно, это касается нас всех больше, чем ты полагаешь. Как ты думаешь? Не должна ли его судьба предостеречь нас, его судьба и судьба его сыновей? Предатель! Когда и как Эльвир из Эгга якобы предал короля? Он был так же верен ему, как ты, а это кое-что значит, я думаю. Но он не хотел приносиваться к глупостям короля. Он хотел праздновать старые праздники согласно обычаям, так, когда и как он считал это правильным. В этом-то и было все его преступление. Но потом на него напали в его доме и убили, и король с наслаждением съел его жаркое, приготовленное к празднику зимнего солнцестояния. Ну, с этим я еще мог бы смириться, потому что без этого Сигрид не стала бы вдовой, а затем моей женой. Но то, что оба его мальчика также должны были последовать за ним, что король не мог успокоиться, пока не отправил и их тоже к Хель...

- Я знаю, – тихо сказал Финн, – они были дороги тебе.

- Они были для меня как мои собственные сыновья. Король должен был бы, по меньшей мере, хоть немного считаться со мной. То, что он заставил меня упрашивать его сохранить жизнь Торира, как будто я какой-то обычный проситель, а затем с холодной улыбкой не обратил вообще никакого внимания на мои просьбы, как будто я никто – вот это я ему никогда не прощу. Торир – ему было едва ли восемнадцать лет, самый красивый и самый сильный парень везде и всюду...

Голос Кальва сорвался, жесткий от боли.

- Не забывай, что Торир взял золото от Кнута, короля Англии. Он действительно был предателем и продал свою верность.

- Золото Кнута, короля Англии! Кто же знает об этом точно? И если даже да! Сигват тоже получал кольца и обручья от короля Кнута. И еще некоторые другие люди. И они кажутся мне не самыми глупыми. Король Кнут – порядочный человек и, во всяком случае, более щедрый, чем этот скряга, которому мы, глупцы, все еще храним верность.

- Кальв! Ты знаешь, он охотно был бы щедрым, если бы только мог.

- Мог бы! Уж он-то мог бы! Но ведь нужно строить одну церковь за другой. Золотые кресты должны стоять на алтарях, и одеяния священников должны быть украшены драгоценными камнями. Разве что-то еще может остаться для его свиты? Но он еще пожалеет о своих поступках. О щедрости короля Кнута много говорят на Севере, и его золото есть в руках у многих людей. И известно, что он не спрашивает о том, кто ты – христианин или язычник. Может быть, что Торир действительно взял его золото. Но ты знаешь слова Олава: «Кто предает меня, того я могу простить. Но кто нарушает верность моему Господу на небе, того я не могу помиловать». Не из-за Кнута, короля Англии, должны были погибнуть Торир и Грьотгард, а из-за того, что они были сыновьями язычника и поэтому вызывали подозрения. Недавно он сказал: «Дом каждого человека – это его замок, там мы только гости и должны вести себя уважительно». Мне следовало бы громко рассмеяться, когда я услышал эти слова. Он был гостем Торира и зарезал того в его собственном доме. Воспользоваться приглашением, приехать в гости, наслаждаться угощением хозяина, лицемерно говорить о мире и дружбе, а затем обнажить меч, заковать хозяина в оковы и отрубить ему голову. Мне такой образ действия кажется воистину королевским. Здесь, кстати, его намерения ничуть не лучше. Тот же самый случай, как и с Ториром. Какой-то злонамеренный человек нашептал ему на ухо, что люди здесь тайком продолжают почитать старых богов. И вот он уже здесь – с большой свитой, как благосклонный гость – сначала. Рождественские посещения особенно хорошо подходят для этой цели. Можно сидеть двенадцать ночей и объедать людей, пока они, в конце концов, не дадут себя облапошить. Но живущие здесь люди во все не глупы. Мне доставляет истинное удовольствие видеть, как они дурачат его, так что он день ото дня сияет все ярче и прямо-таки изливает доброту и радушие.

Кальв горько рассмеялся. Затем он продолжил говорить себе под нос, вполголоса, в переполняющей его злобе, которую больше нельзя было усмирить: – Но и

с Ториром все обстояло, в общем, похоже. Там тоже сияло солнце королевской милости, пока не случилось это дело с обручем...

- Что там случилось с обручем? – перебил его Финн. – Откуда оно взялось? Никто так никогда и не узнал об этом ничего определенного.

- Торир объяснял, что он унаследовал его от своего отца. Король, однако, утверждал, что на золоте якобы были вырезаны языческие знаки, и прибавил к этому обвинение, что Торир не верит в Белого Христа и отрицает его. Обладание таким обручем должно якобы свидетельствовать о связи с одним из старых богов. Глупости на глупостях. Скажи мне, понимаешь ли ты это, Финн? Никогда прежде не было еще на Севере обычая казнить людей за то, что они хотели или не хотели приносить жертвы тому или иному богу. Еще никогда не было такого шума из-за какого-то бога, как у нас теперь, и еще никто никогда не появлялся и не вел себя с такими дерзкими притязаниями, как этот Белый Христос. Разве это не личное дело любого человека верить так, как он хочет и может? Как король может настолько помешаться на этих глупостях? Ты это понимаешь?

В голосе Финна появился оправдывающий тон, когда он отвечал: – Я этого тоже не понимаю. Но я вижу, что король придает большое значение этому делу, и поэтому я думаю, что оно должно быть таким важным для него, и я это уважаю. Ты, Кальв, один из тех, кто верит в свою собственную власть и силу. У меня это по-другому. Я верю – вероятно, можно было бы выразить это так – во власть и силу короля. Я только человек из его свиты, не больше. Я живу ради него. И его вера должна быть моей верой, даже если я ничего в ней не понимаю. Но я хотел, чтобы ты тоже думал таким образом. Так как если кто-то начнет спрашивать, как ты, то его верность начинает колебаться. А тот, кто не сохраняет свою верность, у того земля начинает уходить из-под ног, и все, что он думает и делает, становится неясным и неуверенным. И мне было бы очень больно, если однажды дошло бы до того, что мы, братья, должны были бы стоять друг против друга. И поэтому мне не нравится и то, что ты крадешься за этим нищим. Кем бы он ни был, я не могу представить, что кто-то, кто так загадочно скрывается в темноте, замышляет что-то доброе. Он не может быть другом короля. И он укрепит тебя в твоих сомнениях и захочет сделать тебя своим орудием.

- Никто никогда не сможет сделать Кальва сына Арни своим орудием, уж ты-то должен был бы это знать. И тем более полуслепой нищий? Это было бы смешно, Финн. Кроме того, он не придет. Я думаю, что мы прождали уже достаточно долго. Пойдем лучше спать. Это самое лучшее, что может делать мужчина в эти времена. Спящий не попадет под подозрение.

Он снова засмеялся, зло и печально, и затем тяжелые шаги обоих мужчин удалились к двери. Скрипнул засов. Потом в конюшне снова воцарилась тишина.

Даг все это время простоял неподвижно, прижавшись к Сверте. Теперь он вышел из стойла.

- Эйвинд Болото? – сказал он себе под нос вопросительно. И тут же покачал головой. – Нет, кто-то больший.

Он как раз стоял под рождественской елью, чувствовал запах, исходящий от нее. Его ладонь нащупала золотое обручье на его руке. Он почувствовал, что у него теперь было достаточно мужества, чтобы решиться на заклинание. Он начал поворачивать обручье, и оно легко двигалось. – Приди! – тихо произнес Даг.

- Я здесь, – ответил голос. Совсем недалеко он говорил с ним из темноты. Это был голос, который он знал по той ночи в хижине; он снова звучал точно так, как звучал тогда, глубоко и сильно. Но теперь Дага все же охватила дрожь.

- Ты не должен бояться, – сказал голос, – это ведь не подобает тебе, Даг Светлоокий. Я хочу сказать тебе, что ты желаешь знать. Доказательство, которого требует твой король, можно легко добыть. Скажи ему, чтобы он приказал раскопать пол под лестницей в подвал на дворе управителя. Там он найдет рога и шкуры украденных животных, которые там спрятаны. Ты доволен?

- Я благодарю тебя, – говорил Даг.

- Я однажды обращусь к тебе, Даг, когда настанет время, и тогда ты тоже окажешь мне услугу. А теперь иди и приведи назад Кальва сына Арни. Ты еще найдешь его во дворе. Позови его сюда, а сам ложись спать!

Даг медленно ощупью нашел дорогу из конюшни. Снаружи пурга прекратилась. Можно было очень хорошо видеть, и оказалось не трудно найти Кальва сына Арни, который в одиночку стоял на дворе. Даг проскользнул мимо него. – Тот, кого вы ищете, ожидает вас в конюшне, – сказал он. Недалеко от дома он обернулся еще раз. Кальв исчез. А Даг пошел в свою комнату и лег спать.

VIII. Йон

Вечером следующего дня, после того, как Даг принес королю его кубок с вином перед сном, он остался стоять перед кроватью. – Теперь я могу дать вам ответ, господин, на вопрос, который вы задали мне вчера вечером, – сказал он.

Король поднял голову и взглянул на него. – Ты очень поторопился в этом деле, Даг. Говори!

Даг повторил то, что старик говорил ему.

Король смотрел задумчиво. – И откуда ты теперь знаешь, что это именно так?

- Я не хотел бы говорить об этом, – ответил Даг.

На этот раз король не стал больше настаивать, и Даг с поклоном покинул его.

Небо было ясным этим вечером. Поблизости от дома для ночлега Даг натолкнулся на Руну, финскую служанку. Она попыталась скрыться, но он, все же, узнал ее. – Иди спать! – сказал он ей мимоходом. Она не ответила и ускользнула беззвучно как кошка.

Даг увидел стоящего у угла амбаров мужчину, который что-то насвистывал себе под нос. Он услышал, как дребезжит его перевязь для ношения оружия. Даг подумал о красивом Рёгнвальде, о котором мужчины вчерашним вечером говорили, что он прокрадывается в хлев, чтобы встретиться там с красивой скотницей. Эти ночи, похоже, не очень способствуют сну, подумал он.

Утром, которое последовало за этой ночью, король приказал позвать к себе Сигурда и выспрашивал его о том, какой будет погода в течение следующих дней. Сигурд заявил с уверенностью, что будет ясно и холодно, а снегопадов на некоторое время больше не нужно ожидать. Тогда король удовлетворенно кивнул и отпустил его.

В этот же день после обеда Даг неторопливо шел по расчищенной в снегу тропинке к овчарне, которая стояла на краю выгонов. У пруда для гусей он столкнулся с Сигурдом, который старательно пробивал прорубь во льду пруда. Какой-то шум разносился над снегом, покрывшим широкие луга. Даг увидел группу всадников, скачущих рысью по дороге к лесу. Солнце, которое в этот момент еще только выглядывало из за холма, отражалось в металле их уздечек с набором и сверкало в облаках снега, поднятых копытами лошадей. – Люди короля, – произнес Даг себе под нос.

- Он спрашивал о погоде.

Сигурд ударил топором по льду. – Погода останется хорошей и сухой к их счастью. Как по мне, так они вполне могли бы оказаться погребенными пургой. Я хотел бы, чтобы мы освободились от них всех и вернули наше спокойствие. Он склонился над прорубью и внимательно вглядывался в глубину.

Тут за братьями послышалось тихое покашливание, и когда они оглянулись, то увидели, что к ним по снегу подошел молодой священник Йон. Сигурд покраснел, так как ему стало ясно, что чужак должен был услышать его негостеприимные слова. Но тот улыбнулся ему с искренним радушием.

- В этом вы совершенно правы, Сигурд, – сказал Йон, – за такое желание вас никак нельзя упрекнуть. Я на вашем месте тоже пожелал бы, чтобы все это всеобщее бедствие с гостями отправилось к черту.

- У него нет таких плохих намерений, – извинялся Даг за брата.

- Мои слова не были направлены против вас. Простите, – сказал Сигурд с некоторым усилием. Затем он снова склонился над водой.

- Что же он там делает? – спросил Йон, повернувшись к Дагу.

Даг пожал плечами. – Не знаю. Наверное, изучает какое-то странное явление.

- Я хочу знать, почему вода замерзает только у поверхности пруда, а не до самого его дна. Я хочу знать, как вообще происходит так, что вода замерзает, когда воздух становится холодным, – сказал Сигурд, не поднимая головы.

Йон покачал головой. – Мне никогда и в голову не приходило задумываться над такими вопросами. Вы здесь странные люди. Разве вы не могли бы принимать вещи такими, какими бог дал их вам? Или вы всегда должны спрашивать: почему? И как это происходит?

Сигурд поднял лицо. – Да, должны, – ответил он сердито.

Даг схватил Йона за руку и потащил его за собой.

Йон кивнул ему с улыбкой. – Ты прав, не надо нам больше мешать ему.

Они шагали по расчищенной дорожке. Через некоторое время Йон остановился и огляделся. Он рассматривал крыши двора, которые окружал синий дым очагов. – Какой двор! И дом, в котором мы спим, я никогда не видел такого.

Он задумался, как будто что-то вспоминая. – Или, все же, нет. Однажды в моем детстве – близ Рейна. Но это была церковь. Она тоже была прекрасно расписанной. Но вы же построили этот круглый дом не как церковь, это странно.

- Мы вообще его не строили. Он уже существовал, когда мой отец получил этот двор в свое владение. Человек, который жил здесь перед нами, убежал в Швецию, все пришло в запущенность и наполовину разрушилось. Мой отец принялся восстанавливать дома, а потом начал возводить еще и последующие. Круглый дом стоял заброшенным, как и другие, дыры были в крыше, совы поселились там. Мой отец поручил покрыть крышу заново. Но только три года назад мы начали готовить его к приезду короля.

- Почему тот человек убежал? – спросил Йон.

- Он был язычником и хотел им оставаться.

- Так я и думал. Был ли этот дом... – Йон запнулся.

- Да, это был храм. Святилище этого двора.

- Языческий храм. Мы спим в языческом храме, – пробормотал Йон.

- Но это больше не храм, – произнес Даг успокаивающим голосом.

- Но также и не церковь. Эти картины...

- Они же не языческие, Йон.

- Но и не христианские тоже.

- Вероятно, – согласился Даг. Они улыбнулись друг другу.

Вскоре они дошли до забора, который огораживал выгоны. Здесь расчищенная дорожка заканчивалась; они остановились. Йон поплотнее запахнулся в свою меховую шубу и рассматривал белоснежные просторы.

- Мне кажется чудом, что когда-то снова можно увидеть солнце, – произнес он.
– Что за холодная страна!

- И все же мы любим ее, – добавил Даг, смотря вверх на горы, которые, сверкая, возвышались на фоне ставшего золотистым неба.

- И вы действительно правы в этом, – согласился Йон. – Это страна серьезной красоты, красоты, которая требует широкого и большого сердца и мужественного ума, чтобы понять ее полностью. Ночью иногда на небе появляются большие огни, или небо над крышами вдруг становится красным, как от пожара. Но если оглядеться здесь днем, то об этом даже и не подумаешь.

- То, о чем ты говоришь, это северное сияние, – сказал Даг.

- Кажется так, будто бы эти огни хотели бы осветить что-то, что скрывается в зловещей ночи, – тихо продолжил Йон. – Но они слишком быстро исчезают, и нельзя понять, что это было, что они хотели возвестить. И с людьми здесь тоже что-то похожее. Также, – он запнулся, – также за ними стоят тайны, о которых можно догадываться, но нельзя их понять. За всеми, Даг. И за тобой тоже.

- Это никак нельзя изменить, Йон, – серьезно ответил Даг.

Йон положил свою ладонь на его руку. – Не думай, что я хочу что-то выведать у тебя. Я не принадлежу к тем, которые должны допытываться обо всем. Из-за слишком больших знаний голова становится тяжелой, как говорят у нас. Меня учили тому, что не знание, а вера спасает.

- Но что ты понимаешь под верой? – спросил Даг.

- Ты хочешь услышать слова, которым меня учили настоятели в монастыре, или мои собственные слова?

- Твои собственные, – сказал Даг.

- Смотри на вещи очень просто. Только так: не спрашивать, всегда соглашаться, верить. Главное – это вера, всегда нужно сохранять неограниченную, непоколебимую веру... Но это тяжело, Даг! – Йон вздохнул. – Иногда это кажется легким. Но потом опять...

Он замолчал и сжал губы.

Даг тоже молчал. Они сидели рядом на заборе и болтали ногами, чтобы согреться. – Это кажется таким легким, Даг, – начал Йон снова, – таким само собой разумеющимся, когда ты присутствуешь на чудесной мессе, окутанный ароматными облаками и пением, включенный в чудесный порядок святой церкви. И это так тяжело и непонятно, когда ты, оторванный от этого порядка, стоишь под серым северным небом, замерзая на холоде, одиночка, оказавшийся между темными силами, которые тайно и страшно поднимаются друг против друга, и о которых ты не знаешь, какая из них права. Тогда ты внезапно чувствуешь себя

так, как будто не существует совсем ничего, что могло бы помочь тебе, ни на небе, ни на земле, как будто ты совсем один, предоставленный только самому себе и своей собственной силе, которая ведь настолько мала.

- Ты говоришь почти как один из тех, кто верит в свою собственную власть и силу, – сказал Даг.

- Что это должно означать? Я уже слышал эти слова несколько раз, но не понял их значение.

- Люди, которые верят в свою собственную власть и силу, это те среди нас, которые считают себя совершенно самостоятельными. Они больше не могут верить в старых богов, но также не верят и в христианского бога, не ожидают помощи от неземных и подземных существ, полагаются только на себя самих и на то, чего они могут добиться своей собственной силой.

- И насколько же она слаба...

- Среди нас есть те, у которых очень большая сила. Им неплохо с этой верой.

- И ты тоже принадлежишь к ним? – быстро спросил Йон. Но он тут же прервался. – Прости! Я нарушил свое слово. Я не хотел спрашивать.

- Ничего, спрашивай. Нет, я больше не принадлежу к ним. Вероятно, я принадлежал к ним раньше, может быть. Но я, как и ты, узнал границы силы. В метели. Но затем кое-что произошло...

- Произошло?

- Мне приснился сон. С тех пор все изменилось.

- О, вы с вашими снами! – воскликнул Йон взволнованно. – Вы все видите сны – король, твой отец, ты... Я знал одного монаха, у того тоже были сны и откровения, и он говорил, что бог так говорит с ним. Они смотрели на него как на святого. Почему у меня никогда нет таких снов? Мне снится только всякая бесполезная чепуха. Почему бог не говорит со мной?

- Вероятно, ты не нуждаешься в нем? – заметил Даг.

- Нуждаюсь, очень нуждаюсь. О, как я нуждаюсь в нем!

Йон спрыгнул с забора. – Почему бог говорит к другим и оставляет меня в одиночестве? Даг, я лежал дни и ночи на полу моей кельи и с таким трудом пытал-

ся обрести истинную, полную и целостную веру. Он не услышал меня. Я просил его о каком-нибудь знаке, а он хранил молчание. Он оставил меня в одиночестве в разладе моего сердца и в бедствии моих сомнений. Чего же мне не хватает? Может быть, во мне слишком мало любви, чтобы я мог действительно верить?

- Я думаю, что любви в тебе больше, чем в любом другом человеке, которого я знаю, – убежденно произнес Даг.

- Ты ошибаешься! – воскликнул Йон. – У меня ее недостаточно, я это хорошо вижу. Когда я думаю о любви нашего Господа... Ну, его любовь была божественной и совсем другого вида, чем наша. Этого нельзя достичь. Но, тем не менее... Это должно было бы быть как огонь, который сжигает всю земную нечестность. Великий огонь, который способен полностью поглотить маленькое «Я». О, всегда «я», «я», «я». Везде и всюду, никогда нельзя от этого избавиться, в самое возвышенное мгновение все равно еще эта мелочная мысль о своем «я», тщеславие, страх, смешное желание лучших знаний. Однажды полностью отдать себя, полностью потерять себя. Разве не только вследствие этого можно было бы приобрести свое истинное «Я»?

- Потерять самого себя, – произнес себе под нос Даг. Он кивнул. – Да, это так.

- Дал ли это тебе твой сон? – торопливо спросил Йон.

- Да, он дал это мне.

В глазах Йона, смотревшего на Дага, вспыхнул огонек. – Где мне найти такой сон?

Даг испугался. Он с усилием отгонял мысль, которая неожиданно с такой силой посетила его. – Теперь ты тоже спрашиваешь? – только сказал он.

Йон потер лоб. – Да, теперь я тоже спрашиваю. Ты прав. Какой я все же слабый человек! Но у меня такое чувство, как будто бы здесь под этим небом все эти тайные вопросы должны были подняться из глубины сердца и громко прозвучать. Как будто бы ответ был скрыт где-то здесь.

Он, как будто изнуренный, прислонился лбом к доскам забора.

Даг посмотрел вниз на него. – Может быть, ты хотел поговорить с моим отцом? – спросил он нерешительно. – Многие люди приходят к нему со своими вопросами. Он знает больше меня и сможет дать тебе самый лучший совет.

Йон взглянул на него. – Я доверяю твоему отцу...

- Тогда пошли! – сказал Даг. – Пойдем к нему.

Он взял молодого священника за руку. При этом он почувствовал, как дрожало тело Йона. – Кроме того, солнце заходит, и скоро будет холодно. Ты и так уже мерзнешь. Пошли со мной!

Они вместе двинулись по направлению к домам, которые раскинулись на большой площади внизу перед ними. Впереди мерцало красным цветом зданий конюшни, за ним поднимались фронтоны с драконьими головами, темные на бледнеющем небе. – Посмотри, – сказал Йон на ходу, – и здесь то же самое: в виде постройки и в расположении этих домов кроется такая красота, красота, которая внушает доверие, так как она выросла естественным путем из надежного, прочного порядка. И, тем не менее, там есть эти драконьи головы, и они смотрят на меня так дико и злобно, что я снова начинаю бояться.

Даг тверже схватил руку друга. – Они отгоняют несчастья. Не нужно их бояться, – сказал он со своей ясной улыбкой. Йон посмотрел на него сбоку. – Это легко говорить, Даг.

Они нашли крестьянина в гостиной, согнувшимся над каким-то пергаментом. Он был один и любезно поприветствовал юношей.

Они подсели за стол к нему. Снаружи за окном постепенно догорал день, и свет огня в очаге становился все сильнее, пока они говорили.

Даг кратко объяснил желание Йона.

- Он должен задать тебе один вопрос, – сказал он отцу.

Крестьянин Рауд выжидающе рассматривал молодого священника. Но тот смущенно медлил.

- Вам может показаться странным, что я ищу совет, у вас, крестьянина. Вы, наверное, посмеетесь надо мной и спросите меня, почему я не пошел к епископу или к королю. Но дело в том, что я слишком хорошо знаю, что епископ ответил бы мне; это были бы те же самые слова, что и мои настоятели тоже говорили мне в монастыре. А король? Я люблю и уважаю его и отдал бы свою жизнь за него. Но я не смог бы поговорить с ним о моих сомнениях. Он со своей такой односторонней пристрастностью точно рассердился бы на меня. Но вам, людям из Эстердалена, я доверяю, вам, кто в каждой замерзшей луже должны пробить дыру, чтобы посмотреть, что скрывается там на глубине.

Рауд улыбнулся. – Пристрастность короля – это страсть борца, – затем осторожно сказал он. Он верит, что у него есть определенное поручение, и что он обязан сражаться, чтобы его выполнить. Он по своему характеру тоже ищущий человек. Но он думает, что обязан бороться со своим характером, что, преодолев самого себя, он должен стать слепцом, который с завязанными глазами служит своей вере. И поэтому он не видит, насколько он этим же сам усложняет себе свое дело. И я тоже думаю, что мы уже не можем вернуться обратно. Великое изменение мышления, которое пришло из Рима, через Страну Саксов, к нам, не может остановиться здесь перед норвежскими горами. И все же, это время очень тяжело для людей Севера. Это подобно тому, как если бы кто-то вдруг выгнал их из дома, из их надежного и привычного им дома, в котором они так долго жили. Теперь они, выставленные за дверь, стоят на улице, замерзая от холода. Вероятно, им открыли другую дверь и приказали им, чтобы они переселились в новый дом, но они не могут точно сказать, что внутри этого дома, и боятся непривычного. Вот так они и стоят нерешительно под пустым небом. Теперь нужно проложить для них путь, сделать новый дом для них таким уютным, чтобы они считали его старым. Это было бы единственной возможностью сделать так, чтобы они вошли в этот дом. Но гнев и слепое рвение плохо помогают этому.

Рауд, кажется, все больше погружался в свои мысли.

- В старые времена было так, что тот, кто нес благо и спасение народа, должен был погибнуть, если в сердце этого народа появился раздор, чтобы его кровь наполнила расселину, а его тело стало мостом. Как когда-то Гиннунгагап, пропавший Ничто, мировая бездна, заполнилась плотью и кровью великана Имира, из которого и был создан мир... Он тихо говорил себе под нос. Но внезапно он очнулся, его взгляд вернулся назад и заметил юношей, которые молча смотрели на него.

- Простите. Твой вопрос, священник Йон?

Йон глубоко вздохнул. – Как мне достичь истинной веры?

Теперь уже на лице Рауда появилась удивленная улыбка. – Это, пожалуй, странный вопрос из уст священника, заданный человеку, который даже не просто мирянин, но которого к тому же еще и подозревают в том, что он язычник. В любом случае лучше бы ты задал этот вопрос кому-то из своих церковных иерархов.

Йон вздохнул. – Я так и знал, что вы посмеетесь надо мной. Но я уже говорил: я задавал этот вопрос своим настоятелям, и их ответ не смог помочь мне.

- Что же они говорили?

- Молись и терпеливо жди милости бога. Она придет к тебе, если ты не отречешься. Но она так и не пришла. Бог молчал.

- Ты еще очень молод, и у тебя еще есть время, – сказал нерешительно крестьянин Рауд.

Йон резко вскинул голову.

- Но Даг тоже молод, – вспыльчиво сказал он, – и, тем не менее...

С удивлением отец взглянул на своего сына. – Даг узнал милость бога?

- Он видел сон.

Светлое лицо Дага покраснело. Рауд медленно отвел взгляд от него. – Ты знаешь его сон, Йон? Я его не знаю.

- Я думал, – бормотал Йон. – Я не хотел... Мне он его тоже не рассказывал.

- Если вы хотите услышать его, то я могу вам его рассказать, – сказал Даг.

Рауд придирчиво посмотрел на сына. – А стоит ли он рассказа, Даг? И – можно ли о нем рассказывать?

- Я думаю, что да, отец.

Даг опустил голову и негромко начал рассказывать: – Мне снилось, как будто бы я погрузился в глубины холма, который поднимался одиноко на большом пустынном поле. И когда я после долгого падения оказался на дне холма, я стоял в высоком зале, который освещал чудесный, тайный свет. И я увидел трех сильных женщин, которые сидели в углах зала, каждая в своем углу, и пряли на золотых прялках золотые нити. Но наряденные они бросали друг другу, так что их пряжа подобно золотой сети наполняла зал.

И когда я присмотрелся, то заметил, что нити сами переплетались самым искусным образом и становились огромной тканью. И я слышал музыку, которую я никогда прежде не слышал. Сначала я подумал, что это женщины поют, но потом заметил, что пели те же самые золотые нити, они тихо звенели, каждая по-своему. Но так как нити переплетались самыми разными способами, то из их песен получалась невообразимая и великолепная совокупность тысяч голосов, и, тем не менее, это было как великое созвучие, полное сладости и силы. И ко-

гда я посмотрел наверх, то увидел, что эта золотая пряжа поднималась высоко надо мной и дотягивалась своими концами до звезд. Там наверху, далеко надо мной, звезды были как блестящие глаза, и когда я посмотрел на них, они начали медленно и торжественно кружиться в хороводе, и я услышал, что они тоже пели. Как похожие на золотые нити лучи стекали со звезд вниз и снова поднимались к ним, так и музыка тоже текла вниз с них и поднималась к ним. И все это вращалось, кружилось, парило, двигалось и пело. Меня тоже захватили все эти колебания и звуки, я стал их частью, точно так, как будто бы я сам был золотой нитью и поющим голосом в этом великом созвучии, одной нитью в этой мировой сети, связанной со всем, соединенной, сплетенной, продолжавшей ткаться, изменяющейся, и, тем не менее, постоянной, творящей и сотворенной, ах, это неопишимо. Нельзя это объяснить и выразить словами. Это нужно почувствовать, вот это: стоять так полностью в кружащемся хороводе и знать, что ты принадлежишь к этому – ко всему, что ты сам – всё и, все же, не что иное как наряденная нить в великой сети бытия. Выдумать или высказать такое невозможно...

Даг замолчал. Оба других тоже сидели неподвижно.

Тогда, наконец, Рауд заговорил. – Это был хороший сон, Даг, – сказал он торжественным тоном.

Глаза Йона пылали как в жару. – Где же тебе приснился этот сон?

- В той горной хижине, в которой я увидел тебя впервые, Святой ночью...

- И больше ничего не происходило – что-то еще?

- Что-то еще? Об этом нельзя говорить, Йон.

Крестьянин Рауд наклонился вперед и взял Йона за руку. – Молодой господин священник, – сказал он с доброй серьезностью, – позволь мне быть честным с тобой. То, что ты ищешь, я не могу дать тебе. Чтобы подарить тебе такой сон, требуется нечто большее, чем новая постель на новом месте. Позволь мне тебя предостеречь: Следуй совету твоих иерархов и терпеливо жди милости бога, чтобы достичь того, что ты желаешь, потому что для того, чтобы достичь этого волей и знанием, необходимо очень большое мужество.

- Вы думаете, что я труслив?

- Нет, я так не думаю. Но это должно быть такое мужество, которое не испугалось бы падения в совершенно неизвестную тьму, падения, которое могло бы означать жизнь или смерть.

Йон встал. – И пусть это даже будет смерть, – твердо сказал он.

Крестьянин тоже поднялся. – Пока еще святое время, – тихо сказал он, – еще продолжаются двенадцать ночей чуда, и двери в скрытый, тайный мир открыты. Возможно, ты найдешь вход, возможно, ты встретишь того, кто сможет проводить тебя в гору. У меня нет возможности что-то сделать для этого.

Когда Даг и Йон позже вошли в зал, чтобы пойти к вечерней трапезе, старый нищий, который обычно сидел в углу, стоял рядом с дверью. Когда юноши приблизились к нему, он поднялся. Впервые с той ночи в хижине Даг вновь увидел его таким, каким он был тогда: большим, прямым и внушающим уважение, край шляпы отвернут назад, так что покоряющий блеск его единственного глаза встретил его и Йона. Но это продлилось только на протяжении одного вдоха. Затем фигура снова осела, и старик отвернулся.

Юноши пошли дальше. Но в середине зала Йон остановился и схватил Дага за руку. Даг почувствовал его дрожь. – Что это было? – спросил шепчущий голос Йона рядом с ним. – Почему он так посмотрел на меня? Чего он хочет от нас? Он другой, не такой, как тот в хижине. Кто он?

- Это тот человек, который дал мне мой сон, – ответил Даг.

Затем они молча направились к своим местам.

IX. Восьмой день Рождества

На седьмой день рождественских праздников мужчины, которых отослал король, вернулись. Они везли с собой туго набитые мешки, и спрыгнули с лошадей во дворе со смехом, потому что их путешествие верхом было хорошим. Их предводитель немедленно спросил об окольном Бьёрне, и после того, как он поговорил с ним, можно было увидеть, как окольный спешно пошел к главному зданию. Король сидел в гостиной в обществе своего писаря и епископа, занимаясь бумагами.

Окольный тотчас снова вышел из гостиной и позвал предводителя всадников. Тот пришел с еще одним воином, и они притащили с собой большой мешок. Но окольный что-то приказал одному из стражников, стоявших у дверей, и затем

люди короля побежали по двору и всюду спрашивали, не видел ли кто Бьёрна, управителя. Также «гости» короля присоединились к поиску. Но управителя нигде нельзя было найти.

Некоторые из королевских дружинников уже привязали себе снегоступы к ногам и поднимались в горы, чтобы отыскать там его следы, хотя уже начинались ранние сумерки. Даг смотрел вслед им и качал головой. Затем он снова оглянулся во двор. Когда он обходил угол амбара, он заметил перед собой две фигуры, которые, кажется, боролись друг с другом. Он узнал Сигвата, королевского скальда, который держал за запястья девушку, а она, хихикая, пыталась вырваться от него. – Стой спокойно, троллиха, и выкладывай, – приказывал ей скальд. – Ты кое-что знаешь, я это вижу по твоим лживым глазам ведьмы. Говори, или ты увидишь, что будет!

- А что господин даст мне, если я скажу? – спросила в ответ девушка с глухим смехом. Это была Руна, финская служанка. Ее рыжие волосы сверкали в сумерках.

- Поцелуй, не больше и не меньше.

- Слишком мало, господин, слишком мало. Мое слово стоит больше.

Сигват наклонил черную голову к ее уху и что-то быстро прошептал. Руна внимательно слушала, склонив лицо в сторону. Затем она тихо рассмеялась и внезапно ловко вырвалась от него, молниеносно повернувшись.

- Идите за мной – закричала она и проворно побежала к голубятне, которая находилась в углу двора. Там она показала вверх. – Ищите там! Она просто корчилась от смеха. – Мне пришлось держать ему лестницу. Он наобещал мне всякого и сказал, что я должна молчать. Но ваши обещания лучше. Стащите его вниз! Я боюсь, у него не будет мягкой постели там наверху.

Даг принес лестницу. Подошли несколько стражников. Они залезли наверх и вытащили управителя Бьёрна из его убежища, в котором встревоженные голуби подняли дикий шум. Со смехом воины стянули его, головой вперед, вниз по лестнице. Его одежда была запачкана голубиным пометом, и он извергал злобные проклятия всему миру.

Вооруженные дружинники не скупались на насмешки и таскали Бьёрна по двору, в то время как люди сбегались отовсюду, и громкий смех следовал за управителем, пока он не исчез в покоях короля.

Вслед за тем король приказал позвать к нему крестьянина Рауда и его сыновей.

Когда они вошли, то увидели короля, стоящего рядом с горящим очагом. К стене прислонился управитель Бьёрн, бледный и грязный, у его ног громоздилась куча костей и шкурок животных.

Король подошел к входящим. – Я должен просить у вас прощения, – просто сказал он, – потому что этот злодей ложно обвинил вас, и, пока я не узнал вас, я верил его словам.

Король повернулся к Дагу: – Я благодарю тебя, что ты помог мне в раскрытии этого дела. Мы будем судить вора по закону, когда пройдет святое время, и он должен получить свое заслуженное наказание. Ты сможешь предоставить моим людям надежное помещение, Рауд, в котором он будет пребывать под хорошей охраной, пока праздники не закончатся?

- Я исполню твое желание, король, – ответил крестьянин. – У нас здесь есть хорошие засовы, он не убежит.

- Я полагал, что назначил надежного управителя в Эстердален, так как его посоветовали моей супруге как земляка ее рода, – сказал король. – Я был разочарован. Ничто не кажется мне более жалким, чем вор и неверный слуга! Уведите его и хорошо охраняйте!

Стражники схватили управителя. Но тот сопротивлялся. – Господин король, – шептал он хрипло, подумайте о моих словах! Первое было ложью, но второе – чистая правда. Вы еще будете благодарны тому, кого вы осуждаете сегодня.

- Уведите его! – повторил король, топнув ногой.

- Подумайте, подумайте об этом! – пыхтел управитель, пока его тянули к двери. – Второе они не смогут отвести от себя, сыновья троллей, колдуны и слуги дьявола...

Его ворчание затихло под кулаками стражников, и дверь закрылась за ним.

Король повернулся к крестьянину Рауду. – Никогда отныне злая клевета не встанет между мной и моими родственниками, – сказал он.

Этой ночью разные шаги хрустели по снегу во дворе, и к утру зазвучали удары молотков. Но когда пришло время, когда в домах обычно звали на мессу, странный звон вдруг зазвучал над крышами двора и проник в покои спящих, так что они вскочили в полном удивлении. Скоро во дворе сбежалось множество людей,

работники, слуги и служанки, стражники, а также люди из свиты короля со смехом выходили из круглого дома для ночлега. В свете факелов все увидели, что в голой кроне дерева перед главным зданием висит что-то, что, двигаясь туда-сюда, в отблеске красного света приветливо блестело и к тому же посылало звонкий, чистый и металлический звук. Но под этим поющим предметом стоял один из молодых спутников епископа и непрерывно дергал за веревку.

Король тоже вышел из круглого дома, где он спал, и в сопровождении своих друзей он шагал через толпу, которая расходилась перед ним, к маленькому дощатому домику, который представлял церковь.

Но когда он снова покинул его, после закончившейся мессы, крестьянин Рауд стоял у двери, ожидая его. Глаза короля весело взглянули на блестящий поющий предмет на дереве, который снова посылал свои звонкие звуки в воздух. – Что ты об этом скажешь, Рауд?

Крестьянин Рауд улыбнулся. – Я не могу объяснить это чудо, король.

- Его пока закрепили там на дереве. Когда ты соорудишь балку для колокола, он будет звать оттуда сверху. Он сможет стать вашим верным спутником и поднимать свой голос во всех серьезных и радостных случаях. Как ты знаешь, Рауд, сегодня восьмой день Рождества, день, в который король обычно одаривает своих друзей.

- Я благодарю тебя, король. Но я все еще не отошел от удивления, и теперь уже я не могу понять, как это удалось сделать – без колдовства.

Король сердечно рассмеялся, пока они шли рядом. – Это удалось сделать не с помощью волшебства, но, к сожалению, все-таки с помощью грабежа. Этот колокол, собственно, не был отлит для тебя, Рауд, и, если по закону, то меня самого, пожалуй, следовало бы посадить к вору Бьёрну. Я приказал похитить этот маленький колокол у монахов в Хамаре. У них несколько колоколов, и скоро они получат от меня другой колокол взамен этого. Но они к тому же добровольно отдали этот маленький колокол, как мне сообщили. Пусть он сослужит тебе добрую службу, Рауд. Он должен всем жителям этого двора напоминать о благочестии, и если в каком-то далеком углу еще скрывается мрачный маленький остаток язычества, то пусть звон этого колокола изгонит его прочь, так как говорят, что для старых демонов пение колоколов – это ужас.

Крестьянин Рауд улыбнулся, ничего не ответив, и затем они пошли к утренней трапезе.

Когда день уже был в разгаре, король приказал позвать к себе сыновей Рауда. Они нашли его, окруженного ближайшими друзьями, которые с довольными лицами стояли полукругом вокруг него, рассматривая разные ценности, кинжалы, кольца и украшения, которые король только что подарил им, согласно обычаю этого дня. Теперь он подозвал жестом Сигурда. Он протянул ему книгу в драгоценном переплете из цветной кожи.

- Вот смотри! – сказал король, – здесь есть кое-что для ученого и друга земных и небесных чудес. В этой книге записаны слова таких греческих и римских язычников, которых разрешила и допустила церковь, и в ней рассказывается о всяческих странностях движения природы, о людях и животных дальних стран. Книга эта написана на латинском языке, записана она одним монахом из Страны Саксов, который сам еще был учеником тех больших ученых, которых Карл Великий когда-то собрал вокруг себя в Аахене. Если ты не знаешь латыни, то один из священников, конечно, поможет тебе.

- Мой отец немного понимает этот язык, и он научит ему меня, – ответил Сигурд, покраснев от радости. Он поблагодарил короля еще сердечнее, чем обычно, и впервые за все эти дни его глаза приветливо смотрели на нежеланного гостя. Король, похоже, заметил это и довольно улыбнулся.

Затем он знаком подозвал к себе Дага, в то время как Сигурд со своим сокровищем отходил в сторону. – Тебе, Даг, – сказал он с большой серьезностью, – кому я так сильно обязан, также подобает достойный дар.

Он взял меч, который слуга подал ему. – Возьми это от меня на память, Даг Светлоокый. Владей этим мечом к чести и пользе как твоего короля, так и твоей то же.

Мужчины вокруг все молчали и рассматривали Дага. Он смотрел на меч, который король передал ему. Он заметил, как великолепно он был сделан, как сверкало золото, которое обвивало рукоять. Теперь король наполовину вытянул клинок из ножен. Стала видна извилистая линия, которая вилась по блестящей стали и наверху заканчивалась драконьей головой. – Орм, Змей, называется этот меч, как когда-то назывался знаменитый большой корабль короля Олава Трюггвасона, и из сокровищницы Олава Трюггвасона происходит также это оружие. Этот король отнял его у языческого колдуна, которого он победил с помощью Христа.

Дагу показалось, как будто бы сам меч смотрит на него. От его стали и золота исходил скрытый блеск, который, кажется, со странным и страшным холодом проникал Дагу прямо в сердце. Он чувствовал, как этот холод пронесся по все-

му его телу и заставил всю кровь отлить от лица. Его губы двигались, но прошло несколько мгновений, прежде чем он смог заговорить.

- Я прошу вас, господин король, не давайте его мне, я не могу принять этот дар.

С напряжением он добавил: – Я вообще не заслуживаю его, и беда легко могла бы возникнуть из вашей щедрости.

- Твоя скромность делает тебе честь, – сердечно ответил король. – Те, кто стоят здесь в кругу, не были бы так нерешительны, и поэтому они удивляются тебе. Но я знаю твою гордость и твой благородный нрав. Но сейчас, тем не менее, ты должен преодолеть себя и принять дар короля, я хочу этого, Даг.

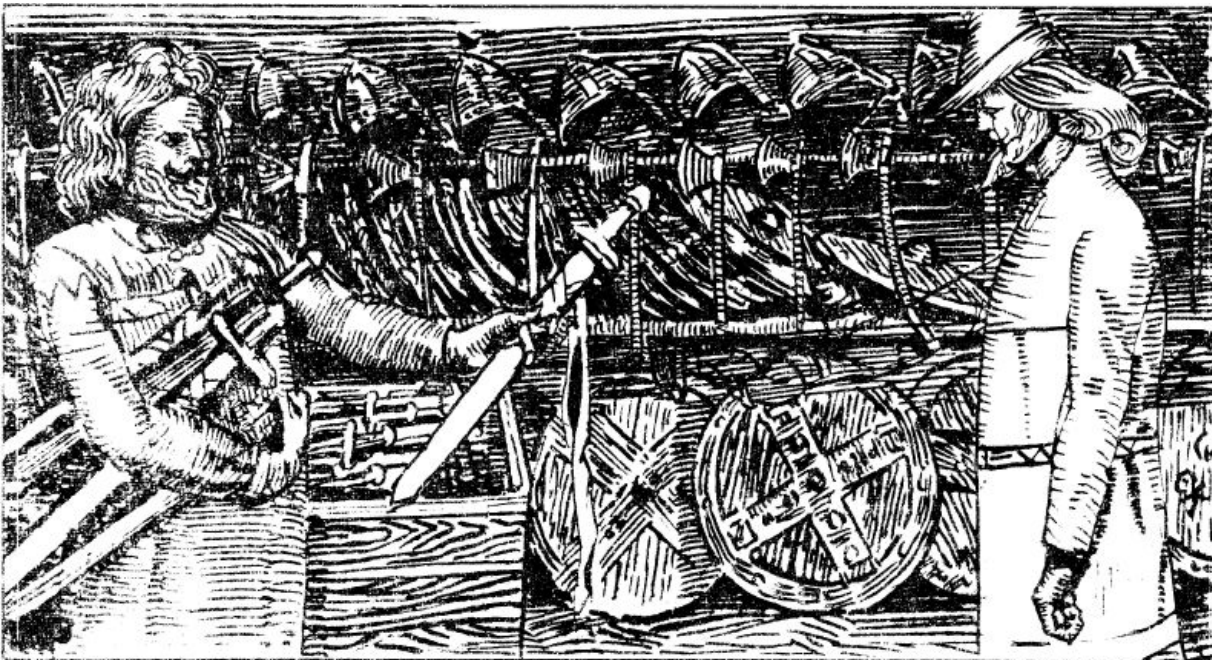
Даг знал, что он не мог отвергнуть этот подарок. Он взял рукоять меча, которая лежала прохладно в его руке. – Я благодарю вас, господин король, – сказал он.

Он вышел из дома. Некоторые из товарищей короля сопровождали его.

Сигват косым взглядом смотрел на меч в руке Дага. – Большой подарок! – сказал он. – Как немного поступков и короткое знакомство часто требуется, чтобы завоевать любовь короля!

- Ну, ты не должен косо на это смотреть, Сигват, – воскликнул другой. – Тебе ведь в прошлом году тоже улыбнулось счастье. Ты носишь у себя на боку знак королевского расположения.

Сигват схватил свой собственный меч и наполовину вытащил его из ножен. Меч его был хорошо изготовлен и украшен золотом, но по красоте он не мог сравниться с мечом Ормом.

Скальд Сигват получает в подарок меч от короля Олава II (картина норвежского художника Кристиана Крога)

Они еще стояли рядом друг с другом на дворовой площади, сравнивая мечи и любясь ими. Но тут к ним приблизился, прихрамывая, согнувшийся и опирающийся на посох старый нищий, которого обычно можно было увидеть только в углу зала. Подойдя, он встал между мужчинами и склонился над мечом. Затем он поднял лицо к Дагу. Даг увидел, как один его глаз сверкает от радости. – Хорошо, хорошо, слишком хорошо – королевский дар! – пробормотал старик. Тогда он запахнул свой плащ вокруг себя и хотел улизнуть.

Но один из мужчин похлопал его по плечу. – Не завидуй, старик, – поддразнивал он. – Ты тоже получишь свою награду, которую король пообещал тебе тогда в горной хижине. У короля хорошая память. И сегодня, как мы видим, он щедр.

- Да, это правда, – крикнул простодушный Хрейдар, подходя поближе. – С тех пор он все еще не получил свое вознаграждение, бедняга. А ведь он так хорошо говорил и рассказал историю о смерти Олава Трюггвасона так, как будто бы он сам там был. Пойдем, старик, я хочу дать тебе золотую пряжку, которую я только что получил, если ты мне еще раз расскажешь такую сагу. Эти праздничные дни такие скучные. Сигват отмалчивается и больше не знает ни одной драпы. И никто не рассказывает хорошую историю. А нас здесь есть сказитель, знаток саг, и он сидит забытый в углу. Пойдем, ты должен получить мою пряжку, даже если она очень ценна и для меня тоже, потому что мне дал ее король.

Он пытался удержать старика. Но тот освободился от него. – Мне не нужно никакое золото, у меня его достаточно, – бормотал он.

Мужчины засмеялись, засмеялся и Хрейдар, который усердно бежал за стариком. – Ну, только не надо быть таким гордым, – кричал он. – Я не шучу, ты можешь поверить мне, хорошая сага стоит золотой пряжки.

Оба быстро удалились. Тем не менее, Даг услышал ответ старика: – Найди меня однажды ночью, тогда я расскажу тебе такую сагу, которую ты еще никогда до сих пор не слышал во всей твоей жизни.

Он смотрел им вслед и заметил, что и Сигват с напряженным выражением лица делал то же самое, так, как будто бы его захватила какая-то мысль, о которой он не знал, должен ли он принять ее или же отвергнуть.

В это же время Йон приблизился через двор и поспешил навстречу Дагу. – Вся округа только и говорит о твоём счастье, – сказал он, – разреши мне посмотреть!

Но когда Йон склонился над мечом, Дага вдруг пронзила такая резкая боль, что ему пришлось прижать руку к сердцу. – Все же, позволь взглянуть, – повторил Йон. – Я мало что понимаю в мечах, но мне кажется, что он действительно чрезвычайно красив. Эти языческие дети здесь бормочут о том, что это волшебный меч, и что на нем лежит проклятие.

Даг отвернулся, не говоря ни слова. А когда он уходил, то еще услышал слова, которые обронил за его спиной Кальв сын Арни с низким смехом: – Во всяком случае, я считаю удачей, что король подарил этот меч не мне. Но я думаю, что он все же был слишком умен для этого...

Вечером в зале снова был пир горой, и царило большое веселье. Рауд и его сыновья должны были сесть напротив короля. Олав был беззаботен и весел. – Сегодня один из моих людей сказал мне – и я думаю, что он был прав – что нам в это время праздников не хватает только одного: слова певца. Сигват, как насчет тебя, ведь ты обычно так радуешь нас стихами? Почему ты молчишь с тех пор, как мы здесь? Ни одной новой висы не сказал ты нам.

Сигват вздохнул. – Прости меня, король! Я сам удивлен этим и уже сам себя не узнаю. Может быть, я старею, и мысли, и стихи начинают усыхать в моей голове.

Король смеялся. – Ты постарел, Сигват? Попробуй убедить в этом кого-нибудь другого! Тебе надо было сначала высыпать миску муки себе на волосы, чтобы мы могли в это поверить. Мне скорее кажется, что ты обленился, мой дорогой. Я знаю тебя лучше, чем ты себя. Лень – самый первый из твоих пороков, от которого ты защищаешься не так смело, как подобало бы нам, как христианам. Время от времени лень одолевает тебя. Я вспоминаю о нескольких таких временах молчания у тебя, но все же ни одно из них не длилось так долго, как сейчас.

– Это не лень, король, – серьезно сказал Сигват, – не называй это так, потому что это что-то другое. Называй это неохотой, отсутствием желания, отвращением, пресыщением, усталостью от слов. Иногда это чувство одолевает меня, да, правда. Тогда я больше не могу сочинить ни одной строки. Все творчество скальдов кажется мне тогда таким безвкусным, серым, просто бессмысленной трескотней, пустым звуком. Так звучит пустая голова глупца, если постучать по ней – лишь слабый звон бубенчиков, который затихает, не оставляя отзвука. Он снова вздохнул. – Тогда мне это больше не нравится, король. Мои глаза, которые обычно затуманены, становятся видящими в такие времена, и я осознаю, насколько ничтожно все это наскоро собранное искусственное скопление слов. Пустая, полумертвая форма снова и снова уныло и кое-как набивается вечно одним и тем же содержанием.

Король с улыбкой поднял палец. – Не продолжай, Сигват. А то ты еще договоришься до того, что и песни, которые ты сочинял обо мне, тоже были всего лишь пустой болтовней.

В темных глазах певца вспыхнул огонь. – А разве они были чем-то большим? Разве все эти хвалебные песни не похожи друг на друга как одно яйцо на другое? Разве ты, король, не заслужил чего-то лучшего, чем те глупые слова, которые так же могли бы относиться и к любому другому? Разве любой болван, если только ему хорошенько вобьют в голову правила, за пару золотых колец не соединит те же слова? Разве какое-то чувство, вроде того, которое я ношу в себе к тебе, не должно было бы породить совсем другое, более сильное звучание, создать такие висы, которые заставили бы умолкнуть пение птиц и даже успокаивали море, как рассказывают такое о песнях Хоранда, дана. Я хотел бы знать, не было ли иным и лучшим то, что сочиняли певцы древнейших времен. Почему мы так обеднели? Что же это такое, чего нам недостает? Разве, по сути, мы сами, как и наши песни, уже не больше, чем лишь призрачные тени, которые парят в пустоте, оторванные от почвы и корней, которые могли бы придать силу и глубину нашей песне?

Король сердито покачал головой. – Что это за речи, Сигват? Разве у нас нет почвы, на которой мы стоим, такой почвы, из-за которой нам могли бы завидо-

вать все древние времена? Разве не только мы, сегодняшние, впервые пришли к истинной почве и настоящим корням всей силы?

Сигват недовольно пожал плечами. – Я попробовал взять припев моей большой хвалебной песни не из истории Сигурда, убийцы дракона, как я замыслил это сначала, а из истории страданий нашего Господа Иисуса Христа. Но как раз величие и святость этого материала еще ужаснее показала мне пустоту моих слов.

Внезапно он поднялся. – Я гневаюсь на самого себя, господин, и я не могу это изменить, позволь мне уйти!

- Куда, Сигват?

- Возможно, заключить мир с самим собой... Или также заглушить голос пресыщения во мне какой-то шутовской проделкой? Я этого не знаю. Лучше всего я ушел бы куда-нибудь далеко. Нет, не для того, чтобы оставить тебя, господин, а только для того, чтобы вернуться к тебе уже лучшим и совершенным поэтом. Может быть, я однажды приду к тебе, чтобы попросить у тебя отпуск для большого путешествия. Более теплое и более синее небо нужно мне – мир и простор. Рим, я хотел бы увидеть местопребывание его святейшества Папы...

- Зачем же ехать так далеко, Сигват? – спросил король, играя со своим рогом для питья. – А Англия тебе в этом не поможет?

Сигват вспылел. – Насколько, все же, ревнивы короли! Песня, которую я сочинил когда-то для короля Кнута, была еще намного пошлее, чем все то, что я сочинил для тебя. Ты знаешь, что я сегодня больше и ногой не ступлю на землю Кнута, даже если он пришлет мне целые возы золота, и что я отказываюсь от всех предложений, которые он передает мне.

- Я это знаю, – сказал король успокаивающим тоном. – Я знаю твою верную дружбу, Сигват, будь спокоен. И в знак того, что я высоко ценю ее: весной попроси у меня отпуск для путешествия в Рим, и я не откажу тебе. А теперь иди туда, куда тебя влечет, и молчи столько, сколько продлится твое отвращение.

Сигват прошел через зал к выходу. У двери он остановился и обернулся в сторону, как будто бы он там что-то искал. Но потом он быстро вышел на снег.

Х. Сигват

На следующий день король снова отправил нескольких гонцов. Они взяли с собой документы, которые он к тому времени подготовил, касающиеся всяческих дел управления страной. У них был приказ посетить королевских наместников и лендрманнов и доставить известия королю, так как тот собирался провести еще некоторое время в уединенности Эстердалена. Короткие дни и долгие вечера проходили там почти без забот в хороших беседах, с выпивкой, смехом, музыкой и всяческими развлечениями. Настроение короля улучшалось с каждым днем. Ему казалось, что он уже давно не чувствовал себя так хорошо, как здесь в этом маленьком, закрытом мире, обустроенном Раудом с такой большой сообразительностью. И этот мир, где царили красота, мера и задумчивость, давали замученной заботами душе короля то спокойствие, которого он не знал уже много месяцев. Он радостно предавался этому успокоению, изгнав прочь от себя все недоверие. И его товарищи и свита тоже были веселы и наслаждались жизнью. Но о том, что по ночам вокруг бродили тени, и время от времени тут и там слышался тайный шепот, знали только немногие, и сну короля это пока еще не мешало.

Внезапно, однако, беззаботная радость короля улетучилась в тот день, когда вернулись его гонцы. С привезенными ими вестями вернулось также беспокойство. Хотя на дворе не узнали ничего точного о том, что именно они привезли, но люди заметили, что епископ отправился к королю, что он там долго совещался с королем и окольным Бьёрном, и что также Финн, Сигват и крестьянин Рауд участвовали в этой беседе. Перешептывались о том, будто бы королю доставили новые сведения о том, что самые влиятельные и знатные люди Норвегии изменили делу короля. И вечером уже стало известно, что Эйнар Брюхотряс, самый могущественный среди ленников короля, еще осенью тайком сбежал в Англию. Весть об этом дошла до короля только теперь, так как ее от него злонамеренно утаивали. Эйнар якобы говорил, что весной вернется домой, но не без сопровождения, так рассказывали, и добавляли, что мореплаватели, посещавшие Англию, сообщали о большой подготовке, которая осуществляется там, чтобы весной со всей военной мощью вторгнуться в Норвегию.

Вечером этого дня король с мрачным лицом сидел в зале, и за столом было вовсе не так весело, как в прошлые вечера. Король молчал, и поэтому люди из его свиты тоже не решались ни на какие громкие шутки, и общее угнетенное состояние воцарилось среди сотрапезников.

И тогда случилось так, что после закончившейся трапезы Сигват, подойдя к престолу, заговорил громким голосом и объявил о своей готовности исполнить песню, если присутствующие хотят послушать его. Собравшиеся с облегчением

вздохнули, и раздались громкие возгласы одобрения. Также король поднял глаза и улыбнулся. – Это хорошо, Сигват! Твоя усталость от слов закончилась?

Сигват немного поднял голову, так, как будто бы он прислушивался. В его темных глазах блеснул яркий свет, когда он ответил: – Она закончилась, король.

- Новая песня, Сигват?

Сигват опустил голову. – Новая песня? Вероятно, нет, лучше было бы, если я...,- он запнулся и, кажется, о чем-то задумался. – Позволь мне лучше прочесть одну из старых вис, которую я когда-то сочинил для тебя, – сказал он потом, – я думаю, что ее можно было бы хорошо послушать еще и сегодня.

Король кивнул, и Сигват уселся на ступеньки престола, как он обычно поступал. Он своим красивым, звучным голосом начал читать стихи, которые он когда-то читал, прежде чем отправился в путешествие в восточные земли:

«Олав князь, счастливо
Оставаться! В этих
Стенах вновь предстану,
Герой, пред тобою...»

Когда король узнал эти слова, он наклонился к епископу и тихо сказал: – Он уже видит себя на пути в Рим, как я думаю, потому что он уже исполняет прощальную песню. Мы должны его отпустить – здесь его больше не удержать. Ну, кто знает? Некоторые скоро были бы рады уехать очень далеко от меня, и Сигват...

Он не закончил, вздохнул и откинулся назад на спинку своего престола.

Сигват продолжал говорить. Он читал свои висы о путешествии на Восток, те стихи, в которых описывалась его поездка в Швецию и его сватовство там к Астрид, которая ныне была супругой короля.

Но в то время как он говорил, звук его голоса постепенно как-то странно менялся, становился ниже и тише и приобретал певучесть. Неоднократно он останавливался, так, как будто бы он больше не находил слов, кажется, задумывался, прислушивался к чему-то, и затем начинал говорить снова. Даг, который с удивлением смотрел на Сигвата, видел, что выражение его лица изменялось все больше и больше, казалось, как будто бы из-под его знакомых черт все более отчетливо выступало на поверхность какое-то чужое, гораздо более жесткое и более дикое лицо. И затем – внезапно – Сигват прервался на полуслове. Он

резко поднял голову, как будто бы кто-то позвал его. И когда он после этого продолжил – теперь уже тихим, как будто шепчущим голосом – тогда все, кто сидел в зале, услышали, что он вдруг начал читать другую вису, которая была совсем чужой, неизвестной, даже язык в ней изменился, приобретя старинный вид:

«Внимайте мне все
священные роды,
великие с малыми
Хеймдалля дети!
Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню...»

Что это было? Песня, которую исполнял Сигват сейчас, уже не имела ничего общего с его обычной манерой, да и с художественной формой поэзии скальдов вообще. В ней больше не было ничего от ума Сигвата с его сухими насмешками, от его игривой шутки, от его умения показывать простые и современные вещи в веселом свете. Здесь же зазвучала глубокая серьезность, увлеченная отрешенность, которая отражалась на его лице. Даг чувствовал, как сильно билось его сердце, когда скальд теперь продолжил, и его голос сразу снова усилился, так что глухой звук наполнил зал подобно низкому дрожанию струн какого-то музыкального инструмента:

«Солнце, друг месяца,
правую руку
до края небес
простирало с юга;
солнце не ведало,
где его дом,
звезды не ведали,
где им сиять,
месяц не ведал
мощи своей.

Тогда сели боги
на троны могущества
и совещаться
стали священные,
ночь назвали
и отпрыскам ночи -

вечеру, утру
и дня середине -
прозвище дали,
чтоб время исчислить».

Епископ, услышав это, вопросительно нагнулся вперед. – Виса древнейших времен, – произнес король вполголоса. – Хотел бы я знать, что это вселилось в Сигвата? Обычно он всегда насмеялся над такими вещами. Да разве поймешь этих глупых поэтов!

- Не нужно ли...? – начал епископ.

Но король отмахнулся. – Оставь его! Ты же видишь, люди с удовольствием слушают его.

«Встретились асы
на Идавёлль-поле,
капища стали
высокие строить,
сил не жалели,
ковали сокровища,
создали клещи,
орудья готовили.

На лугу, веселясь,
в тавлеи играли,
все у них было
только из золота, -
пока не явились
три великанши,
могучие девы
из Ётунхейма».

Зал молчал, затаив дыхание. Никто из мужчин не двигался. Все удивленно смотрели на Сигвата, который сидел на своей ступеньке и говорил, бросая слова в пространство, не смотря ни на кого из людей. Говорил? Не превратилась ли его речь скорее уже в пение, в то странное пение, которое никто из них никогда не слышал, всегда только несколько тонов в диком, хватающем за сердце однообразии.

«Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,

древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под древом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди,-
резали руны,-
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят».

Норны (картина немецкого художника Йоханнеса Гертса)

Даг глубоко дышал. Торжественное возбуждение переполняло его. Ему показалось, будто бы он видел, как в углу помещения вырастает большая тень, под-

нимаясь до стропил, заполняя собою всё – но из ее темноты вырвался ошеломляющий блеск светящегося глаза, в отблеске которого пламя огня вспыхивало ярче, и возбужденные лица мужчин пылали еще горячее.

«Знает она,
что Хеймдалля слух
спрятан под древом,
до неба встающим;
видит, что мутный
течет водопад
с залога Владыки,-
довольно ли вам этого?»

Она колдовала
тайно однажды,
когда князь асов
в глаза посмотрел ей:
"Что меня вопрошать?
Зачем испытывать?...»

Со странным звуком певец неожиданно прервался. Его глаза уставились в угол у двери, как будто бы он видел там что-то, что заставило его замереть от ужаса или радости. Внезапно он вскочил. Его поющий голос приобрел мощный, металлический тон:

«Вижу богов я, священных правителей, героев и рати, скачущих к мосту Биврёст, блестят щиты, сверкают мечи, близятся владыки покинутых мест».

Король привстал со своего места. – Сигват! – крикнул он вполголоса, как будто хотел разбудить сноходца.

Но Сигват не слышал. Медленно и торжественно он поднял обе руки:

«Хвала вам, асы! Хвала вам, боги и богини!

Хвала героям, возвращающимся домой!

Страдали во тьме мы с отсохшим языком, покинутые, преданные у чужих господ...»

Глубокий вздох пронесся по залу. Некоторые из дружинников поднялись. Кто-то ударил по щиту, так что тот звонко зазвенел.

«Голос замолк в пожирающем пламени. – Теперь придите и спасите, всемогущие отгадчики, хвала вашему возвращению домой...

- Сигват! – крикнул король еще раз. Голос его звучал хрипло и приглушенно. Но епископ уже вскочил. – Хватайте его, хватайте его! – кричал он срывающимся голосом, – этого язычника, идолопоклонника! Или вы не видите, что происходит? Не слышите, что он поет? Что он вызывает демонов? Заставьте же его замолчать!

Он задышался от злости.

Наступила мертвая тишина. Песня Сигвата была разорвана. Бледный как смерть стоял он посреди зала. Лицо его выглядело почти мертвым, бледное и осунувшееся. Он шатался, как будто готов был упасть. Все пристально смотрели на него, но никто не двинулся.

Король в напряженной позе стоял на престоле. Он тоже был очень бледен. Теперь он поднял ладонь и положил ее на руку возбужденному священнику. – Возьми себя в руки, епископ Гримкель! Сигват! – крикнул он. Его голос жестко и сильно пронзил помещение. – Ты знаешь, ты понимаешь, что это было, что ты пел? Знаешь ли ты, как ты провинился и против кого?

Сигват как будто во сне поднял мрачный вопрошающий взгляд. Но он ничего не ответил.

- Такая виса, – продолжал король, – не должна была звучать, и эта песня была не очень хорошей, Сигват. Если бы ты на протяжении долгих лет не был моим другом, и я не был бы тебе благодарен за кое-какую помощь, то ты сейчас не избежал бы наказания. Выведите его из зала, чтобы ночной мороз привел его в чувство и помог ему осознать, что он сделал.

Без сопротивления и немного шатаясь, Сигват позволил вывести себя, и постепенно напряжение в зале спало. Теперь присутствующие принялись вполголоса и возбужденно обсуждать произошедшее. Легко можно было заметить, что не все в свите короля были единодушны, и одно мнение спорило с другим.

Епископ поучал короля. – Я всегда говорил, что в этих старых песнях прячется дьявол. Он тайком выбирается из этих песен наружу, когда кто-то их поет. Демоны приобретают власть также над слушателями. Или ты не видел, как изменялись лица людей?

Король потер себя по лбу. – Я этого не понимаю, – сказал он себе под нос, как будто говоря с самим собой.

- Это власть демонов, – страстно повторил епископ. – Не нужно было допускать, чтобы молодых скальдов все еще учили таким песням древнейших времен. Я всегда видел в этом бессмыслицу. Дело не только в том, что они не совместимы с нашим святым учением...

- Я не понимаю эту перемену, которая произошла в Сигвате, – прервал его король, размышляя. – Вот что волнует меня. Я знаю этого человека с давних пор. Я прекрасно знаю его – и он был полностью превращенным этим вечером.

- Власть демонов, – повторил епископ. – Но я хорошо знаю, что это исландцы все еще сохраняют и распространяют эти песни. У них не придерживаются христианской веры так, как положено. И ты, король Олав, когда-то снова должен...

Король внезапно поднялся. – Нам пора идти спать, – громко сказал он.

Епископ покраснел от досады. – Ты не дашь мне договорить? Или и ты, король, тоже был околдован этими дьявольскими звуками?

С рассеянной улыбкой король снова положил ладонь ему на руку. – Прости, Гримкель. Этот случай сбил меня с толку, признаюсь. Я никак не могу собраться с мыслями.

Он спустился вниз с престола. Когда он проходил мимо крестьянина Рауда, он на минутку остановился. Острым взглядом он посмотрел в лицо хозяину. – Не шастают ли демоны в твоём доме, Рауд? – спросил он быстро.

Но затем, не ожидая ответа, он пошел дальше.

Когда Даг перед сном пришел к королю с кубком вина для него, он еще застал у него епископа. Король одетый сидел на краю кровати и, наклонившись вперед, подпирал подбородок рукой. – Я не смогу уснуть, – произнес он. – Невозможно уснуть, – повторил он тогда еще раз, проведя ладонью по лбу. – Какой человек смог бы понять такие вещи? Понять, как смогло дойти до того, что измена так разъедает наш мир. Измена королю, измена богу...

- Подумай об Иуде, – сказал епископ.

- Но разве мы не верили, что здесь в Норвегии мы живем среди честных и верных людей?

- Человеческий род легковверен, и сила дьявола угрожает ему во всех местах круга земного.

- Мне не хотелось бы больше думать об этом, Гримкель. Нужно заставить эти голоса мучительных вопросов умолкнуть с помощью сна или... как там говорил Сигват? Заглушить голос пресыщения шутовской проделкой...

- Ты не выберешь его примером для себя, Олав, сын мой.

- Да и как я смог бы, ведь я сам не знаю, что это было, то, что он делал? По-дойди поближе! – приказал он Дагу, который в ожидании стоял на ступеньке. Король судорожно вздохнул.

- Послушай, Даг, человек со «светлым оком», которое может видеть сквозь лбы людей. Скажи мне, как могло произойти это превращение Сигвата?

Рука Дага, которая держала кубок, немного дрожала. – Об этом ничего нельзя сказать, – ответил он, наконец, беззвучно.

Король еще довольно долго смотрел вверх на него. Затем он внезапно сильно махнул рукой. – Ступай!

Он отклонил кубок. – Я не могу спать, уходи!

Даг поклонился. Когда он медленно спускался вниз по ступенькам, он услышал за собой шепот епископа: – Этот тоже подозрителен, так же как весь этот двор...

И он услышал ответ короля: – Гримкель, я говорю тебе, если эти люди – язычники, то можно было бы почувствовать в себе искушение самому вернуться к язычеству.

- Олав – что за слова! – воскликнул епископ.

Успокаивая, с тихим, печальным смехом голос короля произнес: – Ты не должен превратно понимать шутку, старый друг! Спокойной ночи. Да хранит нас всех Господь.

- Даг! – крикнул он, когда он как раз хотел задернуть занавес за собой. – Даг! Позови ко мне моего казначея! Я должен поговорить с ним.

Даг нашел казначея, человека с хитрым взглядом, в сенях и послал его к его господину. Затем он вышел на ночной двор.

Было не очень темно. Большое северное сияние призрачно мерцало на небе. У конюшни стоял какой-то человек, он пошевелился, и его перевязь для ношения оружия зазвенела. Это был Сигват. Даг хотел было пройти мимо него, но скальд его остановил. – Король спит? – спросил он.

- Он говорит, что не может спать, – ответил Даг.

Сигват тихо рассмеялся. – Все же, это должны быть странные песни, которые в состоянии лишить сна короля. После исполнения моих хвалебных песен он всегда хорошо спал.

- А вы не хотите тоже пойти спать?

- Мне нужен холодный ночной воздух. Король предписал его мне, разве ты не знаешь? А он ведь лекарь, ему нужно повиноваться...

Он замолк. – Посмотри туда! Что это? – пробормотал он.

Две фигуры во тьме быстрым шагом прошли мимо них в сторону дома для королевского ночлега. Они разговаривали. Даг узнал тихий голос королевского казначея. И затем он слышал тихо булькающий смех низкого женского голоса. Фигуры быстро исчезли в ночи.

Сигват тихо присвистнул сквозь зубы. – Только посмотри на нее! Не доверяй ни девы речам, ни жены разговорам – на колесе их слеplено сердце, коварство в груди их... Ну и пусть. Какое мне до этого дело?

Он содрогнулся.

- Здесь холодно, – напомнил Даг. – Вы замерзнете. Не хотите выпить из этого кубка? Вино согреет вас. Король отказался от напитка.

Сигват схватил кубок. – Благодарю тебя. Если король хлебает сладость из моего кубка, то и я тоже могу, пожалуй, выпить из его кубка.

Он проглотил напиток. – Вино, – сказал он тихо, – и очень хорошее! Оно оказывает благотворное воздействие. Славный напиток. И, тем не менее, я пил лучший несколько ночей назад.

Его голос стал глуше. – И я еще опьянен им. Этот напиток сделал меня неосторожным и глупым. Ну и ладно, что для меня любовь Олава? Кто такой для меня еще король? Как далеко – как далеко...

Он говорил как во сне, похоже, даже не зная, что он говорил.

Они встрепенулись, так как поблизости от них захрустел снег под чьими-то шагами. Кто-то подошел к ним. Это был Йон.

- Это вы? – сказал молодой священник. – Я ищу другого.

- Кого ты ищешь? – спросил Даг.

Йон молчал. В это мгновение по небу пробежал сильный свет, похожий на белую ленту. Они смотрели вслед ему.

- Сигват, – спросил Йон после короткого молчания, – кто дал тебе песню, которую ты пел сегодня?

Сигват отвернулся.

- Бывает, ты слово скажешь другому, а после поплатишься... Должен один знать, а не двое, – у трех все проведуют, – проворчал он себе под нос.

- Я не хочу выспрашивать тебя, – успокаивал его Йон. – Но твоя песня... Он глубоко вздохнул. – Я не прекращу искать, – добавил он шепотом. – И еще две-ри открыты в гору.

- Поосторожней, попик! – предостерег Сигват. – Не все вещи годятся для каждого.

- Спокойной ночи! – сказал Йон и ушел в темноту.

Даг поспешил за ним и положил ему руку на плечо. – Йон!

- Оставь меня, Даг! – сказал тот и мягко освободился от него.

XI. Обручье

Колокол зазвонил в утренней темноте. Двор заполнялся тяжело ступающими шагами и размытыми в сумерках фигурами. В маленькой дощатой церкви мерцали свечи в порывах резкого, сильного ветра, который проникал через открытую дверь. Его вой доносился от углов дома. Хриплые голоса священников, которые с трудом пели в церкви, проникали сквозь шум этого ветра.

Король вышел из церкви. За ним свита плотной толпой устремилась в зал, в котором была подготовлена утренняя трапеза.

С лицом, которое казалось очень бледным и как будто высеченным из камня, король сидел за столом. Он не ел и не пил. Его ищущий взгляд постоянно осматривал все вокруг. Было ли возможно, что тот же самый мужчина всего лишь несколько дней назад здесь в этом же месте веселился, шутил и смеялся с другими как веселый и беззаботный молодой человек? Теперь он выглядел как безжизненный и злой идол, который, кажется, вовсе не знал смеха. Все испуганно спрашивали себя, что же такое могло произойти с ним.

- Сигват, – крикнул он, – подойди ко мне!

Скальд, который держался на заднем плане, подошел к столу. – Король Олав?

- Недавно ты, Сигват, говорил, что ты стареешь. Но вчера твой голос не звучал слабо и не как голос старика. Ты еще молодой человек, и ты совсем не кажешься мне слабым. Посмотри, как сильны твои руки и как тверды мышцы!

Король схватил руку Сигвата, которой тот уперся об стол перед ним, и медленно начал ощупывать ее своей рукой снизу вверх, как будто в поисках чего-то. Лицо Сигвата стало смертельно бледным.

- Я прошу тебя, король, осторожнее, – быстро произнес он, – у меня нарыв на руке.

Подобие злой улыбки скривило рот короля. – Нарыв? Ты должен показать его мне! Ты же знаешь, что я лекарь. Ты должен был бы показать его мне давно, Сигват. Ты не думаешь о том, как дорого мне твое здоровье?

- Там нет ничего серьезного, я благодарю тебя, – выдавил Сигват и хотел освободиться от руки короля.

Но тот крепко держал его. – Ну, не упрямясь, Сигват! Я хочу увидеть его.

И затем с внезапно вспыхнувшей яростью король прошипел сквозь зубы: – Подними рукав, или я прикажу его оторвать!

Он вскочил и закатал рукав Сигвата от локтя вверх до плеча. Его глазам открылось широкое золотое обручье, оно сверкало в свете свеч, стоявших на столе.

Король пристально смотрел на него. – Так вот какой там у нас нарыв!

Он поднял взгляд, его глаза вспыхнули в глазах Сигвата с тем диким блеском гнева, который люди в Норвегии сравнивали с блеском взгляда змеи, и о котором они утверждали, что никто не может его вынести.

Сигват тоже опустил веки.

- Предатель! – сказал король. Как резкий удар кнутом прошипело это слово в немой тишине помещения.

Теперь Сигват поднял голову. – Это обручье вовсе не от короля Кнута, и поэтому здесь нельзя говорить об измене.

- Откуда же это обручье?

- Я думаю, что не обязан никому об этом говорить, – ответил Сигват покорно. – Это был подарок в знак дружбы, и принимаю ли я такие подарки и от кого, это кажется мне моим личным делом.

Также епископ поднялся. – Подарок в знак дружбы от дьявола! – сказал он, сильно дыша. – Вот и обнажились корни того события, перед которым мы вчера пребывали в полной растерянности!

- Сними обручье! – приказал король сквозь зубы.

Так как Сигват медлил, то король сам резко сорвал с его руки обручье. Он крутил его в пальцах и рассматривал его. – То же самое, то же самое, всегда то же самое, – бормотал он, – колдовские знаки, которые никто не может объяснить.

В этот момент какое-то движение возникло в конце зала около двери. Оттуда медленными, тяжелыми шагами приближался какой-то человек. Между мужчинами, которые сидели как застывшие, он прошел медленно, опираясь на посох, плотно запахнув вокруг себя плащ нищего, низко надвинув на лоб шляпу.

Король не видел его, он все еще вертел в руке обручье. – Измена, – сказал он вполголоса, – измена более высокому господину, чем король, измена, которую нельзя простить.

- Берегись, Олав! Не прикасайся к чертовому золоту! Выбрось его! – шептал епископ ему в ухо.

Тут король испугался и, недолго подумав, бросил обручье через зал, прямо в ярко горящее пламя большого продольного очага.

Но старый нищий уже стоял перед очагом. Не колеблясь, он, как будто бы был неуязвим, полез своей сухой рукой в огонь. – Хороший подарок, хорошее золото, – бормотал он, пока вытаскивал обручье из огня и засовывал его себе под плащ.

Король не обратил на него внимания. Он не отводил взгляда от скальда, который, бледный, стоял перед ним. – Ты, Сигват – после благородного – ты...

Он резко поднялся и пожал плечами. – Выведите этого человека и зарубите его на дворе! – приказал он с ледяной твердостью.

В зале возникло беспокойство. Но никто не вышел, чтобы повиноваться этому приказу.

Но тут перед престолом появилась большая фигура Рауда. – Я хочу напомнить, что святое время еще не прошло, король. Я думаю, это посчитали бы убийством, если бы человек был умерщвлен во время рождественского мира, – спокойно объяснил он.

Король, нахмутив брови, задумался. – Ты прав. Свяжите ему руки. Он должен быть убит завтра утром, когда святые ночи пройдут.

- Подумай о том, что убить человека без суда не кажется хорошим делом. Это могло бы бросить тень на твою справедливость, король, – возразил Рауд.

Король посмотрел на него высокомерно и гневно.

- Я судья, и я вынес мой приговор мятежнику и идолопоклоннику, который нарушил мои законы. Я больше не хочу слышать ни слова. Возьмите этого человека, свяжите его, закуйте его в цепи и посадите в тот же дом, в котором вор Бьёрн ожидает своего наказания. Но я советую вам хорошо охранять его, так как мы не хотим, чтобы дьявол помог ему сбежать!

Он спешно спустился с престола и пересек зал быстрыми шагами.

Но затем он отпрянул, потому что старый нищий вдруг оказался у него на пути.

- Чего ты хочешь? – прикрикнул король на стоявшего, сгорбившись, старика. – В сторону!

- Мне скорее кажется, что это я должен был бы спросить, чего ты хочешь от меня, король, – ответил старик, покашливая. – Ты звал меня...

- Я не звал тебя! Кто ты?

- Королевская память, пожалуй, не настолько хороша, как говорят. Ты обещал мне вознаграждение.

- Правильно, теперь я узнаю тебя, – сердито произнес король с едва скрытым нетерпением.

Старик выпрямился. – Ты забыл меня, король Олав!

Эти слова прозвучали почти угрожающе.

- Ты получишь свою награду. А теперь пропусти меня!

Король тяжело дышал от гнева и нетерпения.

- Я сейчас не в состоянии заниматься тобой. Приходи ко мне сегодня вечером после трапезы, тогда твоя просьба будет исполнена.

- Я приду, король, – сказал старик и отошел в сторону.

Позже Даг сидел у своей матери, к которой он заходил каждый день на короткое время. Она держала его ладони в своих. – Остерегайся, Даг, – сказала она, – мне этой ночью приснилась змея, которая обвивалась вокруг тебя. Будь осторожен. Я чувствую, что что-то зловещее носится в воздухе. Ветер, который дует сегодня, не благожелателен к людям. Послушай только, как воет он вокруг углов дома!

Они оба прислушались к свисту и стону, которые звучали вокруг дома. – Не волнуйся, мать, – сказал Даг. Но он чувствовал в себе тяжесть, от которой не мог избавиться.

Когда Даг проходил через дом, он услышал рыдание, которое доносилось из угла. Он приблизился, чтобы посмотреть, кто там плакал. В темном углу на полу сидела женщина. Когда он наклонился к ней, она поднялась и посмотрела на него. Он узнал широкое лицо Руны, обезображенное слезами.

- Почему ты плачешь? – спросил он.

Тут девушка внезапно охватила руками его шею и крепко прижалась к нему. – Отомсти за меня, Даг, отомсти за меня!

Дрожь пронеслась по нему, когда он почувствовал ее тело рядом со своим. Но он отстранил ее.

- Но что же произошло?

- Никто никогда не обращался со мной так позорно, как он, – простонала девушка. – Никто! Отомсти за меня, сын хозяина!

- Кто обращался с тобой позорно?

- Этот мужчина, который называет себя королем, а на самом деле он только сын горных троллей. Он приказал позвать меня к себе. Что я могла сделать, кроме как повиноваться ему? Если король приказывает позвать бедную служанку, то она должна слушаться, не так ли? И когда я дала ему то, чего он хотел, и когда я ответила ему на вопросы, которые он мне задавал, тогда он отвернулся от меня и приказал вышвырнуть меня из дому просто на снег, как будто бы я была троллихой.

- О чем он спрашивал тебя?

- О тайне одного человека, которую я знаю. Что мне было делать? Разве служанка не должна отвечать, если ее спрашивает король? Но лучше бы я тогда промолчала. Скальд всегда был добр ко мне и вежлив, как это и подобает благородному господину.

- И что ты сказала королю?

- То, что он хотел услышать. Что скальд носит обручье на руке, обручье с волшебными рунами на нем, которое он днем прячет под рукавом. Это добрые руны и очень сильные. Я ощупывала их, когда он спал. Я в этом понимаю, моя бабушка научила меня толковать эти знаки, она была великой волшебницей. Я не просто так ношу свое имя...

Даг схватил девушку за руку и потянул ее вверх. – Иди за мной, Руна!

- Куда? – спросила она. Побледнев, она взглянула на него и перестала плакать.

Даг не отвечал. Он вытащил упирающуюся Руну из дома и позвал старшего работника их хозяйства. Тот прибежал. – Возьми пару слуг, – сказал Даг, – посадите Руну на сани, доведите ее через долину до самых пограничных лесов, и пусть она там в одной из лесных крестьянских хижин спрячет себя и свой позор. Она никогда больше не должна вернуться на наш двор. И позаботьтесь о том, чтобы она не разговаривала ни с кем!

Девушка закричала гневно и резко. Но Даг больше не обращал внимания на нее и вернулся в дом. Этого не произошло бы, если бы хозяйка дома могла сама следить за порядком, подумал он со вздохом.

XII. Двенадцатая ночь

В этот вечер, после того как обеденные столы были убраны, старый нищий прошел через зал и приблизился к престолу. Перед ним он остановился.

- Королевское слово лучше золота и прочнее железа, – сказал он.

Король смотрел на старика своим мрачным взглядом. – Я не знаю, как могло случиться, что я забыл тебя. Почему ты раньше не напомнил мне о моем обещании?

- Тот, кто умеет ждать, может выиграть, – ответил старик.

- Ты рассказал нам Святой ночью хорошую сагу. Мы в течение всех этих дней могли бы хорошо провести время благодаря тебе, если бы ты не был таким скрытным.

Голос короля звучал устало. Он уперся подбородком в руку.

Старик покачал головой.

- Должен молчать или дельно беседовать бедный с богатым; в речах своих буду меру блюсти, с хладноробрым сойдысь, – произнес себе под нос старик, покашливая.

- Я не считаю, что ты говорил плохо, – ответил король с тусклой насмешкой. – Или ты боялся меня? В хижине мне так не показалось. Там я слушал тебя, не одергивая, хотя твое слово не всегда совпадало с моими взглядами. Но я подумал, что старикам трудно отказаться от привычных слов, и так же я буду думать и дальше. Так что говори со мной свободно и без страха.

Старик откашливался.

- Советы мои, Олав, прими, на пользу их примешь, коль ты их поймешь; над седым стариком никогда не смейся; цени слово старца!

- Я и не смеюсь, – вздохнул король, наполовину покоренный. – Подойди, сядь здесь на ступеньку и расскажи нам еще какую-нибудь сагу. Нас действительно

нужно подбодрить, потому что на наших сердцах лежит тяжелое бремя, и радости нам недостает. Ты получишь золотое обручье, если мне понравится то, что ты скажешь.

- Я буду говорить с тобой, король Олав, пока ты захочешь слушать меня, – ответил старик. – И если тебе это надоест и тебе не понравится то, что я говорил, тогда я в конце попрошу у тебя подарок, который ты захочешь дать мне по твоему желанию.

Он уселся на ступеньку и начал рассказывать. Он говорил долго. Его однообразный, наполовину поющий голос наполнял зал. Люди из королевской свиты внимательно слушали, и чем дольше они слушали, тем более жадно хотели они слышать больше, так как им всем казалось, что им еще никогда ничего так хорошо не рассказывали. Старик говорил о Сигурде, убийце дракона, о поездке Брюнхильд в Хель, и о плаче Гудрун, о Старкаде Старом, и путешествиях сыновей Рагнара Кожаные Штаны, и казалось, будто бы он своими глазами видел все, что описывал. Также он вплетал в свой рассказ много стихов и тем самым показывал, что он был сведущ в древних песнях.

Если бы епископ не напомнил, в конце концов, о позднем часе, то его повествование, возможно, вообще не закончилось бы, потому что король внимательно слушал со все более теплым участием и не отводил свой все больше и больше оживающий взгляд от закутанной в плащ фигуры на ступенях. Казалось, что он только с трудом решился встать.

- Мне жаль, что время праздников заканчивается этой ночью, и что у нас еще раньше не было этого развлечения. Я хотел бы послушать тебя еще. Пойдем со мной в мой дом для ночлега. Я хотел бы задать несколько вопросов тебе как знающему человеку.

- Я буду говорить так долго с тобой, король Олав, пока ты сам не устанешь от этого, – повторил старик, покашливая.

Но тут епископ предостерегающе положил свою ладонь на руку короля. – Я прошу тебя, Олав...

Со своей мрачной улыбкой король повернулся к нему. – Но, епископ, ты же не будешь опасаться всерьез?

Он спустился с престола, и нищий последовал за ним. Они прошли через зал, и вышли на ночной двор. Свита и дружинники смотрели им вслед с удивлением.

Но епископ тихо и с озабоченным выражением лица что-то внушал своим священникам.

Даг прошел через двор, чтобы принести королю его напиток на ночь. Ночь была беззвездна, и ветер все еще свистел между домов. В его вой вплетались отрывочные звуки поющего голоса. Они доносились из здания, в котором оба пленника сидели в цепях. Даг подошел поближе и прислушался. Тут он понял, что пел скальд Сигват, и он узнал, что это были те древние стихи, которые называли «Речами Гримнира»:

«Жжешь ты меня,
могучее пламя,
огонь, отойди!
Тлеющий мех
потушить не могу я,
пылает мой плащ».

Но тут другой, ворчливый голос перебил его. «Жжешь! Что за глупость петь такое. Огонь! А у меня все кости стучат от холода. Спой уже что-то другое, если ты вообще не можешь помолчать, заколдованный дурак!

- Восемь ночей я в муках провел без питья и без пищи: лишь Агнар меня напоил, и он будет властителем воинов, Гейррёда сын, – пел Сигват.

Даг зашагал дальше и вошел в дом для ночлега. Все занавесы были задернуты, и люди короля уже лежали в своих покоях. От них не доносилось ни звука, они вели себя тише, чем обычно.

Даг вошел в среднее помещение. Король сидел, как и прошлым вечером, одетый на краю своей кровати. Все свечи горели, и пестрое разнообразие картин на занавесах и потолке сверкало в их свете, как будто бы в изображениях были жизнь и движение. Перед кроватью сидел на скамеечке старый нищий, и он и король были так сильно углублены в их беседу, что не обратили внимания на вошедшего Дага.

- Ну, послушай, можешь ли ты сказать мне, что случилось с Олавом Трюггвасоном? – услышал Даг вопрос короля. – Долго поговаривали, что он не умер, а якобы жил в какой-то далекой стране.

- Он лежит на дне пролива у острова Свёльд, король, – ответил глухой голос. – Водоросли обвивают его кости, и рыбы скользят между ребер его грудной клетки.

Король нагнулся: – А Эйвинд, волшебник? Что было с ним? Ты мне об этом тоже можешь рассказать? Его полузакрытые глаза с большим вниманием пытались рассмотреть лицо нищего.

Но оно, как обычно, оставалось наполовину скрытым под шляпой.

- Он больше не среди тех, кто радуются солнцу. Сердце его стало сердцем волка, и человеческий дух ушел от него.

- Это хорошо, – тихо произнес король, – пусть так будет со всеми колдунами и идолопоклонниками!

- Да, хорошо, – серьезно подтвердил старик, – ведь тот, кто следует зову богов, не может иметь такое же сердце, как то, которое человек несет в своей груди.

- Зов богов? – спросил король. – Ты хочешь сказать: злых духов? Но тот, кто поддается им, повинен смерти. Олав Трюггвасон поступал правильно, так как он приказывал вырывать сердце из груди у таких людей.

Старик слегка поднял голову: – Разве ты не знаешь – и не знаешь ли ты, король Олав, об этом лучше всех других людей, что голосу своих богов нужно повиноваться, и что перед ним нет выбора?

- Выбор есть, Гест. Воле человека подвластно, последует ли он за голосом злых духов или же за голосом бога живого!

- Но кто этот живой бог и где он?

И тогда показалось, как будто нищий улыбнулся: – Горе тому, кто может выбирать, – пробормотал он.

Озадаченность появилась на лице короля. – Ты прав, – сказал он, – сомнение это корень всех бед. Горе тому, кто колеблется. Но разве не должен колебаться тот, кто старается идти дорогой бога, и при этом замечает, что не может идти этой дорогой, не совершая греха?

- И только для этого Господь наш Иисус Христос пришел в этот мир, чтобы принести освобождение грешному человеку, спасти его от этого душевного раздора, поймать колеблющегося в свои сети и привести его к Богу, Отцу, – произнес внезапно голос за королем.

Занавес у изголовья кровати разделился, и вошел епископ.

Король повернулся к нему. – И, тем не менее, наш Господь приносит также суд, и он сталкивает тех, кто колеблется, в пропасть. Он судит колеблющихся и не-твердых в вере, я это знаю, епископ, – повторил он с печальной настойчивостью.

Епископ положил ему руку на плечо: – Не хочешь ли ты спать, Олав, сын мой? Как раз время сна.

Король покачал головой: – Пока нет, Гримкель. Я хочу задать еще несколько вопросов этому человеку.

- О чем таком мог бы ты спросить нищего, на что мужи твоей церкви не смогли бы ответить лучше?

Король с некоторым нетерпением стряхнул руку епископа. – Пойми, епископ Гримкель, что мне доставляет удовольствие еще немного поговорить с этим человеком.

Потом он улыбнулся: – Твои опасения излишни, я тебе клянусь.

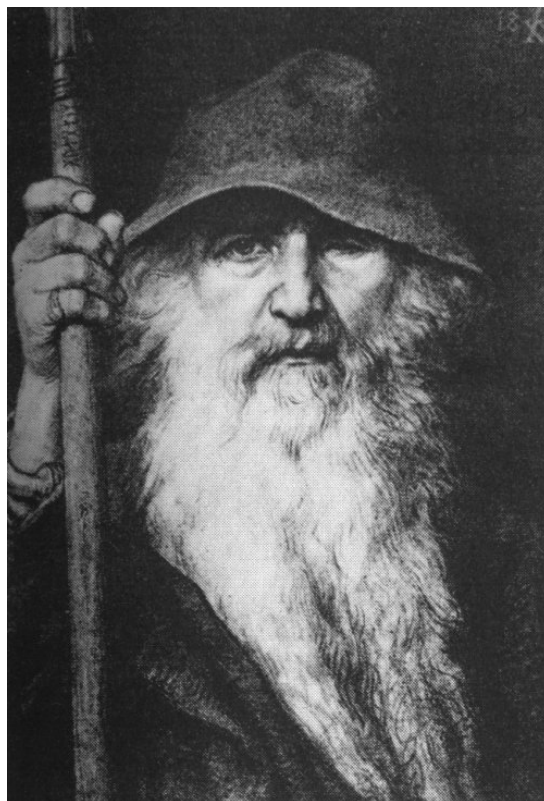
Он с усталой улыбкой взглянул вверх на епископа, который недовольно кусал губы.

- Не играй с огнем, Олав, он сожжет тебя еще до того, как ты это заметишь. Кроме того, – он указал на Дага, – что этот парень делает здесь?

Только сейчас король заметил ждущего Дага. – Уходи! – сказал он ему.

Но старый нищий протянул к Дагу свою костлявую руку: – Дай мне кубок. Я буду его оберегать, пока король не потребует его.

Даг подал кубок старику и покинул спальню.

Бог Один как странник, иллюстрация из шведского издания «Эдды» 1886 года

Когда полог за ним упал, он увидел человека, стоявшего в узком проходе, который вел к двери. Это был Йон.

Даг подошел к нему.

- Я здесь жду, – сказал Йон.

- Чего ждешь?

- Решения короля.

Даг пытался посмотреть другу в лицо, но тот был только как тень рядом с ним в полумраке. – Я боюсь, – сказал Даг, – он решителен, вопреки всему.

- Я тоже боюсь этого. Он сопротивляется. Он – единственный среди нас, кто может сопротивляться, он сильнее, чем все мы.

- Или слабее, – сказал Даг.

- Или слабее, ты прав, – тихо согласился Йон. – Он силен и слаб одновременно. Насколько простыми могли бы быть все вещи, если бы он не сопротивлялся!

- Никто не может разорвать пряжу сильных женщин, – сказал Даг с глубокой серьезностью. – Кто знает, что определено нам всем? Ведь он тоже – лишь нить в большой ткани, как и мы тоже.

- Ты прав, – повторил Йон.

Они ждали довольно долго. Затем один из занавесов сбоку от них раскрылся, и вышел епископ.

- Я ищу тебя, Йон, – сказал он шепотом. – Я хочу, чтобы ты зашел в покои короля и попросил его, чтобы он прогнал этого нищего. Он любит тебя больше всех нас. Может быть, он послушает тебя. Мне же, я думаю, не нужно объяснять тебе, насколько для меня это важно.

Йон безмолвно поклонился и подобно тени проскользнул в покои короля. Епископ еще бросил косой взгляд на Дага, потом он отошел назад, и занавес закрылся за ним.

Даг ждал и слушал тихое бормотание, которое непрерывно доносилось из комнаты короля и смешивалось с далеким свистом и воем ветра. Через некоторое время Йон вернулся.

Он тихо сказал: – Они сидят и разговаривают. Король спрашивает и внимательно слушает, старик сидит у его ног. Он ему сказал: «Твоя смерть стоит не далеко от тебя, король Олав». Свет свечей вздрогнул над всеми этими изображениями, которые украшают занавесы. Они немного пошевелились на сквозняке. Это выглядело так, как будто бы тела драконов извивались, как будто бы усики вьющихся растений и завитушки росли и переплетались в живом движении. Все пространство как бы было наполнено тайной, тихо шепчущей жизнью. Я не смог разорвать пряжу. Они вовсе не замечали меня. Что я должен был сказать? Не должно ли все происходить так, как происходит?

Он глубоко дышал. – Слушай, – сказал он тогда, – теперь он поет.

Они слышали голос старика. Глухо и тихо он пел, это звучало как заклинание. Такой способ пения воздействовал со странной убедительной проникновенностью. У обоих сердце застучало сильнее. Они напряженно прислушивались.

Йон стоял близко к занавесу, откинув голову назад. – Горе ему, что у него есть сила сопротивляться, – повторил он шепотом. – И он тоже носит в себе то же

страстное желание, как и мы носили его: страстное желание стать всем. Но он не решается на это. Он не решается позволить себе упасть на ту глубину, на которой лежит скрытым единство мира. Он думает, что должен сопротивляться во имя своего бога, того бога, который является не больше чем лишь одной частью, частью той большой, всемогущей действительности бога, из которой выросли все боги, как и все вещи бытия. Я теперь это знаю. Он нет. И, тем не менее, он дороже мне, чем любой другой человек на свете. Я хотел бы, я мог бы защитить его, помочь ему. Он такой преданный и покинутый, каким никогда прежде не был ни один король. Все те, которые когда-то приветствовали его возгласами ликования, бросают его, предают его. Я знаю, что они не могут иначе. Верности нельзя добиться приказом и принуждением, как нельзя так добиться и любви.

Он повернул голову, которая темно выделялась на фоне блеклого зала, просвечивавшего через ткань занавеса.

- Не странно ли это, Даг, что можно быть таким наполненным счастьем и чувствовать в себе такую легкость и радость и, тем не менее, предать своего господина? Ведь я тоже предал своего господина. Не короля и не епископа – моего Господа Иисуса Христа. И все же я сейчас чувствую себя так близко к Христу, как никогда прежде в моей жизни. Лишь теперь я полностью понимаю его. Теперь это так, как будто бы огонь его любви стал также во мне пламенем. Я получил то, что я желал себе, Даг, то, из-за чего я жаловался тебе. Теперь я наполнен тем большим огнем, который пожирает все остальное. «Будь тем, кто ты есть!» Но сам я теперь – весь ли я? Да, я – весь, я един с самим собой, един с миром! Ничего больше, чем только единственное поднимающееся высоко вверх пламя! Теперь я пылаю. И сейчас есть только одно, что я еще мог бы пожелать для себя, и вот что это: сделать кое-что, отдать мое горение жизни, стать настоящим, выразить самого себя – полностью – до последнего. Даг, этого я страстно желаю всеми моими силами... Что же мне делать?

Он молчал. С той стороны занавеса все еще доносилось тихое, чудесное пение. Казалось, что оно расширяет помещение до бесконечности. – Что же мне делать? – спросил Йон еще раз, так, как будто бы он спрашивал поющий голос внутри.

Даг почувствовал, как его сердце дрожит, он стоял как во сне.

Тут песня прекратилась. Снова начался разговор, два голоса теперь быстро сменяли друг друга. Глухо, тихо и шепотом один, звонче, громче и резче другой.

- Сейчас, – сказал Йон, дрожа, – сейчас!

Звон, который разорвал всю тишину! Из-под занавеса к ногам Дага выкатился золотой кубок. Одновременно раздался голос короля, громкий и с резкой твердостью: – Тебе не удастся искусить меня, призрак!

Занавес разлетелся в стороны. Перед Дагом стоял старик, прямой, огромный, под шляпой блестел луч его глаза. Свет этого луча проник в Дага и наполнил его душу как мощным холодным сиянием, которое, поднимаясь, заливало его как волна. Все видимое исчезло у него перед этим блеском. Даг едва ли почувствовал, как старик вырвал у него меч Орм из ножен и сунул рукоять меча ему в руки. Он почувствовал только холод железа. В бессознательном состоянии, не осознавая своих действий, Даг медленно поднял меч обеими руками. Он слышал дрожащий от гнева голос короля, как будто бы он доносился откуда-то издали: – Схватите его! Свяжите его! Убейте его как бешеную собаку, двуличного дьявола!

И тогда король стоял здесь, выбежав из-за отброшенного в сторону занавеса.

Меч Орм опустился вниз. Извилистая линия на его стали сверкнула в свете. Но в то же самое мгновение перед Дагом было какое-то движение, быстрое вздрагивание светлого, молодого лица. И потом крик и стон.

Даг стоял, рукоять меча еще в руке. Постепенно этот ужасно яркий свет рассеялся перед его взглядом, и он смог увидеть, что было перед ним. Старик исчез. Йон лежал на земле, голова его, откинувшаяся назад, лежала на руке короля, который склонился над ним и держал его. Он видел темную струйку крови, которая капала с плеча убитого. Медленно судорожная хватка рук Дага ослабла, и меч Орм со звоном упал на землю.

- Йон! – закричал король.

В следующее мгновение Даг почувствовал, как его схватили твердые руки, которые сильно дергали его, выкручивали ему руки, били его и разрывали его одежду. Он видел возбужденные, багровые от гнева лица вокруг себя, видел бледное от ужаса выражение лица епископа, слышал его голос: – Схватите убийцу, нарушителя мира! Крепко свяжите его! Веревки до боли стянули суставы Дага.

Король стоял на коленях на полу, склонившись над неподвижным телом молодого священника. Его руки скользили по ране, которая прекратила кровоточить, по восковому лбу. – Он мертв! – произнес король тихо и взглянул вверх. Его

взгляд был прикован к Дагу. Но затем удивление и ужас появились в его глазах. Король вскочил на ноги.

- Смотрите сюда! – закричал он хрипло. Он показал на Дага.

Все взглянули на него. И они увидели у Дага на руке, которую обнажили твердые руки державших его слуг, золотой обруч, который тускло блеснул. – Вот что стояло за всем этим! – сказал король. Он подошел к Дагу, который стоял неподвижно. – Даг, – бормотал он, – Даг?

Все видели, что король дрожал.

Но затем он выпрямился во весь рост. Смертельно бледное лицо его снова стало таким неподвижным, как будто оно было высечено из камня. – Поднимите мертвеца и положите его на мою кровать, – приказал он. – И проведите убийцу перед жертвой! И вы все следуйте за ним! Бьёрн, проследи, чтобы никто из моих людей не улизнул!

- Будет сделано, король, – ответил голос окольного сзади. – Станьте у всех дверей, друзья!

Рядом с кроватью, на которой покоилось тело погибшего, стоял король. Всюду занавесы были оттянуты в сторону, и люди из свиты короля толпились в круглых покоех. Глухое бормотание наполняло воздух, которое, однако, умолкло, как только король начал говорить.

- Удар убийцы предназначался мне. Этот человек, который сейчас лежит здесь, перехватил его своим телом. Тот призрак, который тайно и неузнанный провел двенадцать ночей и двенадцать дней с нами в виде нищего, прошлой ночью раскрыл свою истинную сущность. Тот, кто стоит здесь связанный, отдал ему власть над собой и стал орудием его мести. Но он не единственный, кого дьявол привязал к себе, подарив ему волшебное обручье. Так как этот искуситель осмелился соблазнить меня – кого среди вас он не должен был склонить на свою сторону раньше? Поэтому я хочу, чтобы теперь каждый из моих людей один за другим подошел сюда передо мной и мертвецом, обнажил свои руки до плеч и показал мне все обручья, которые есть на нем. Не пытайтесь ничего скрыть. Потому что теперь я хочу знать, как широко распространилось здесь это зло!

Воцарилось молчание. Мужчины рассматривали друг друга, так, как будто бы они спрашивали себя, кто должен стать первым. Но тут один из них уже высту-

пил вперед, живо и большими шагами он поднялся по ступенькам к кровати: это был простодушный Хрейдар.

- Не затянется ли это слишком надолго, король, – произнес он при этом, – если каждый из твоей свиты должен будет выходить вперед? Почему бы не попросить показать свои обручья только тех, кто действительно ими владеет?

Он обнажил свою смуглую, с сильными мышцами руку. – Смотрите сюда! На мне, например, есть такое обручье, и волшебные знаки на нем тоже можно разглядеть без труда, хотя я и сам не знаю, что они значат. Я не стыжусь, что показываю это обручье. Это был честный торг, в котором я получил его. И это не стыдно принимать подарки в знак дружбы. Здесь также нет никакой измены. Если бы я получил это обручье от Кнута Английского, тогда я должен был бы чувствовать стыд. Но кому причиняет вред этот старик?

- Посмотри сюда! – мрачно произнес король, указывая на постель.

Хрейдар встряхнул головой. – Разве старик убил молодого священника, или, может быть, я это сделал? Мне такое и на ум не приходило. Почему ты хочешь обвинять людей в чем-то, чего они вовсе не совершали? Я совсем не хочу этим сказать, что мне не жаль этого молодого человека, так как он был много лучше, чем обычно бывают священники.

Он повернулся к людям короля: – Но я думаю, что и другие, которые носят такие же обручья, тоже могли бы выйти вперед, чтобы упростить все это дело. Давайте, давайте, парни! Почему мы должны что-то скрывать? Разве мы все не честные мужи, которые не должны бояться ничего и никого? Что злого должно быть в этих обручьях? Я со своей стороны должен сказать, что мне оно принесло только добро. Раньше я боялся иногда того или иного, но теперь больше не осталось совсем ничего, перед чем я мог бы почувствовать страх. И я приписываю это силе этого обручья. Но разве мужество не украшает мужчину всегда и всюду?

Когда его беспечный голос умолк, то показалось, что молчание было почти ощутимым в помещении. Свечи мерцали ярко, и их беспокойный свет плясал над неподвижным телом на кровати.

Тут из толпы воинов вышел красивый Рёгнвальд. Резким движением он перебросил расшитый плащ через плечо. – Ты верно сказал, Хрейдар, – заметил он, – хорошее слово, сказанное вовремя, дорого стоит. Почему мы должны прятаться?

Он показал на свою руку: – Посмотри сюда, король, – это обручье, которое я получил. Я тот, кто я есть. Если ты хочешь казнить меня за это, то так и сделай. Если ты хочешь лишиться себя своих лучших соратников и своих последних друзей, то так и сделай. Для меня еще вопрос, кто при этом потеряет больше, ты или мы. Подходите сюда, остальные! Давайте покажем, что мы мужчины, которые признают свои поступки и отвечают за них.

Они вышли вперед: Кальв сын Арни с замкнутым выражением лица, как будто бы все это мало коснулось его, Лейв, один из королевских оруженосцев, Оттар Беловолосый, двоюродный брат Рёгнвальда, братья Регнер и Хельге, и Торарин, исландец. Наконец, через толпу собравшихся протиснулся еще какой-то худой человек. – Я тоже должен быть здесь, – сказал Сигурд.

С бледным, неподвижным лицом король рассматривал эту маленькую кучку. – Это все, кто получил свои обручья в эти рождественские ночи? – спросил он. – Когда ты получил обручье, Даг? – обратился он к связанному.

- В сочельник, ночь перед Рождеством, – тихо ответил Даг.

– Я в первую из двенадцати рождественских ночей, которые следуют за праздником, – холодно вмешался в разговор Сигурд.

- А я во вторую, если это важно знать, – бросил Кальв насмешливо.

За ним последовали другие. О девятой ночи не сказал никто.

- Сигват! – заметил король.

- А десятая моя, – тут же усердно продолжил Хрейдар.

Но затем наступила тишина. Король рассматривал мужчин. – Двенадцатой ночью он подходил ко мне. Кому же принадлежит одиннадцатая?

Все молчали. Хрейдар осматривался удивленно. – Мы этого не знаем, – сказал он.

- Значит, один либо ускользнул, либо же он трус.

Король стоял неподвижно, сжатый кулак на рукояти меча. Только его глаза искали.

И тут где-то сзади кто-то крикнул: – Мужички, пропустите меня!

Вошел крестьянин Рауд. Ему уступили место.

- Я только что приехал, король, и услышал, что произошло, – сказал Рауд. Его лицо тоже выглядело бледнее обычного. Но его движения были спокойны и свободны, и он нес голову так же высоко, как и всегда.

- Плохие дела произошли здесь, – сказал король, – и нечто плохое бродило все эти ночи на твоём дворе, крестьянин Рауд!

Теперь его выражение лица утратило похожую на маску неподвижность, и против его воли болезненная горечь выступила на его чертах.

- Раз уж дела обстоят так, как я это вижу, король, – сказал крестьянин Рауд, – то и я тоже не буду больше скрывать свое обручье от тебя. Вот оно.

Он поднял рукав высоко вверх. – Но я получил его не в одну из этих праздничных ночей. Я ношу его уже с давних пор. Это было когда-то давно в Швеции, на моей родине. Я тогда бражничал с человеком, который называл себя Гестом.

Движение возникло среди присутствующих, они многозначительно посмотрели друг на друга.

Грудь короля судорожно поднялась и опустилась. – Ты знал его! Ты носишь его обручье! Ты обманывал меня все эти дни, Рауд. Ты ткал вокруг меня сеть из злого колдовства. И сон, который приснился мне в твоём доме, пришел ко мне не от бога, я теперь это осознаю, и мне страшно.

Он дрожал и сжимал кулак перед грудью. – Твоим колдовством ты ублаживал мою бдительность, чтобы я ослеп и не замечал, какое чудовище вело ночами здесь свою игру!

- Но ты никогда не спрашивал меня об обручье, король, – спокойно ответил Рауд. – Не спрашивал ты меня и о моей вере. А я не из тех, кто навязывается со своими мыслями к тем, кто их об этом не спрашивает, и я, как и шведская королева, считаю, что это личное дело каждого человека, кому он хочет и может верить. Я не обманывал тебя. Моим честным намерением было угодить тебе, в меру моих сил. Будь это не так, разве я построил бы твою церковь? Я не занимался никаким колдовством, как я уже говорил тебе, и твой сон тоже был хорошим и правдивым сном, откуда бы он ни пришел к тебе.

- Я больше не верю тебе, Рауд! – воскликнул король. – Всем твоим искусствам тебя научил тот Злой, которому ты отдался. Ты защищал его, как и твой сын

защищал его, когда он поднял меч против меня и нарушил рождественский мир. Посмотри, к чему привело все то, чему ты тайком благоприотствовал!

Крестьянин Рауд немного опустил голову. – Мне тоже очень больно, что меч моего сына поразил этого человека, которого мы все любили. Но я прошу тебя, чтобы ты задумался о том, что мой сын не был первым, кто нарушил рождественский мир. Ты же сам кричал: «Убейте его как собаку!» Так, по крайней мере, рассказывали мне. Ты сам нарушил мир. И ты тоже сам приехал ко мне со скрытым намерением, которое не было мирным. Это зависело от тебя, должен ли был быть мир или борьба между тобой и тем, кто предложил тебе кубок!

- Должен ли был я дать мир дьяволу? – закричал король.

Крестьянин Рауд посмотрел вверх на него серьезным взглядом: – Твоя самая внутренняя сущность ничего не знает об этом слепом гневе, король. Она знает, сколько ты мог бы выиграть, если бы ты решился на то, чтобы предаться этому безымянному!

Епископ вышел вперед. – Замолчи! – крикнул он крестьянину. – Мы уже видели достаточно этих ловушек...

Он хотел сказать что-то еще, но остановился. Беспокойство пробежало по кучке мужчин. Они расступились и освободили дорогу женщине, высокой и худой, которая немного с трудом, но все же быстро вошла в помещение. Она остановилась и тяжело дышала, прижимая руки к груди. Сильный кашель тряс ее. Но она немедленно начала говорить, все время прерываясь из-за приступов кашля.

- Я пришла к вам, господин король. Я пришла, чтобы просить. Мне сказали, что мой сын натворил бед, и вы сердиты на него. Я пришла к вам просить, чтобы вы подумали о том, насколько мы все подчиняемся судьбе, и что никто не может действовать вопреки воле вечных сил...

Она сильно закашляла. – Моя собственность велика. Я предлагаю заплатить виру за убитого, как бы высоко вы ни установили ее.

- Был убит священник, и вы же знаете, что убийство святого мужа имеет больший вес, чем убийство кого-то другого, – сказал король более сдержанно.

Она подняла к нему белые, тонкие руки. – Вы не захотите забрать сына у матери.

- Посмотрите! – сказал король печально, указывая на кровать. – Он тоже был сыном матери.

Женщина наклонилась вперед. Затем она сделала быстрый шаг.

- Неужели вы все не видите, что он еще жив? – закричала она. Задыхаясь, она поспешила по ступенькам вверх и подошла к лежащему. Она сорвала склеившуюся от крови одежду с его груди. Рана немедленно снова начала кровоточить. Король тоже поднялся, и все мужчины столпились ближе. Вместе с женщиной король хлопотал над лежавшим без чувств священником. Со всей осторожностью они снимали лоскуты одежды. Но затем – внезапно – король вскочил. Его руки резко отпрянули от бессильного тела, как будто бы он коснулся змеи. Он поднялся и пристально посмотрел на руку Йона. Беспокойство пробежало среди собравшихся. Епископ подошел с вопросительной морщиной на лбу, только женщина продолжала тихо и прилежно хлопотать над телом.

- Это непостижимо, – пробормотал епископ.

Руки короля схватили нежную руку, которая свисала над одеялом, и без труда сняли с нее тусклое золотое обручье. Взволнованно король поворачивал его в ту и в другую сторону, рассматривал его. – Сомнений не остается, – прошептал он.

И тут вдруг с громким треском открылась внешняя дверь. Порыв ветра со свистом ворвался внутрь и с ревущим звуком промчался по дому. Все свечи заколыхались, а потом большинство их погасло, так что комната погрузилась в красноватые сумерки. Но посреди испуганного молчания твердые шаги вошли в дом. Они тяжело приближались по проходу. Огромная тень вытянулась вверх и стояла, возвышаясь перед кроватью; складки плаща развевались на сквозном ветру. Под широкополой шляпой единственный глаз сиял как луч белого огня и повернулся к королю, который неподвижно стоял на возвышении, в одной его руке было обручье, а другая крепко вцепилась в один из угловых набалдашников кровати.

- Кто звал меня? Кто повернул обручье? Чего ты хочешь, король, от того, которого ты поносил? Еще раз он придет, но потом уж никогда. И знаешь ли ты, дерзкий, кого ты звал?

Глухой голос звучал сердито. Казалось, как будто он отражался эхом в непостижимой дали подобно раскатам далекого грома. В то же время слабый туман, кажется, распространялся вокруг в помещении и, тихо колышась перед глазами людей, окутывал все настоящее какой-то смутной, неясной расплывчатостью.

Король хотел поднять руку. Но она лежала на набалдашнике кровати как прикованная, и ее нельзя было оторвать. Он хотел закричать, но голос не повинно-

вался ему. Только неразборчивое бульканье исходило из его уст. Епископ схватился за крест, который висел у него на шее, но на полпути его рука бессильно опустилась вниз. Он тоже стоял, как будто превращенный в камень. Никто не мог и пошевелиться. Все оставались немymi как изваяния.

Только голос старика гремел. Он пел:

«Неумен ты, Олав, отверг ты спасенье мое,
расстроен твой разум.
Многое потеряешь ты, ибо чужд ты остался к моему расположению,
не стал мне повиноваться.
Отныне лишен ты подмоги моей,
эйнхериев помощи, милости Одина.

Много я рассказал,
но мало ты помнишь;
друг тебя предал;
вижу я меч
прежнего друга —
кровью покрыт он.

Игг получит
мечом пораженного,
конец твой настал;
разгневаны дисы,
увидишь ты Одина,
коль смеешь — приблизься!»

Как король ни старался, ему не удавалось ни малейшее движение. Только глаза были еще живы на его застывшем лице и горели страхом, уставившись в тот страшный глаз, который околдовал его.

Тишина давила своей тяжестью. Было слышно, как жалобно стонет буря. Свечи мерцали. Все выше тень, кажется, росла посреди покоев. И вот поющий голос начал снова, теперь еще более глухо, еще тише, как будто пропитанный гневом и болью:

«Над стариком насмеялся ты, изгнал гостя, теперь будь покаран проклятьем!

Тот, кого ты преследуешь, ненавидя, кого ты во тьму оттесняешь,

Ты никогда его не уничтожишь.

Он никогда не уйдет, тот, кого забытым мнишь ты, ждет и следит он.

Боги приходят, боги уходят – старик же всегда остается.

Глубоко в горе сидит он сокрытый.

Ждет и следит он.

Горе вам, кто днем его изгонял:

Отныне ночами он вас мучит.

Беспокойство охватывает вас и всепожирающие желания, вы сами не знаете чего.

Никогда ваше сердце не останется единым и невредимым, изводится оно в раздоре.

Закрылась калитка, запертой она остается, и никогда не увидите вы того, что ищите.

Мало вам ведомо, хотя и думаете, что знаете много. Последнее лежит во тьме.

Ты никогда не обретешь уже мир, король, ты также получил отсрочку.

Тот, кто себя осуществляя, тебе этот срок приобрел, дал тебе мало лишь пользы.

Так как беспокойно убегая, затравленный врагами, скитаешься ты.

Покинутый друзьями, увидишь ты, как взойдет то семя, которое ты и посеял.

Тот, кто себя сам ограбил, навеки останется бедным.

Теперь умолкну я и исчезну.

Там, где закончится путь твой, встречу я снова с тобою: Тогда посмотри в глаз – Одину!»

Почти стемнело. Серый, густой пар плотно наполнял дом. Тень старика, казалось, медленно растворялась в нем и рассеивалась вместе с ним к входу. Оттуда еще раз зазвучал его голос, так, как будто бы он звал уже издалека. Это было одно слово, которое пел этот голос, и оно как будто с эхом летало от колонны к

колонне и затем взлетело ввысь до купола. – Стикластадир! – кричал голос. И потом опять – уже снаружи на дворе: «Стикластадир», и еще третий раз совсем издалека, как бы затихая под ночным небом и отразившись от его свода: «Стикластадир!» И затем огромная тишина опустилась на мир.

В эту тишину внезапно проник какой-то звук, чистый, тонкий, металлический звон, однообразный и знакомый, как звук близкого и хорошего дружеского голоса. И, содрогаясь и внимательно слушая, они все осознали, что это звучал голос маленького колокола снаружи во дворе. И в тот самый момент, когда колокол начал петь, колдовство оставило всех, которые были в опочивальне. Они почувствовали, как жизнь возвращалась в их застывшие конечности, они снова могли дышать и двигаться. Туман исчез, и на планке кровати еще горели три свечи, спокойно, мягко и торжественно. Их свет, усиливаясь, возвращал покой их теплые цвета. Как просыпаясь ото сна, люди смотрели друг на друга.

И тут они обнаружили, что глаза молодого священника, который лежал на кровати короля, были широко открыты. Теперь он с большим трудом поднял руку и коснулся руки короля.

- Попроси всех выйти, потому что я должен поговорить с тобой, – прошептал он, тяжело дыша, и с большим усилием.

Король медленно провел ладонью по лбу. – Выйдите все и ожидайте в зале моих решений, – произнес он после нескольких мгновений с глубоким вдохом. – Оставьте нас. И ты, епископ Гримкель, я прошу тебя!

- Но сначала мне нужно перевязать твою рану, священник Йон, – прошептала женщина, которая все еще стояла на коленях рядом с кроватью.

Йон повернул голову к ней. – Это больше не нужно, госпожа Рагнхильд, – сказал он с тенью улыбки.

Но женщина не обратила внимания на его слова, а заканчивала перевязку. Крестьянин Рауд стоял рядом с нею. Только когда она закончила и поднялась, он обнял ее и последовал с нею за людьми короля, которые все безмолвно и тихими шагами покинули дом. В круглых покоях остались только Йон и король.

Никто из всех не заметил, что Кальв сын Арни поднял меч Орм с пола и взял его с собой.

XIII. Золотая сеть

Люди короля провели Дага в гостиную, и теперь он сидел там на скамье, со связанными руками, ожидая уже много часов. Его запястья опухли от сильного давления веревок и очень болели. Но эта боль оставалась чем-то далеким и внешним, которое едва ли касалось его. Он все еще чувствовал себя будто во сне. Он сидел и слушал звон маленького колокола, который продолжал беспрерывно звонить, и он не мог понять, что, собственно, произошло. Он не чувствовал ничего, кроме большой тяжести в себе и тихого, терпеливого ожидания.

Прошло много времени, пока его взяли и повели через двор к дому королевского ночлега. На дворе посветлело, как будто бы уже начинался день. Голос колокола звал над двором. Молодые священники неумолимо сменяли друг друга, дергая и дергая по очереди за веревку.

Когда Даг вошел в спальню, все занавесы были задернуты, и свечи снова зажжены. Снова теплый свет играл на пестрых картинах, и звезды нарисованного неба тихо светили вниз с купола. Великое спокойствие, кажется, наполнило покои. Тело Йона неподвижно лежало на кровати, король сидел рядом с ним на скамеечке, низко наклонившись, и подперев голову руками.

Дружинник, который привел Дага, остановился с ним у входа. Он взглянул на Дага и перекрестился.

- Священник Йон умер, – шепнул он Дагу.

В это же мгновение случилось так, как будто бы вся тяжесть в Даге растворилась, и его прежнее одурманенное состояние отступило. Внезапно он понял все, что произошло, и почувствовал, как мучительная печаль поднималась в нем, подобно темной волне, заполняя его, и болезненно душила его горло. Его колени дрожали, когда он теперь прошел вперед, повинувшись слабому знаку короля, в то время как его страж удалился.

- Подойди поближе, Даг, – сказал король вполголоса, – посмотри на него, свершилось, он мертв.

Даг подошел к изголовью кровати. Йон лежал, вытянувшись, со сложенными руками. Восковое лицо его выглядело истощенным и почти чужим. Но на его губах было выражение тихой приветливости. И когда свет от свечей играл на его лице, то это выглядело так, как будто Йон улыбался с закрытыми глазами.

Король поднял голову. – Этот покойник перед смертью наговорил мне много странных вещей, – заговорил он сдержанным голосом, – я не знаю, действительно ли я понял все. Но при этом одно стало мне ясно: то, что такая смерть, как его, не требует мести. Хочешь ли ты покориться мне, Даг, и предать свою голову в мои руки?

Даг чувствовал, как удушье становилось все сильнее, и слезы появились у него в глазах. Он медленно подошел к королю, преклонил колена перед ним и безмолвно положил свою голову на его колено, в знак покорности его милости.

Он услышал голос короля над собой: – Йон не хотел, чтобы я забирал твою жизнь. Кроме того, пожалуй, не приличествовало бы мне убивать человека, который происходит из моего собственного рода. Твои родители могут заплатить церкви виру, размер которой установит епископ. Но что касается тебя самого, Даг, то есть правило, которое гласит, что тот, кто убил человека, состоявшего на какой-то службе, должен сам занять его место, если он к этой службе пригоден. Ну, вероятно, священником я не смогу тебя сделать, да и церкви ты вряд ли сможешь служить. Но Йон был не только священником, но и членом моей свиты. Ты хотел бы получить его место и служить мне, как служил он?

Даг поднял лицо. Слезы текли по нему. – Если ты хочешь взять меня таким, какой я есть, – с трудом сказал он, – то я соглашусь с радостью. Но я не смогу быть другим, чем я есть, король, и ты знаешь, что я не в силах изменить то, что есть во мне.

Король вздохнул. – Я должен буду взять вас всех такими, какие вы есть, – ответил он печально, – как тебя, так и других. Те, которые пили из этого кубка, отмечены знаком, я это знаю. Никто больше этот знак не сотрет. Но теперь я знаю больше, чем я знал прежде, и осознаю, что мы только тогда будем верными служителями нашего Бога и Господа, если мы научились прощать.

Пока он говорил, занавес за ним пошевелился; теперь он сдвинулся в сторону, и вошел епископ. Его рука крепко держала крест на груди. Круглое лицо выглядело бледным. – Прощать врагов наших, да, – вмешался он, – но также и врагов нашего Господа и Бога?

Король повернул к нему голову. – Господь наш даже на кресте просил Бога простить его врагов. Йон говорил мне, что Белый Христос не хочет преследования его врагов, и я думаю, что он говорил правду.

- Значит, они должны остаться безнаказанными, те, которые шли дорогой дьявола, несмотря на то, что мы здесь четко видели, чем это может закончиться?

Епископ тяжело дышал.

- Эти вещи не настолько открыты нашему взору, епископ, чтобы мы, люди, могли попытаться судить о них, – ответил король. – И теперь я сомневаюсь, что та дорога, на которой священник Йон нашел ту наивысшую любовь, которую он доказал, я сомневаюсь, что это могла быть дорога дьявола. Мне сейчас даже кажется, что, может быть, все же существуют всевозможные дороги к богу.

Епископ положил королю руку на плечо. – Я уже видел это раньше, Олав: яд, который тот Злой по капле вливал в твое сердце, не остался без действия. Ты легкомысленно играл с огнем, и это причинило тебе вред. Ты сомневаешься и стал нетвердым в вере в того, кто говорил: «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

Король поднял голову. – Было бы бессмысленно притворяться в этот час, – ответил он. – Я всегда сомневался, епископ Гримкель. Я стремился заглушить эти сомнения громким голосом – слишком громким голосом, как мне кажется – но они не отступали от меня. Мне, похоже, придется носить их с собой до самой смерти. Ничто в мире не сможет заставить замолчать в моем сердце тот голос, который требует, чтобы я шел той дорогой, по которой шли эти мужчины, той дорогой, на которой они нашли не только знание и познание, гнев и любовь, но и то согласие с самим собой, в котором отказано мне. Смог ли бы я получить это согласие, выпив из кубка колдуна – я этого не знаю. Я только знаю, что Йон пил из этого кубка, и он, кто умер за меня, не обманул меня, можешь поверить. Тем не менее, ты можешь быть спокоен, епископ. Я буду продолжать идти по той дороге, которую я начал, до конца. Я не отступлю от веры, это не в моем характере. Я буду хранить верность моему богу, и он, который знает разлад в моем сердце, мои усилия, как и мою неудачу, он, как я надеюсь, все распутает в подходящий час. А пока мне остается только использовать то единственное, тот срок, который выкупил для меня Йон ценой своей жизни, для того, чтобы стать лучшим служителем Христа, чем я был до сих пор.

Он вытащил кинжал и осторожно разрезал веревки, которыми были связаны руки Дага.

Но веревки глубоко врезались в мясо, суставы опухли, и руки как бы отмерли, так что Даг не мог двигать ими и должен был стискивать зубы, чтобы не поддаться боли. Король заметил это. Его руки охватили суставы Дага и нежно и твердо гладили их, пока кровь не вернулась в омертвевшие пальцы. Даг стоял на коленях перед ним и смотрел на него, и он чувствовал, что они в душе были очень близки друг к другу. – Посмотри, – сказал король епископу с легкой улыбкой, – вот что мы должны делать: не ненавидеть, а излечивать.

Теперь растерянность проявилась также на лице епископа. – И, тем не менее, ты должен будешь бороться, Олав.

Король кивнул. – Да, я должен буду бороться, Гримкель. И вот это снова он, тот раздор, который проходит посередине всего мира, как и посередине сердца – раздор между «должен» и «нужно».

Он продолжал гладить запястья Дага. – Это снова станет хорошо, – говорил он, слабо улыбаясь ему, – но есть что-то, что никогда больше не будет хорошо...

У Дага снова начали течь слезы по щекам. Через их пелену он видел лицо короля, близкое и полное боли. И вопреки своей собственной скорби он почувствовал желание сказать королю слово утешения. Но он также знал, что сейчас для него это было бы неуместно. Он поднялся, так как король отпустил его руки. – Я хочу служить тебе, насколько хватит моих сил, король, – сказал он, – и я не пощажу своей жизни, чтобы искупить то, что я сегодня ночью совершил против тебя.

- Позови ко мне моих людей, Даг, – сказал король. – Пусть придут священники и помолятся за покойника, а потом его нужно будет перенести для прощания в церковь. И не спорь с этим, Гримкель, – он не дал возразить епископу, когда тот сделал быстрое движение, – поверь мне, этот юноша был полностью христианином, вопреки тому обручью или, вероятно, даже благодаря ему. И затем нужно открыть тюрьму и освободить Сигвата. А вор Бьёрн пусть как можно скорее сбежит к себе на родину в Швецию, тогда мы забудем о нем. Но тех, кто носит эти обручья, нужно оставить в покое, и пусть они по-прежнему будут моими друзьями, как прежде. И я не буду никого из них уважать меньше, чем я уважал их раньше. И мы попытаемся оставить в прошлом темный сон этого рождественского времени, которое теперь закончилось, и войти в новый год, которому мы будем смело смотреть в глаза, что бы он нам ни принес.

Он отпустил Дага движением руки.

После того, как Даг послал казначея к королю, он вышел на двор. Уже было утро. Дым поднимался над крышами, всюду кипела жизнь. Из хлебов доносился лязг цепей и мычание животных, слышно было, как кузнец бьет своим молотом, как кричат работницы. Ветер стих, небо стало абсолютно ясным, и темная утренняя заря распространялась по нему, бросавшая красноватые отблески на снег и освещавшая фронтоны домов. Но горы вокруг стояли в своем величественном спокойствии и поднимали свои серьезные вершины в небесное зарево. И когда Даг смотрел вверх на них, ему показалось, что где-то там наверху на одной из снежных равнин, которые тянулись ниже более темных лесов, он

увидел фигурку, совсем маленькую и далекую, которая медленно шагала в гору, пока ее, наконец, не поглотил серый лес. Нельзя ли было там разглядеть что-то похожее на развевающийся длинный плащ?

Даг вглядывался в зарождающийся день. Звон маленького колокола все еще звучал, звонко и однообразно пел он свою песню заснеженному миру. И, глядя на горы, Даг чувствовал, как также в нем распространялось то великое спокойствие, которое лежало над ними. Он теперь снова был Дагом Светлооким, который умел видеть внутреннюю часть бытия, и он понял: единство мира не было разорвано, все было еще таким же цельным и в порядке вещей, как это было раньше. Также вся борьба, вся боль и вся тьма мира были сотканы вместе, сплетены в огромную сеть из золотых нитей, в сеть, у которой нигде не было конца. И он сам чувствовал, как он колеблется вместе со всем этим целым, ощущает себя единым с ним, неразделимо связанным с ним, движимым невидимой силой, которая искусно и со знанием сплела все нити в эту чудесную, необычайную и великолепную игру жизни. И все это было именно так, как и должно было быть.

XIV. Судьба короля Олава

На этом заканчивается сага о посещении королем Олавом Харальдссоном крестьянина Рауда и о тринадцати рождественских ночах, которые король провел тогда в Эстердалене. Остается рассказать лишь о том, как закончилась жизнь короля.

Уже весной, которая последовала за описанными здесь событиями, английский король Кнут высадился на норвежском побережье с большим войском. Он созывал там тинги, и отовсюду туда прибывали к нему крестьяне, и он был провозглашен королем всей страны. Он назначал наместников, брал заложников из числа крестьян, и никто не прекословил ему.

Король Кнут Могучий

Король Олав попытался сначала оказывать сопротивление. Но когда он увидел, что перевес противника был слишком велик, а также что его собственные люди больше не хотели повиноваться ему, он удалился в горы. Только маленький отряд самых верных соратников остался с ним, все другие покинули его теперь, так как они боялись, что в противном случае победители не пощадят их близких и их собственность. Поэтому король решил покинуть страну, и через лес Эйдаског отправился в Швецию. Среди тех, кто сопровождал его, были Даг, Хрейдар и Рёгнвальд, братья Финн и Торберг, сыновья Арни, а также он взял с собой королеву Астрид и своего маленького сына Магнуса. А среди тех, кто остались, были Кальв сын Арни и окольный Бьёрн; скальд Сигват весной, еще до того, как события обострились, отправился в путешествие в Рим.

Два года король Олав жил в изгнании. Он поехал дальше на Русь и одно время жил там у короля Ярослава, своего свояка. Ярослав хотел дать ему землю, но дружинники Олава не хотели поселиться на чужбине, и уговаривали его, чтобы он вернулся в Норвегию и боролся за возвращение себе законной королевской власти. Король Олав долго колебался и обращался за советом к богу во многочисленных молитвах. Наконец он решился и отправился в Швецию. После длительных переговоров его деверь шведский король Эмунд решил предоставить ему маленькое войско. С ним Олав двинулся к границе. Также Даг Хрингссон

(Даг сын Хринга), его родственник, который был двоюродным братом сыновей Рауда и сыном брата госпожи Рагнхильд, вышел в поход с большой дружиной, чтобы объединиться с ним. Кнут Английский снова покинул Норвегию, и назначенный им ярл Хакон совсем недавно умер. Поэтому выбранное время казалось благоприятным, и предприятие Олава не представлялось безнадежным.

Однако, как рассказывают, сам король в действительности не верил в успех своего предприятия и говорил, что его самого удивило бы, если удача еще осталась на его стороне. Но когда его однажды спросили, почему же он тогда покинул Швецию, он якобы ответил, что ему кажется не достойным короля уклоняться от того, что его ждет, и что, кроме того, ни один человек не может избавиться от своей собственной тени.

Но когда самые могущественные люди среди норвежской знати услышали о приближении Олава, они собрали сильное войско. Возглавил его Кальв сын Арни, и оно должно было предотвратить возвращение короля Олава. Близ хутора под названием Стикластадир около шведской границы оба войска сошлись. Там и произошла та битва, о которой будут рассказывать до тех пор, пока будет жив хоть один норвежец. И в этой битве король Олав потерял свою жизнь. Он сражался с большой смелостью и его друзья вместе с ним.

Битва при Стикластадире и смерть короля Олава II (художник Хальфдан Эгедус)

И когда они вокруг него погибли, а он стоял только один, тогда он получил три раны: первую нанес ему Торстейн Корабельный Мастер, который таил старую злобу против него, так как король когда-то отнял у него самый лучший торговый корабль. Вторую рану Олав получил от Торира Собаки, у которого король много лет тому назад приказал убить четырех родственников, не захотевших принять христианство. А третьим ударом его поразил Кальв сын Арни, ударивший его мечом Ормом в шею, и Олав умер от этой раны.

Рассказывают, что в этой битве также Финн сын Арни был тяжело ранен и что он, когда его брат Кальв нашел его и хотел ему помочь, бросил меч в него и назвал Кальва предателем и убийцей короля. Также Даг сын Рауда был найден после битвы своим братом. Рауд лежал тяжелораненый и без сознания около того места, где погиб король, так как он сражался среди воинов, стоявших стеной из щитов вокруг короля, и лишь в нескольких шагах от него. Даг защищал короля, пока сам не упал.

Смерть короля Олава II Харальдссона (художник Петер Николай Арбо)

Сигурд заботился о своем брате, а затем привез его домой в Эстердален, где он, наконец, снова выздоровел. Но правая рука Дага так и осталась неподвижной. Позже Сигурд отправился в дальние страны, чтобы познакомиться с их диковинами и больше не вернулся. Так Даг получил двор после смерти отца и женился на женщине из хорошего рода. Его род долго процветал в Эстердалене, и в нем еще довольно длительное время передавались по наследству разнообразные знания предков, пока со временем этот род постепенно не вымер.

Еще нужно сказать о том, что немедленно, сразу после того, как король Олав погиб в битве при Стикластадире, произошел странный поворот во взглядах тех, кто до тех пор был против него. Скоро уже начали рассказывать множество историй о чудесах, небесных знамениях и об излечениях, которые происходили вокруг его трупа. Также те, кто были с ним на Руси и в Швеции, смогли многое сообщить о поистине святом его нраве, который Олав приобрел в последние годы своей жизни, о его постоянно растущей доброте и задумчивости. Говорили о его врачевании и о великих деяниях, которые он совершил как лекарь. И скоро всюду уже говорили, что было позором прогнать и убить такого хорошего короля. С глубокой тоской народ вспоминал теперь время его правления, так как нынешние властители в стране, назначенные королем Кнутом, правили жестоко, они грабили крестьян, высасывали из них все соки, и были не в состоянии навести порядок.

И случилось так, что могущественные люди норвежской знати объединились, прогнали чужаков, и послали Кальва сына Арни в Швецию, чтобы привезти оттуда юного сына Олава Магнуса, который затем с общего согласия был провозглашен королем.

Панно из Нидаросского собора изображает, как епископ Гримкель с другими священниками открывает могилу Олава и провозглашает короля святым.

Епископ Гримкель всюду рассказывал о чудесах, которые происходили у могилы короля Олава, и с тех пор короля называли Олавом Святым. Если сначала народ тайком шептал, что врачевание короля было даром Одина, то теперь он все больше и больше переносил то, что когда-то рассказывали об Одине и других богах, на самого Олава. И люди взывали к нему и совершали паломничество к его могиле, и доверялись ему, как когда-то раньше доверялись старым богам. Источник, который ранее был посвящен Одину, стал теперь источником Святого Олава, и люди, пившие из него, получали здоровье и мудрость, как в прежние времена. Но священное копьё Одина стало копьём короля Олава, и оно было выставлено как реликвия в церкви, где был похоронен король. И когда во время битвы это копьё несли впереди войска, то враги так же убегали от него, как это было когда-то во времена предков.

Святой король Олав II Харальдссон на фреске одной из шведских церквей

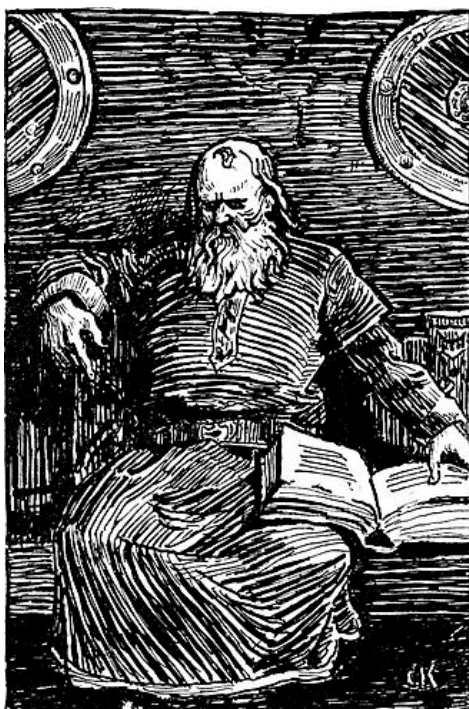
И поэтому народ не противился больше христианской вере и постепенно забывал свою тоску по старым богам, благодаря своему святому королю, который был нужен своему народу, как когда-то были нужны ему и старые боги. И мертвому Олаву удалось то, что не удалось ему живому: стать мостом, по которому

его народ смог пройти в новую эпоху. Но призрак Одина после тех рождественских ночей никогда больше не являлся ни одному норвежскому королю.

Послесловие

Действие представленного выше повествования происходит в ночи Юла, древнего языческого праздника зимнего солнцестояния, ставшего христианским Рождеством, на рубеже 1027 и 1028 годов. Это было последнее время зимнего солнцестояния, которое король Олав «Святой», тогда еще прозванный «Толстым» или, пожалуй, правильнее «Широким», провел в своем Норвежском королевстве.

Сюжет основывается преимущественно на включенной в сборник древнескандинавских саг «Fornmanna sögur» Саге о Рауде и его сыновьях (Rauðúlfs þáttur – «Прядь о Раудульве», на немецком языке опубликована в 17 томе собрания Thule, Diederichs, Jena, 1928), а также на жизнеописании Олава Святого, которое составил исландский поэт и ученый Снорри Стурлусон в тринадцатом веке в его книге «Heimskringla» («Круг Земной»), истории норвежских королей (собрание Thule, том 14-16).

Снорри Стурлусон (1179-1241), картина норвежского художника Кристиана Крога

Записанные в двенадцатом и тринадцатом веке в Исландии древнескандинавские саги отличаются такой поразительной трезвостью, наглядностью и психологическим проникновением в тему, чего мы, современные люди, не ожидаем от средневековых описаний. Жизненный уклад и образ мышления описанных людей выглядят еще чрезвычайно древнегерманскими, преимущественно почти доисторическими, но манера изображения при всех ее недостатках производит прямо-таки современное впечатление. Это выглядит почти так, как будто бы Скандинавия перескочила через Средневековье, и от доисторического древнегерманского взгляда на мир и на жизнь сразу перешла к мировоззрению Нового времени, тому мировоззрению, которое в остальной Европе укрепилось только с эпохи Возрождения. Причину этого, вероятно, нужно искать в своеобразной религиозной ситуации европейского Севера в те времена. Только к концу первого тысячелетия после Рождества Христова Скандинавию затронула затопившая Европу волна победоносного христианства и вместе с ним нового способа смотреть на мир и на жизнь. В сагах теперь отчетливо отражается ситуация этого временного промежутка между религией и мирами. Старые боги канули в прошлое, сохраняя только лишь в народных обычаях, суевериях и тайном шепоте призрачную, в поэзии скальдов поблекшую до аллегии тень жизни. Более глубокая мудрость и мистика, которая содержалась в древнегерманской вере, так же как во всех дохристианских и нехристианских индогерманских религиях, была в Норвегии уничтожена с убийством всех «знатоков мудрости» Олавом Трюггвасоном (на званом пиру). Но новая вера в действительности еще не укрепилась, так как для этого отсутствовали внутренние предпосылки. Без воздействия на внутренний мир она оставалась лишь внешней формой, которая часто самым наивным способом приспосабливалась к старому образу мышления и существования. Так оставалось пространство для действительно трезвого мировоззрения, которое видело и воспринимало вещи такими, какими они были, и делало возможным очень реалистичное описание людей и событий. Каждый персонаж, описанный сагой, становится убедительно вырисованным литературным портретом. В сагах даже без робости осмеливаются рассматривать самые трудные психологические проблемы.

«У меня такое впечатление, Рауд, что ты не говоришь легкомысленно больше того, что ты считаешь достоверным», говорит король Олав крестьянину Рауду в Саге о Рауде и его сыновьях. Эти слова можно применить также к древнескандинавскому рассказу вообще. Сага была в первую очередь устным рассказом; ее слушали, а не читали. Ее сказитель считался ее рассказчиком, но не ее сочинителем. Тогдашний слушатель хотел правды и ничего иного, достоверность была существенным критерием сказителя. Поэтому мы, современные люди, можем предполагать, что сага не может содержать ничего такого, что не казалось слушателям тех далеких веков возможным и вероятным. Если, например, описание (переданное мною почти дословно) круглого дома, который крестьянин

Рауд на своем дворе обставил для королевского посещения, может содержать несколько преувеличений, то все же такое строение, как и весь тот культурный блеск, который, кажется, распространился над этим крестьянским поместьем на востоке Норвегии, очевидно, находилось в пределах тогдашних возможностей. Я думаю, что здесь я едва ли преувеличивала, так как вообще почти каждая отдельная линия моего рассказа опирается либо на дошедшие до нас саги, либо на народоведческие и религиоведческие исследования.

Один обращается к воронам Хугину и Мунину (изображение XVIII века в исландской рукописи)

Также встреча «призрака Одина» с Олавом Трюггвасоном и со Святым Олавом неоднократно была описана в литературе того времени. Но Снорри рассказывает об этом в «Круге Земном» с маленькой оговоркой, начиная свое сообщение с осторожных слов «как говорят». В какой мере такие сообщения, так же как многочисленные описания воздействия магии, чар, колдовских песен, вещей снов и видений будущего опираются на факты, сегодня, естественно, уже нельзя определить. Но сегодняшнему читателю все равно не следовало бы слишком торопливо произносить здесь слово «невозможно!». Мы знаем, что в культовой жизни народов, которые пребывали и все еще пребывают в сфере магического

восприятия мира, могли происходить и еще сегодня могут происходить такие вещи, которые «просвещенный» человек больше не считает возможными. Именно то, какие возможности массового гипноза, ясновидения и создания символических образов может продемонстрировать жрец и посвященный какого-либо примитивного культа или настоящей религии мистерий, отчетливо показывает, что наша «школьная премудрость» разгадала еще далеко не все загадки, которые загадывает нам действительность. Все-таки можно объяснить появление «призрака Одина» рационалистически, если хотите, и оно остается психологическим феноменом, который очень хорошо можно объяснить, исходя из положения тогдашних норвежцев.

Использованные строфы взяты в большинстве случаев из «Эдды» в немецком переводе Феликса Генцмера.

ДОПОЛНЕНИЕ

Снорри Стурлусон («Круг Земной») об истории крестьянина Рауда, его сына Дага и короля Олава

«Одного человека звали Рауд. Он жил в Эйстридалире. Его жену звали Рагнхильд, а сыновей Даг и Сигурд. Они были достойными людьми. Они тоже были на тинге, отвечали от имени жителей Эйстридалира и отклонили обвинение. Бьёрн посчитал, что они ведут себя слишком заносчиво и что одеты и вооружены они вызывающе, и он стал обвинять братьев и сказал, что, вероятно, они-то и украли скот. Братья отвергли обвинение. На этом тинг закончился.

Вскоре после этого к Бьёрну управителю приехал Олав конунг со своим войском и остановился у него. Тут конунгу рассказали о деле, которое обсуждалось на тинге. Бьёрн сказал, что, как он считает, в краже, скорее всего, повинны сыновья Рауда. Послали за сыновьями Рауда, но когда они явились к конунгу, тот сказал, что они не похожи на воров, и признал их невиновными. Они пригласили конунга со всем войском погостить у их отца три ночи. Бьёрн стал отговаривать конунга, но конунг все же поехал к Рауду.

Пир у Рауда был на славу. Конунг спросил Рауда, какого он рода и кто его жена. Тот ответил, что он швед, человек богатый и знатного рода, и добавил:

- Но я бежал из Швеции с этой женщиной и женился на ней. Она сестра конунга Ринга сына Дага.

Тут конунг узнал, какого они рода и, увидев, что и отец и сыновья люди умные, спросил, что они умеют. Сигурд говорит, что он может толковать сны и различать время суток, даже если не видно ни луны, ни солнца. Конунг проверил, правда ли это, и убедился, что Сигурд сказал правду. Даг сказал, что если он хорошенько подумает, то сможет сказать о достоинствах и недостатках каждого, кого увидит. Тогда конунг попросил Дага сказать, какие недостатки он видит в нем, Даг сказал, и конунг нашел, что он сказал правду. Тогда конунг спросил, какие недостатки он видит в Бьёрне управителе. Даг говорит, что Бьёрн вор и что он знает, где у него в усадьбе спрятаны кости, рога и шкуры тех животных, которых он украл осенью.

- Он сам, – продолжал Даг, – украл весь тот скот, который пропал осенью, а обвинил в этом других.

И Даг назвал конунгу те места, где тот должен искать. А когда конунг уезжал от Рауда, тот дал ему богатые подарки в знак дружбы. С конунгом отправились сыновья Рауда. Конунг первым делом поехал к Бьёрну, и все оказалось так, как сказал Даг. Конунг сказал, чтобы Бьёрн убирался из страны да еще и благодарил жену конунга за то, что его оставили в живых.

Портрет короля Олава II в часовне Святого Олава в церкви Сан-Карло-аль-Корсо (Рим). Работа польского художника Павла (Пия) Велонского

Торир, сын Эльвира из Эгга, пасынок Кальва сына Арни и племянник Торира Собаки, был очень хорош собой, высок ростом и силен. Ему было тогда восемнадцать лет от роду. Он удачно женился в Хейдмёрке и взял богатое приданое. Его все очень любили и уважали как самого знатного человека. Он пригласил конунга со всем его войском к себе погостить. Конунг принял приглашение и приехал к Ториру. Его очень хорошо приняли. Пир там был на славу, угощение отменное, и все было устроено наилучшим образом. Конунг и его люди говорили между собой, как все у Торира хорошо, и не могли решить, что им больше всего нравится: его усадьба, убранство, угощение, питье или сам хозяин. Даг все это время молчал.

Олав конунг имел обыкновение беседовать с Дагом и спрашивать его о разных вещах. Конунг убедился, что Даг всегда говорит правду и о прошедших событиях, и о том, что должно произойти. Конунг очень верил его словам. Однажды конунг позвал к себе Дага, чтобы поговорить с ним с глазу на глаз. Конунг беседовал с ним о многом и в конце концов стал хвалить Торира и говорить, какой он достойный человек и какой роскошный пир он устроил. Даг не возражал и сказал, что все это правда. Тогда конунг спросил Дага, какие недостатки он видит в Торире. Даг отвечает, что его можно было бы назвать хорошим человеком, если бы он был во всем таков, каким его все видят. Тогда конунг попросил сказать ему всю правду и добавил, что Даг обязан это сделать. Даг отвечает:

- Тогда, если я докажу его вину, ты, конунг, должен позволить мне совершить возмездие.

Конунг обещает, что никому другому он не поручит исполнить свой приговор, и просит Дага не медлить с ответом. Даг отвечает:

- Слово конунга дорогого стоит. Я нахожу у Торира недостаток, который теперь есть у многих: он слишком сребролюбив.

Конунг отвечает:

- Что ж он, вор или разбойник?

Даг отвечает:

- Нет, совсем не то.

- Так что же тогда? – говорит конунг.

Даг отвечает:

- Он взял деньги за измену своему конунгу. Он взял их у Кнута Могучего за твою голову.

Конунг отвечает:

- А чем ты это докажешь?

Даг говорит:

- На правой руке у него выше локтя толстое золотое обручье, которое ему дал Кнут конунг. Он его никому не показывает.

На этом их разговор закончился. Конунг был в сильном гневе. Однажды конунг сидел за столом, и все уже порядком выпили и были навеселе, а Торир обходил гостей и угощал их. Конунг велел позвать к себе Торира. Тот подошел к конунгу и положил руки на стол. Конунг спросил:

- Сколько тебе лет, Торир?

- Мне восемнадцать лет, – говорит тот. Конунг сказал:

- Для своих лет ты очень рослый. К тому же ты знатного рода.

Тут конунг взял его за правую руку и пощупал ее у локтя. Торир говорит:

- Осторожней, у меня на этой руке нарыв.

Но конунг не отпускал его руки и почувствовал что-то твердое под рукавом. Конунг сказал:

- Разве ты не знаешь, что я врач? Дай-ка мне взглянуть на твой нарыв.

Торир понял, что ему не удастся скрыть обручье, снял его и подал конунгу. Конунг спросил, не подарок ли это Кнута конунга. Торир говорит, что он этого не может отрицать. Тогда конунг велел схватить Торира и заковать. Тут подошел Кальв, попросил пощадить Торира и предложил за него выкуп. Многие стали просить за Торира и предлагать за него выкуп, но конунг был так разгневан, что никого не хотел слушать. Он сказал, что Торира ожидает та же участь, какую тот готовил конунгу. Он велел казнить Торира. Казнь Торира вызвала сильное возмущение в Упплэнде и не меньшее на севере, в Трандхейме, где жило

большинство его родичей. Кальв был тоже очень возмущен этой казнью, так как Торир был в детстве его приемным сыном».

* * *

Полный «Рассказ о Рауде и его друзьях» на английском языке с научным комментарием и примечаниями можно найти в Интернете [по ссылке](#).

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).